

6

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ  
ЖУРНАЛУ

# СОЦИОЛОГИЯ

Новые вызовы  
для социологии

Что происходит в  
теоретической социологии?

Стратификация по  
цифровым навыкам

Идеология vs утопия

Постпандемия:  
закрепление эффектов?



НАУКА

— 1727 —



# СОЦИОС

Журнал основан  
в июне 1974 года

---

## ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ИВАНОВ Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1:  
Актуальность новой повестки
- 16 РОМАНОВСКИЙ Н.В. Грядущие перемены в мировой  
и российской теоретической социологии

## СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- 29 КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР С.Г. Становление нового мирового порядка:  
вызовы для российского обществоведения
- 42 ЧЕРНЫШ М.Ф. Идеология против утопии: старые противоречия и новые  
конфликты в современных обществах
- 53 МАРТЬЯНОВ В.С. Расколдовывание западного мейнстрима

## СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 65 ПОПОВ Е.В. Цифровые навыки в регионах России
- 76 САВИН С.Д. Кризисно-стабилизационная динамика массового сознания  
российского общества

## СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

- 88 ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ Н.А., ШАРЫПОВА С.Ю. Влияние пандемии COVID-19  
на повседневные практики заботы о здоровье: (не)закрепление эффектов
- 99 БЕЛОВА Ю.Ю. Алкоголизм, угроза идентичности и миграционные намерения  
молодежи (по материалам экспедиции в Псковскую область)

## ЮБИЛЕИ

- 110 Гилинскому Я.И. – 90 лет!
- 113 ГИЛИНСКИЙ Я.И. Девиантология постмодерна: проблемы и перспективы
- 121 Осипову Г.В. – 95 лет!

## СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 122 ЩЕЛКИН А.Г. Социология: постмодернизм и онтология
-

## **ПЕРВЫЕ ШАГИ**

- 133 СПИРКИНА А.К. Социологические теории повседневности как инструмент исследования практик молчания

## **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

- 144 МАКЛАШОВА Е.Г., ПОПКОВ Ю.В. Этносоциальные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке
- 147 ИСТОМИНА О.Б. Социальные процессы в российском обществе: проблемы современности и перспективы
- 149 КОЛОСОВА Е.А. Интеллигенция и общественный договор
- 151 СУХАНОВА М.А. III Герценовские чтения
- 153 ТАНАТОВА Д.К., ХАЙРУЛЛИНА Н.Г. Социологические чтения РГСУ о проблемах российской семьи

## **РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ**

- 155 ТОЩЕНКО Ж.Т. Новая страница в истории отечественной социологии

## **163 ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

## **IN MEMORIAM**

- 171 Памяти Л.Л. Рыбаковского

- 174 Памяти Д.Г. Ротмана

## **175 CONTENTS**

## **НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)**

## **В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)**

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте ([socis@isras.ru](mailto:socis@isras.ru)) в формате \*.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

**По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: [socis@isras.ru](mailto:socis@isras.ru)**

© 2024 г.

Д.В. ИВАНОВ

## ТРЕТЬЯ ИНТЕГРАТИВНАЯ ВОЛНА В СОЦИОЛОГИИ. Часть 1: АКТУАЛЬНОСТЬ НОВОЙ ПОВЕСТКИ

---

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (dvi2001@rambler.ru).

---

**Аннотация.** Осуществлен анализ смены периодов фрагментации/интеграции в современной социологии. Первая интегративная волна в социологии была в 1920–1950-х гг. и проявилась в «больших» теориях П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, связавших разнородные идеи классиков в моделях общества как системы. После парадигмального кризиса 1960–1970-х гг. и распространения постмодернистского дискурса возникла вторая интегративная волна, преодолевавшая разрывы между концепциями детерминирующих структур и конструирующих действий. Сегодня фрагментация в социологии вызвана ростом влияния постколониального дискурса, попытками стигматизировать западную классику, создать альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания, распространением концепций, противопоставляющих классической социальности структур и действий социальную реальность сетей и потоков. В 2020-х гг. в социологии сложились условия для третьей интегративной волны. Актуальными становятся теории, создающие конфигурацию четырех типов социальных структур: институты, интеракции, сети, потоки. В качестве интегративных решений в социологии предлагаются концепции дополненной социальной реальности, дополненной современности, дополненных данных.

**Ключевые слова:** развитие социологии • метапарадигмальный кризис • интегративная волна • дополненная современность • постглобализация • институты • интеракции • сети • потоки

DOI: 10.31857/S0132162524060014

**Введение.** Дискурс кризиса в социологии в последние годы стал неотъемлемой частью теоретических дебатов в социологическом сообществе. Цели этого дискурса разнятся среди исследователей, оценки кризиса флуктуируют от констатации его вымышленности до выводов о грядущей смерти дисциплины [Дудина, 2013; Vandenberghe, Fuchs, 2019; House, 2019; Бэр, 2020]. Популярность дискурса кризиса можно вслед за Дж. Деланتي объяснять тем, что проблематизация вплоть до провозглашения «конца социологии» является частью самокритичной природы социологии [Delanty, 2023]. Однако это не объясняет флуктуацию дискурса. История социологии показывает, что они обусловлены тем, что научная дисциплина развивается не линейно [Иванов, 2022], чередуются периоды теоретико-методологического размежевания, фрагментации и периоды стремления к интегрированности, повышению связности. Кризисы открывают путь обсуждению

гипотезы конца социологии и сдвигам к ее новому развитию. Актуальные истоки нового теоретизирования можно найти в волнообразной исторической динамике социологии. В статье сделана попытка обрисовать перспективы теоретического развития социологии, исходя из анализа смены периодов ее интеграции и фрагментации.

**Классика: от протосоциологии к первой интегративной волне.** Начальные этапы истории социологии были временем фрагментации. Доминировал акцент на уходе от старого, на поиске различий. Нарастало разнообразие идей и подходов. В 1820–1870-х гг. позитивизм О. Конта, эволюционизм Г. Спенсера, исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса и другие проекты науки об обществе провозглашали разрыв с философской традицией, фокусировались на конфликтном развитии капитализма, выдвигали проекты лучшего общества. Несмотря на антифилософскую постановку проблемы науки об обществе и на концептуальные основы социологии, концепции Конта, Маркса, Спенсера и др. не были социологией. В их фокусе оставалось выведение универсального закона развития человечества в рамках доктрины, охватывающей бытие и познание. Это была *протосоциология*. Совокупность созданных тогда проектов науки об обществе оставалась на грани между научным знанием и философскими и мировоззренческими доктринами.

Протосоциология в России 40-х гг. XIX в. оказала заметное влияние на характер дискуссий о путях развития страны. Сформировались течения «западников» и «славянофилов». Под влиянием европейских поисков науки об обществе и в противовес им в 1860–1870-х гг. были созданы концепции, укорененные в российских социальных реалиях и дебатах, но демонстрирующие стремление раскрыть универсальные законы устройства и развития общества. Теория исторических типов Н. Данилевского и субъективный метод П. Лаврова и Н. Михайловского предлагали проекты «научного» объяснения и «справедливой» направленности общественного развития.

На протяжении 1880–1910-х гг. период фрагментации продолжился. В стремлении продемонстрировать общие для социологов предмет и метод Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис, В. Зомбарт, В. Парето, представители Чикагской школы создали работы с акцентом на различия: на реализм и номинализм, теоретическую и эмпирическую социологию, между традиционностью и современностью социальной жизни. Эти работы, много критиковавшиеся, теперь ценятся за вклад в формирование стандартов работы социологов. Это был этап *классической социологии*. Совокупность исследований конца XIX – начала XX в. предопределила развитие социологии как дисциплины, имеющей свои предметную область и исследовательские методы.

Классики предложили отчетливые признаки социологии. Но возникло разнообразие ее видов, от которых ведут происхождение современные научные школы и направления. Разные виды социологии – результат разного видения предметной области и методологии. Дюркгейм с его социологизмом, Вебер с понимающей социологией, Зиммель и Теннис с формальной социологией, европейские школы теоретической социологии, Чикагская школа эмпирической социологии стремились конструировать и легитимировать социологию разными путями. Умножая разнообразие концепций предмета и методов социологии, углубляя различия между ними, классики фрагментировали изучаемую социальную реальность. Классическая социология – это и *классифицирующая* социология, превращающая исследование любого явления в дифференциацию его на типы, виды, классы, кластеры и т.п. Ныне этот исследовательский паттерн обеспечивает социологическим работам элементарный уровень научности и профессионализма, но введен этот паттерн в социологию, чтобы отделить современный тип социальности от традиционного. Это различие можно найти у пропагандиста методологии идеальных типов Вебера в его противопоставлении традиционного и рационального действия и хозяйства. Есть он у позитивиста Дюркгейма с его различием механической и органической солидарностей, альтруистического и эгоистического самоубийства, у волюнтариста Тенниса в его сопоставлении общности и общества, у эмпириков Томаса и Знанецкого в анализе крестьянского быта в Европе и городской жизни в Америке. Общество как целое, как

единый организм остался у протосоциологов и классиков социологии метафорой либо утопическим горизонтом теоретизирования, а социальная реальность фрагментирована на множество структур и процессов, тяготеющих к контрастным типам социальности.

В России развитие и институционализация социологии, обретение ею классических форм происходили в тот период аналогично Западной Европе и Северной Америке. Российская социология была частью ядра, из которого шло распространение дисциплины на периферийные страны и регионы [Connell, 2007: 5–6]. Разделяя с французскими, британскими, американскими и германскими коллегами по «имперскому» ядру взгляды на предмет и методы, российские социологи в первые десятилетия XX в. свою научную дисциплину развивали, двигаясь по расходящимся направлениям: позитивистскому, неопозитивистскому, неокантианскому, марксистскому. Самым известным выразителем разнонаправленности и фрагментации социологии был М. Ковалевский. Не создав оригинальной теории, он, тем не менее, внес вклад в теоретическую социологию, одним из первых разрабатывая концепцию многофакторности социального прогресса. Он отстаивал модель, в которой социальное развитие определяется географическими, демографическими, психологическими, интеллектуальными, экономическими и политическими факторами.

В 1920–1950-х гг. характер развития социологии изменился: период фрагментации сменился периодом интеграции. Дискуссии предшествующих лет о том, какой быть социологии, что является ее предметом и каковы методы, сформировали специфику социологии – автономное её положение среди социогуманитарных дисциплин.

Но созданные первыми классиками типологии и классификации форм социального взаимодействия, интеграции и солидарности, общностей и т.д. не образовывали единой концептуальной системы, то есть теории. В ходе эмпирических исследований шло накопление фактического материала, объем и разнообразие которого росли и требовали систематизации. Актуальной стала проблема синтеза, создания общесоциологической теории, которая объединяла бы достижения классиков, обобщала результаты, получаемые эмпирической социологией. В объединенных новой повесткой социологических работах доминировала ориентация на связи, на поиск общности. В результате эти работы образовали *первую интегративную волну* и стали *неоклассической социологией*.

Идеей общесоциологической теории, объясняющей комплекс социальных явлений и интегрирующей прежние и новые достижения, пронизаны выдающиеся теоретические работы середины прошлого века: «Современные социологические теории» и «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина, «Структура социального действия» и «Социальная система» Т. Парсонса, «Традиционная и критическая теория» М. Хоркхаймера и его совместная с Т. Адорно «Диалектика просвещения».

Результатом стали не только большие теории (Сорокин, Парсонс, Франкфуртская школа), но и эмпирические проекты, длившиеся по несколько лет и генерировавшие массивы данных, использовавшихся для решения крупных задач бизнеса, госуправления, социальной политики. Среди «гигантов» эмпирической и прикладной социологии можно выделить социальное картографирование Чикаго Р. Парка и Э. Берджеса, Хотторнские эксперименты с участием Э. Мэйо, исследование массмедиа П. Лазарсфельдом, проект «Авторитарная личность» Т. Адорно и др.

В советской России развитие социологии в 1920–1950-х гг. также шло в направлении интеграции и создания большой теории. Это была авторитарно-административная интеграция, роль большой теории играл исторический материализм – доктрина о законах общественно-исторического развития. С конца 1920-х гг. практика рассуждений о сущности и проявлениях такого рода законов господствовала три десятилетия, заменив собой немарксистские социологические теории и формы эмпирических исследований. Социологи других направлений были выдавлены из профессии и из страны. Сталинская «интеграция» в социальной теории производила сильное впечатление на внешних наблюдателей, как и сталинская индустриализация. СССР выглядел альтернативой экономически и идеологически. Многим американским и европейским социологам середины

XX в. перспектива развития социологии виделась в «конвергенции» элементов больших теорий – структурного функционализма и исторического материализма в универсальной теоретико-методологической концепции.

Интегративная логика, сближавшая социологов, характерная для больших теорий и больших эмпирических проектов середины XX в., проявилась и в подходах к социальным изменениям, развитию общества. На смену концепциям, рисующим разные траектории развития общества как пути разрыва с прошлым, исходя из разных образов будущего, пришли концепции единой современности – Modernity. Эта модель социальной динамики представлена в теориях М. Леви и Т. Парсонса, в идее П. Сорокина о конвергенции «западного» и «восточного» социокультурных типов, в концепции единого индустриального общества Р. Арона.

**От парадигмального кризиса ко второй интегративной волне.** В 1960–1970-х гг. произошел *парадигмальный кризис*, положивший конец первой интегративной волне в развитии социологии. Он открылся взрывным ростом критики господства макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии. С созданием множества концепций, претендующих на статус парадигмы, исследовательская деятельность социологов стала развиваться в направлении дробления их сообщества на группы, придерживающиеся альтернативных подходов. Рост микросоциологических, интерпретативных и активистских концепций в этот период перевел научную дисциплину на этап *постклассической социологии*, увеличив теоретико-методологическое разнообразие, но и восстановив баланс, нарушенный *неоклассической социологией*, экспансией макросоциологических и позитивистских подходов.

Присутствовавшая в социологии со времен Дж.Г. Мида, М. Вебера, А. Шюца идея изучения человеческого действия в 1960-х гг. была превращена новым поколением исследователей в орудие борьбы против больших теорий с их сосредоточенностью на макроуровне социальной реальности и неспособностью объяснять взаимодействие людей. Дж. Хоманс с теорией социального обмена, А. Турен с социологией действия, Г. Блумер с символическим интеракционизмом, П. Бергер и Т. Лукман с феноменологической социологией, И. Гофман с порядком интеракций, Г. Гарфинкель с этнометодологией пытались реконструировать социологию, сделав ее наукой микроуровня человеческого действия. Обращение исследователей к такого рода подходам подорвало господство макросоциологических теорий. В это же время объектом критики стала «квантофрения» социологии, – стремление социологические данные и выводы сводить к статистическим выкладкам, а социологический анализ – к манипулированию цифрами. В 1960–1970-х гг. такого рода критика получила поддержку в социологическом сообществе и стала основой противостояния с «жесткими» количественными методами «мягких» качественных методов. Эти методы, построенные на интерпретации не поддающихся статистическим процедурам данных о смыслах, которые люди придают событиям, отвечают концепции социологии как науки о взаимодействиях людей, которую продвигали Г. Блумер, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман и их последователи. С этого времени проекты исследования объективных структур, гигантские массивы данных, представляющие социальную реальность языком статистического анализа, стали замещаться исследованиями, сконцентрированными на субъектности людей, сводящимися к нарративам на обыденном языке.

Позитивизм подвергался критике за неадекватность методов исследований, за объективизм позиции исследователя как независимого наблюдателя социальных процессов. Критика традиционной теории Франкфуртской школой еще в 1930-х гг. нашла отклик в социологическом сообществе через три десятилетия. Обличение «конформизма» традиционной теории стало трендом. Концепции «критически-рефлексивной» социологии, развенчивающей объективистские притязания больших теорий, развивали Ч.Р. Миллс и Э. Гоулднер, испытавшие влияние неомарксизма. Наиболее радикальной версией позиции социолога стала созданная А. Туреном концепция социального акционализма. Ее сторонники в 1970-х гг. активно участвовали в социальных движениях, в том числе

экстремистских, применяя метод «социологической интервенции» в социальные процессы с целью выявить и развить «историчность» социальных движений.

Тенденции роста числа микросоциологических теорий с претензиями на парадигмальность, роста популярности антипозитивистской качественной методологии, роста внимания к активистским доктринам критической социологии, образуют движение к гуманизации социологии. Повестка этого движения, требование сделать социологию наукой о людях, создаваемую для людей их силами, мотивировала социологов возобновить дебаты о предмете (объективные структуры или интеракции в повседневной жизни) и методе («жесткие», количественные или качественные, «мягкие») и вновь обострить расхождение позиций. Как следствие в ходе развернувшихся дискуссий о том, что, как, для чего и для кого должны изучать социологи, сложилась ситуация множественности парадигм. Каждая из парадигм претендовала на роль общесоциологической теории и методологии, объединяя вокруг «своего» видения предмета и методов исследования часть социологического сообщества.

Тенденции фрагментации, помимо внутрисоциологических разделений по линиям «макро/микро» и «структура/действие», «количественное/качественное», выразились в стремлении к разрыву с традицией. Постмодернистская теория М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодриера, предлагая идеи «децентрации субъекта», «исчезновения человека», «конца социального» и т.п., подводит к выводам об исчезновении предмета микро- и макротеорий, о симуляционном характере социальных наук. В манифесте Лиотара «Состояние постмодерна» [Lyotard, 1979] уходящей эпохе доминирования в общественной жизни и науке системности и целостности противопоставляется постсовременность с распадом социальных агрегатов, эклектичностью, умножением малых нарративов. Постмодернизм оказался сильным вызовом, открыв перспективы исследовать предмет социологии по-новому, и грозную перспективу диссоциации предметности, утраты научного статуса [Baudrillard, 1978].

В эти годы и отечественная социология пережила парадигмальный кризис в форме ослабления советской доктрины истмата и возрождения социологических исследований. После 1953 г. в «железном занавесе» возникли «бреши», сквозь которые западная культура, включая социологию, проникала в СССР. Узкий круг советских философов и экономистов получил возможность знакомиться с новыми теориями и методами. Их усилиями социология была легитимирована в конце 1950-х гг. в формах «конкретных социальных исследований» и «критики буржуазной социологии». Критикуя западные теории, советские социологи «импортировали» их в отечественную социологию, способствуя ее концептуальному развитию. Анализируя зарубежные работы, они добывали теоретические модели, методики, которые противоречили истмату, но отвечали наблюдаемым процессам. В такой ситуации теоретико-методологической находкой советской социологии выглядит концепция трех уровней структуры социологического знания: социально-философская общая теория (исторический материализм) – частные социологические теории – эмпирический базис. Социологи получили возможность теоретизировать на «среднем» уровне, избегая идеологической конфронтации, и воспользовались этим для адаптации западных теоретических моделей к отечественному материалу. В советской социологии негласно утвердились структурно-функционалистские, неомарксистские идеи и идеи символического интеракционизма. Плюрализм постклассической социологии на Западе в России принял специфическую форму латентной ревизии доктрины исторического материализма и гуманизации технократических исследований.

В период 1980–1990-х гг. в социологии набрала силу *вторая интегративная волна*. С конца 1970-х гг. ослабло стремление к поиску принципиально новой парадигмы, распространились идеи создания единой парадигмы путем согласования конкурирующих подходов. Тенденция теоретико-методологической интеграции видна в трендах конца прошлого века: распространение теорий, призванных стать объединительными,



метатеоретизирование, бум концепций глобализации и проектов глобальной социологии, преодоления национально-государственных и культурных барьеров.

Стремлением к интеграции подходов, ранее считавшихся взаимоисключающими, отмечены разработки 1980-х гг.: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория структуризации Э. Гидденса, теория морфогенеза М. Арчер, конструктивистский структурализм П. Бурдьё. Эти парадигмы стали «мягкой» формой постмодернизма в социологии, иногда вопреки интенциям самих авторов, как в случае Хабермаса. Но логика постмодернизма проявилась в том, что, несмотря на популярность в социологическом сообществе теорий Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, их усилия по разрешению дилеммы «структуры/действия» и интеграции теоретической социологии усугубили ситуацию мультипарадигмальности. Прежние парадигмы не утратили влияния, но к макросоциологическим и микро-социологическим теориям добавились межуровневые или мезосоциологические теории.

Практика построения интегративных теорий способствовала превращению реинтерпретации в основной тип теоретической работы, позволяя выявить логические структуры, лежащие «глубже» авторского уровня анализа. Интеграция этих структур в единый концептуальный порядок позволяет создать общесоциологическую теоретическую систему, перекрывающую расхождения существующих теорий. Этот подход просматривается в работах, определивших видение социологами своей дисциплины после дебатов 1960–1970-х гг.: «Социология: мультипарадигмальная наука» Дж. Ритцера, «Социологические дилеммы» П. Штомпки, «Теоретическая логика в социологии» Дж. Александра [Ritzer, 1975; Sztompka, 1979; Alexander, 1982].

Новый тип теоретической работы, продвигающий установку «мягкого» постмодернизма на плюрализм и релятивизм, на легитимацию мультипарадигмальности, был назван Дж. Ритцером метатеоретизированием [Ritzer, 1990] и с 1980-х гг. стал преобладать в социологии. Создаются концептуальные схемы, объясняющие сложившуюся в теории ситуацию. Согласно Ритцеру, метатеоретизирование является рефлексивной концептуализацией, направленной на создание «комфортной среды» в теоретической социологии путем 1) прояснения оснований и логики созданных теорий; 2) предположений развития теорий; 3) межтеоретических отношений, задающих перспективу «поверх» различий и противоречий отдельных теорий. Метатеоретизирование Ритцера, Александра, Штомпки и др. представило фрагментацию, раздробленность социологии как логичную структуру «пространства возможностей» с нишами для сторонников всех школ и направлений.

Та же логика открытия пространства возможностей, а заодно проблем, конфликтов и путей их разрешения, обнаруживается и в исследованиях глобализации. Концепции глобализации, представляющие макроструктуры как связную систему планетарного масштаба, а микроструктуры как открытый мультикультуральный жизненный мир, поглотили постмодернистскую перспективу и заменили ее новой, предполагающей движение к глобальной современности [Robertson, 1992; Albrow, King, 1990; Giddens, 1990; Beck, 1997]. Принималась ли реальность глобализации позитивно, как в работах Р. Робертсона и М. Алброу, или критически, как у Дж. Ритцера и И. Валлерстайна [Ritzer, 2004; Wallerstein, 2000], это было воспринято как основание перехода к новому этапу развития дисциплины – к *глобальной социологии*, единой, мультикультуральной, избавленной от барьеров между исследователями из разных стран.

Вхождение российских социологов во вторую интегративную волну оказалось для отечественного научного сообщества весьма травматичным в интеллектуальном отношении. Российская социология в 1980–90-х гг. испытала концептуальный шок: большая теория прошлых десятилетий дезавуирована, теории среднего уровня обесценены, новая сложность интегративных теорий, мультипарадигмальности, метатеоретизирования и глобализации осваивалась с трудом. Советское влияние в международном сообществе, базирувавшееся на влиянии марксистской идеологии, сошло на нет, постсоветская социология оказалась на периферии мировой науки.

Лидеры отечественного научного сообщества в этих условиях все-таки следовали за логикой развития дисциплины и начали практиковать метатеоретизирование. Одних эта интеллектуальная практика привела к идее начать теорию «с нуля», исходя из эпатажно звучащего тезиса «в России теоретической социологии нет» [Филиппов, 1997], других – к адаптации на российской почве идеи мультипарадигмальности, соединяя западный мейнстрим с прошлыми наработками советского периода и ритуальными отсылками к до-советской традиции.

**Новая повестка: от метапарадигмального кризиса к третьей интегративной волне.** Этап глобальной социологии, вопреки ожиданиям, оказался недолгим и сменился периодом дезинтеграции и фрагментации в 2000–2010-х гг. В социологии развился *метапарадигмальный кризис*, вызванный сдвигом от стабилизационного метатеоретизирования в духе Дж. Ритцера, упорядочивающего множество структуральных и агентностных теорий, к трансформационному, нацеленному на концептуальную «революцию» и на открытие в сетях и потоках новых объектностей для социологии.

В условиях обозначившегося во втором десятилетии XXI в. поворота к постглобализации [Иванов, 2020] глобализационная метапарадигма не выглядит надежной концептуальной платформой для исследований. Рост разрывов, барьеров и конфликтов в «общем пространстве возможностей» побуждает все большее число социологов развивать постколониальный дискурс, стигматизировать западную классику, создавать теоретические альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания.

Трансформационное метатеоретизирование рубежа XX и XXI вв. переориентировалось с рефлексивной работы с другими теориями на работу с другой реальностью. Б. Латур, М. Кастельс, Дж. Урри, А. Аппадурай, К. Кнорр-Цетина акцентировали концептуальный разрыв между классической социальностью структур и действий и постсоциальной реальностью сетей и потоков [Latour, 1996; 2005; Urry, 2000; Castells, 1996; Appadurai, 1996; Knorr Cetina, 1997; 2009]. Латур и последователи его акторно-сетевой теории противопоставляют прежней «социологии социального» свои исследования гибридной реальности. Актор-сети являются одновременно и социально-материальными структурами, объединяющими разнородные объекты, включая людей и вещи, и формами агентности, превращающими тех и других в «актантов». Режим существования этой реальности – интеробъективность, выводящая ее за рамки теоретико-методологического выбора между объективностью институтов как тотальных нормативных структур и интересубъективностью смыслов, конструируемых (взаимо)действующими агентами.

Концептуализация мобильностей и потоковых структур в работах Урри и Кнорр-Цетины вводит представление еще об одном режиме существования реальности «постсоциальных отношений» между людьми и материальными объектами. Это трансобъективность мобильностей и потоков, чья реальность воспринимается и переживается только в движении сквозь привычные структуры, через территориальные, институциональные, групповые, культурные и символические границы. Традиционные для социологического взгляда предметности – социальные структуры представляют собой разграничения, фиксирующие зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет привлекающее внимание исследователей движение – перемещение вещей, людей, идей и т.д.

В то время как на «глобальном Севере» метатеоретизирование направлено на поиск концептуальных схем для новой гибридной и темпоральной реальности – мобильностей, ассембляжей и т.п., на «глобальном Юге» возникла совершенно иная разновидность трансформационного метатеоретизирования, которое фрагментирует социологию посредством постколониального дискурса. Это интеллектуальное движение развивается критикой доминирования западных теорий, неадекватности и иррелевантности западных концептов для незападных обществ и культур [Akiwowo, 1999; Alatas, 2006; Connell, 2007; McLennan, 2003]. Проекты постколониальной теории варьируют от специфических инструментов изучения аборигенных социокультурных феноменов, опыта сообществ бывших

колоний до превращения «южной теории» в инструмент концептуального противостояния и в альтернативный ресурс развития мировой социологии, призванный изменить баланс глобального производства знания в пользу «Юга».

Идеи создания теорий, объясняющих локальные феномены и порывающих с зависимостью от западного канона, созвучны критике европоцентризма и претензий на универсальность и объективность социальной теории, получившей распространение среди европейских и американских исследователей с конца 1990-х гг. [Wallerstein, 1997; McLennan, 2003]. Релятивизация основ «северной теории» стимулировала появление дискурса «отмены» классической социологии. Теоретическое наследие сторонниками этой идеи представляется как отжившие дискурсы, Маркс, Вебер, Дюркгейм обличаются как «расисты» и «империалисты», носители европоцентристского патриархально-маскулинного подхода, превратившего теорию в идеологию дискриминации, подавления социокультурного разнообразия и исключения меньшинств. Выработанные за два столетия профессиональные стандарты исследовательской работы рассматриваются как инструменты подчинения нормативной системе западного типа и заменяются дискурсивными практиками, призванными быть не столько наукой, сколько «голосом» ущемляемых меньшинств.

В русле метапарадигмального кризиса, фрагментации представлений о социальном мире сменился доминирующий подход к социальной динамике. Заложенные в теориях глобализации ожидания прихода открытого всемирного общества не оправдались. В контексте постглобализации на смену идее глобальности пришла идея множественности. Социологи стали практиковать подход, предложенный Ш. Айзенштадтом в конце прошлого века, но обретший второе дыхание сейчас. Концепция множественных современностей предполагает, что современность (*Modernity*) как тип социальной жизни может и должна принимать различные формы. Обнаруживаемые в разных странах расхождения с классическими образцами индустриализации, демократизации, секуляризации, индивидуализации следует трактовать не как отставание в развитии или отклонение от общей модели, а как цивилизационную специфику одной из современностей.

Следуя новым трендам, отечественные исследователи в 2000-х гг. подхватили возникший за рубежом дискурс «кризиса социологии» и начали практиковать трансформационное метатеоретизирование. Есть в этом русле попытки внести вклад в разработку «решающей» метафоры, способной двинуть теоретизирование за пределы старой эпистемологической конфигурации [Кравченко, 2002; Тощенко, 2011]. И есть попытки отгородиться от «чуждой» эпистемологии [Добренков, 2009; Дугин, 2022]. Претендовавшие на признание и недооцененные в мировой науке исследователи тяготеют к радикальной риторике разрыва с мейнстримом и выстраивания «свободной от диктата» собственной науки. Одновременно с дискурсом эмансипации от западной науки развивается дискурс несоответствия мировым стандартам научности в «туземной» науке теми исследователями, кто рассчитывает успешно встроиться в международное академическое сообщество. Таким образом, сейчас российская социология, раздробленная и институционально и концептуально находится на том же этапе эволюции, что и международное научное сообщество.

Обобщая черты метапарадигмального кризиса, можно сделать вывод, что сегодняшняя фрагментация социологии в условиях постглобализации – это кризис на пути предшествующего развития и открытие возможностей на новом пути. Новые социальные онтологии, постколониальная теория, разделение социологии по линии «Север/Юг», концепции множественных современностей не отменяют прежнюю социологию, а расширяют, усложняют ее предметное поле и структуру и мотивируют совладать с этой разноречивой сложностью. В ситуации метапарадигмального кризиса логично ожидать в ближайшие годы прихода следующей интегративной волны. Третья интегративная волна должна к середине века по-своему решить проблемы устранения разрывов и создания связности в концептуальном многообразии современной социологии.

В сегодняшней социологии для нового интегративного метатеоретизирования актуальны три направления. Третья интегративная волна должна в противовес нынешним

тенденциям дезинтеграции, дискриминации, возникновения разрывов и возведения барьеров обеспечить движение к (1) связности представлений о формах социальности (типах и уровнях социальной реальности); (2) связности моделей социальных изменений и развития; (3) связности методологических подходов и методов эмпирических исследований, ориентированных на разные типы данных. Все три задачи можно решить, выявляя взаимообусловленность и взаимопроникновение разных социальных реальностей с использованием метафоры дополненной реальности (англ. – *augmented reality*). Взятая из IT-технологий, где цифровые объекты встраиваются в одно пространство с физическими, метафора дополненной реальности схватывает многообразие гибридных реальностей, которые возникают на стыках привычных институтов с интеракциями и новыми сетями и потоками.

Фокусируясь на разных формах социальности – нормативность в институтах, креативность в интеракциях, коммуникативность в сетях, мобильность – в потоках, социологи создали конкурирующие представления о социальной реальности [Иванов, 2022: 6–7]. Четыре разных режима существования социальной реальности – это ее объективность в работах Дюркгейма, интерсубъективность у последователей Шюца, интеробъективность по Латуру, трансобъективность в русле идей Урри. Конфигурация четырех разных социальностей образует дополненную социальную реальность, с которой теперь приходится иметь дело.

Эту логику можно применить и при рассмотрении социальных изменений. Различия между конкурирующими теориями изменений и образами современности вызваны фокусировкой на неодинаковой динамике разных структур. Теории модернизации и концепции единой современности (*Modernity*) сфокусированы на развитии институтов, обеспечивших рост массового производства и потребления, формирование демократии и массовой культуры. Альтернативные теории изменений – рефлексивная модернизация, постмодерн, глобальная современность, текучая современность, множественные современности и т.д., – сфокусированы на остановке институционального развития и росте других типов структур, создающих не тотальную социальность в виде унифицированных норм, а частную и ситуативную социальность интеракций, избирательную социальность сетей, мобильную социальность потоков.

Поскольку в основе разнообразия теорий социальных изменений и конкурирующих концепций современности лежит совместная (пусть не одинаковая) динамика институтов, интеракций, сетей, потоков, напрашивается интегративное решение – концепция дополненной современности (*augmented Modernity*). Нужно соединить разные версии теорий модернизации, постмодерна, глобализации, а также виртуализации, макдональдизации и т.п., исходя из того, что новейшие тенденции изменений возникают на стыках четырех типов социальности. Их гибридизация и взаимопроникновение создают эффекты дополненной социальной реальности, в которой смешиваются и взаимно проникают традиционные и современные, модернистские и постмодернистские, глобальные и локальные, реальные и виртуальные компоненты жизни людей.

Наряду с привнесением связности в теоретические представления о социальной реальности и социальной динамике, важнейшей задачей является движение к связности концептуальных и инструментальных составляющих в том многообразии методов сбора и анализа данных, которое сложилось в современной социологии. Здесь от привычного противопоставления «жестким» количественным методам (массовые опросы, статанализ, контент-анализ и т.д.) «мягких» качественных (глубинные интервью, включенное наблюдение, дискурс-анализ и т.д.) исследователи перешли к противопоставлению обеим стратегиям инновационной стратегии «больших данных». Вместе с тем проводятся исследования, совмещающие разные стратегии и конструирующие смешанные методы (*mix method*), вырабатываются инструменты одновременного сбора и анализа числовых, текстовых, визуальных данных.

Эти разнонаправленные методологические тренды приобретают общий смысл и образуют связное единство, если понять, что количественные методы наиболее эффективны в изучении институтов, качественные – интеракций, методы работы с большими данными – сетей и потоков. На стыках четырех типов социальности лучше работают смешанные методы и гибридные инновационные решения. Напрашивающееся общее решение проблем методологической фрагментации в социологии в том же интегративном русле: для проведения исследований дополненной социальной реальности в условиях дополненной современности нужен инструментарий, обеспечивающий объединение и гибридизацию разнородной разноуровневой информации в виде обогащенного комплекса – дополненных данных (*augmented data*).

**Заключение: перспектива интегративного пути развития социологии.** Исходя из представленного в статье чередования периодов фрагментации и интеграции в социологии, можно рассчитывать на приход новой интегративной волны к середине нынешнего века. Предложенная метафора дополненной реальности позволяет придать связность и общую логику представлениям о социальной реальности, социальной динамике, методологии социологических исследований. Но теоретико-методологическая интеграция возможна и на другой концептуальной основе. Накануне интегративной волны социологи абсолютно свободны в выборе решающих метафор и прочих концептуальных средств, которые помогут решить задачи достижения связности в развитии теорий и методов.

Приход третьей интегративной волны логичен. Но она не придет автоматически. Все зависит от интенций и усилий множества теоретиков и исследователей-практиков, которые осознают эту перспективу развития социологии. Третья интегративная волна не решит раз и навсегда все проблемы социологии. Представленная выше краткая история социологии показывает, что в ней ничего не бывает навсегда и ничто не принимает повсюду одинаковые формы. Возможная в ближайшем будущем интегративная волна скорее всего сменится следующим периодом фрагментации, но это будет продолжением развития социологии на ином уровне. Смена нынешней фрагментации интегративной волной – это безусловно позитивная перспектива движения. На это следует ориентироваться тем, кто от положительного решения общего вопроса об актуальности теоретико-методологической интеграции переходит к детальным вопросам о том, как именно интегрировать представления о разных структурах, процессах, методах. Детализация решений поставленных в данной статье задач достижения связности в виде моделей дополненной социальной реальности, дополненной современности, дополненных данных требует продолжить начатый здесь анализ.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бэр П. Социология остановлена // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15.
- Гоулднер Э. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
- Добреньков В.И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 108–115.
- Дугин А.Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 142–152.
- Дудина В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 13–21.
- Иванов Д.В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250018033-9.
- Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.
- Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 48–53.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011.

- Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1/2. С. 5–37.
- Akiwowo A. Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument // International Sociology. 1999. No. 2. P. 115–138.
- Alatas S. Alternative Discourses in Asian Social Science: Responses to Eurocentrism. New Delhi: Sage, 2006.
- Albrow M., King E. Globalization, knowledge and society. London: Sage, 1990.
- Alexander J. Theoretical Logic in Sociology. London: Routledge, 1982.
- Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. London: Sage, 1990.
- Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.
- Baudrillard J. À l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social. Paris: Les Cahiers d'Utopie, 1978.
- Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Connell R. Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Delanty G., Mascareno A. Social theory: Legacies and future directions – An interview with Gerard Delanty // European Journal of Social Theory. 2023. Vol. 26(3). P. 408–423.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
- House J.S. Culminating Crisis in American Sociology and its Role in Social Sciences and Public Policy: An Autobiographical, Multimethod, Reflexive Perspective // Annual Review of Sociology. 2019. Vol. 45. No. 1. P. 1–19.
- Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies // Theory, culture & society. 1997. Vol. 14(4). P. 1–30.
- Knorr Cetina K. The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World // Symbolic Interaction. 2009. Vol. 32. Iss. 1. P. 61–87.
- Latour B. On Interobjectivity // Mind, Culture, and Activity. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 228–245.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Paris: Minuit, 1979.
- McLennan G. Sociology, Eurocentrism and Postcolonial Theory // European Journal of Social Theory. 2003. No. 1. P. 69–86.
- Ritzer G. Metatheorizing in Sociology // Sociological Forum. 1990. Vol.5. No 1. P. 3–15.
- Ritzer G. Sociology: A Multiple Paradigm Science // The American Sociologist. 1975. Vol. 10. No. 3. P. 156–167.
- Ritzer G. The Globalization of Nothing. L.: Sage, 2004.
- Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: SAGE Publications, 1992.
- Sztompka P. Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm. N. Y.: Academic Press, 1979.
- Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. L.: Routledge, 2000.
- Vandenbergh F., Fuchs S. On the Coming End of Sociology // Canadian Review of Sociology. 2019. Vol. 56. No. 1. P. 138–143.
- Wallerstein I. Eurocentrism and its avatars: the dilemmas of social science // New Left Review. 1997. Vol. 226. P. 93–108.
- Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System // International Sociology. 2000. Vol. 15(2). P. 251–267.

Статья поступила: 17.06.24. Финальная версия: 03.07.24. Принята к публикации: 08.07.24.

## THE THIRD INTEGRATIVE WAVE IN SOCIOLOGY. PART I: THE RELEVANCE OF A NEW AGENDA

IVANOV D.V.

St. Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia  
(dvi2001@rambler.ru).

**Acknowledgements.** This work is based on research supported by RSF, grant no. 24-18-00261.

**Abstract.** The article is analyzing fragmentation and integration waves in sociology development. The first integrative wave was in the 1920s – 1950s. It appeared in grand theories by P. Sorokin, T. Parsons, the Frankfurt school uniting heterogeneous ideas from classics in models of society as system. After the paradigm crisis of the 1960s-70s and following spread of postmodernist discourse, the second integrative wave arose in form of theories overcoming gaps between concepts of determinist structures and constructivist agency (J. Habermas, A. Giddens, P. Bourdieu) as well as in form of metatheorizing (G. Ritzer, P. Sztompka, J. Alexander). Today's fragmentation of sociology under conditions of metaparadigm crisis and post-globalization is provoked by the rising postcolonial discourse, by attempts to stigmatize Western classics and to create theoretical alternatives to the 'global North' domination in knowledge production as well as by conceptions opposing social reality of networks and flows to classical sociality of structures and agency. The third integrative wave is expected to come in the 2020s displacing tendencies of disintegration, discrimination, growing gaps and rising barriers. New theories are relevant as they create a coherent configuration of four types of structures: institutions, interactions, networks, and flows. Concepts of augmented social reality, augmented Modernity, and augmented data are proposed to be solutions for theoretical and methodological integration in sociology.

**Keywords:** development of sociology, metaparadigm crisis, integrative wave, augmented modernity, post-globalization, institutions, interactions, networks, flows.

## REFERENCES

- Akiwowo A. (1999) Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument. *International Sociology*. No. 2: 115–138.
- Alatas S. (2006) *Alternative Discourses in Asian Social Science: Responses to Eurocentrism*. New Delhi: Sage.
- Albrow M., King E. (1990) *Globalization, knowledge and society*. London: Sage.
- Alexander J. (1982) *Theoretical Logic in Sociology*. London: Routledge.
- Appadurai A. (1990) *Disjunction and Difference in the Global Cultural Economy. Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London: Sage.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis.
- Baehr W.P. (2020) Sociology Arrested. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. (In Russ.)
- Baudrillard J. (1978) *À l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social*. Paris: Les Cahiers d'Utopie.
- Beck U. (1997) *Was ist Globalisierung?* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK: Blackwell.
- Connell R. (2007) *Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge: Polity Press.
- Delanty G., Mascareno A. (2023) Social theory: Legacies and future directions – An interview with Gerard Delanty. *European Journal of Social Theory*. Vol. 26(3): 408–423.
- Dobrenkov V.I. (2009) Value Orientations of Modern Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 108–115. (In Russ.)
- Dudina V.I. (2013) Fictitious Crisis of Sociology and a New Shape of Epistemology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 13–21. (In Russ.)
- Dugin A.G. (2022) Eurasianism as a Non-Western Episteme for Russian Humanities. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of RUDN University. International Relations]. Vol. 22(1): 142–152. (In Russ.)
- Filippov A.F. (1997) About the Conception of Theoretical Sociology [O poniatii tereticheskoy sotsiologii]. *Sociological Journal* [Sotsiologicheskiy zhurnal]. No. 1/2: 5–37. (In Russ.)
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge.
- Gouldner A. (2003) *The Coming Crisis of Western Sociology*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- House J.S. (2019) Culminating Crisis in American Sociology and its Role in Social Sciences and Public Policy: An Autobiographical, Multimethod, Reflexive Perspective. *Annual Review of Sociology*. Vol. 45. No. 1: 1–19.
- Ivanov D.V. (2020) Augmented Modernity: Effects of Post-globalization and Post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2022) Grumbling ‘Oldies’, Whining ‘Youngsters’, and Progress of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250018033-9. (In Russ.)
- Knorr Cetina K. (1997) Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies. *Theory, culture & society*. Vol. 14(4): 1–30.
- Knorr Cetina K. (2009) The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World. *Symbolic Interaction*. Vol. 32. Issue 1: 61–87.
- Kravchenko S.A. (2002) Game-zation of Society (Toward Substantiating a New Sociological Paradigm) [Geimizatsia obschestva (k obosnovaniyu novoy sotsiologicheskoy paradigmi)]. *Obschestvennie nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 48–53. (In Russ.)
- Latour B. (1996) On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*. Vol. 3. No 4: 228–245.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lyotard J.-F. (1979) *La condition postmoderne*. Paris: Minuit.
- McLennan G. (2003) Sociology, Eurocentrism and Postcolonial Theory. *European Journal of Social Theory*. No. 1: 69–86.
- Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*. Vol. 10. No. 3: 156–167.
- Ritzer G. (1990) Metatheorizing in Sociology. *Sociological Forum*. Vol. 5. No 1: 3–15.
- Ritzer G. (2004) *The Globalization of Nothing*. London: Sage.
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications.
- Sztompka P. (1979) *Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm*. New York: Academic Press.
- Toshchenko Z.T. (2011) *Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza* [Centaur-problem (A philosophical and sociological analysis)]. Moscow: Novyi khronograph. (In Russ.)
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge.
- Vandenbergh F., Fuchs S. (2019) On the Coming End of Sociology. *Canadian Review of Sociology*. Vol. 56. No. 1: 138–143.
- Wallerstein I. (1997) Eurocentrism and its avatars: the dilemmas of social science. *New Left Review*. Vol. 226: 93–108.
- Wallerstein I. (2000) Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System. *International Sociology*. Vol. 15 (2): 251–267.

Received: 17.06.24. Final version: 03.07.24. Accepted: 08.07.24.



## ГРЯДУЩИЕ ПЕРЕМЫ В МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

---

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», профессор Российского государственного гуманитарного университета (romanival@yandex.ru)

---

**Аннотация.** В статье представлен обзор перемен в современной теоретической социологии за минувшие два-три десятилетия с позиции работника журнала «Социологические исследования», курировавшего в эти годы соответствующие рубрики. Предложено считать основной движущей силой перемен в социологии и в ее теоретических разделах перемен в мире, в частности формирование его многополярности. Деколонизация стран и континентов к настоящему времени активизирует ученых, чьи подходы к социологии отличны от формировавших социологию М. Вебера, Т. Парсонса и др., в чем-то противостоят им и ищут концепции, адекватные социальной реальности освободившихся стран и народов в прошлом и настоящем. В этом ряду факторов – и качественно новый инструментарий социологии, связанный с возможностями цифровизации. Обсуждается и такая перспектива перемен в социологической теории, как выход социологии на уровень «социальной науки». Отмечено, что содержательным стержнем перемен в социологическом теоретизировании в последние десятилетия становятся гуманизм и «повестка» левых – справедливость, равенство, развитие общества и индивидов и др. В заключение рассмотрены основные процессы в российской социологической теории.

**Ключевые слова:** современные социологические теории • факторы перемен • цифровизация • социальная наука • гуманизм • постколониализм • «левые» социологи • российская социология

DOI: 10.31857/S0132162524060023

Научному журналу, стремящемуся быть актуальным для сообщества профессионалов, нельзя время от времени не возвращаться к ключевым проблемам нашей науки, не осмысливать её фундаментальные проблемы и вытекающие из такого анализа перспективы развития социологии. К проблематике теоретических основ своей дисциплины авторы журнала «Социологические исследования» в постсоветское время обращались постоянно: того требовала ситуация в науке и в стране. Автор статьи тоже выступал в научных изданиях по данной тематике. Эти выступления не могли не отражать специфику времени. Так, в статье 2014 г. [Романовский, 2014] говорилось о роли теоретической социологии: отечественным социологам, как представлялось автору, следовало в те годы серьезнее подходить к развитию теоретических разделов социологии. Содержательно такие шаги виделись и как самостоятельные разработки в специальных социологических областях, и как движение к общесоциологическим «большим теориям». Однако слово «роль» в заголовке в 2014 г., по состоянию в мировой и российской социологии, сейчас неточно характеризует складывавшуюся проблемную ситуацию. Циркулировавшие тогда в российской литературе оценки – буду самокритичен – исходили из того, что состояние мировой теоретической социологии виделось стабильным на обозримый период. Несколько преувеличенными сегодня представляются акценты на переводах зарубежной социологической литературы и вытекающие из этого обстоятельства ожидания. Однако отметим новые процессы, тренды, лица, влияющие на новую ситуацию к 2024 г., а также новые проблемы. Этим изменениям следует уделить внимание по следующим соображениям.

Сравнение ситуаций 2014 и 2024 гг. позволит выявить факторы динамики, движущих сил, детерминант развития социологической науки, развития теоретической социологии. Перемены в мире, мировой и европейской социологии, МСА и т.д., тогда лишь обозначившиеся или разворачивавшиеся, решающим образом поспособствовали подвижкам и в теоретических разделах социологического знания, и в подходах к теоретической проблематике.

**Тема социальных перемен.** В теоретическом плане она анализировалась П. Штомпкой в работе, переведенной на русский язык [Штомпка, 1996]. В частности, было показано, что перемены, как правило, носят глобальный характер, но в разных социумах – особенно различающихся уровнями модернизации – проявляются по-разному, оставаясь частью целого. Этот подход эффективно применим к проблематике перемен в социологии современной России как части целого (мирового социологического сообщества) и к проблематике подвижек в теоретической социологии. Сегодня возобладали осознание того, что мир меняется фундаментально. Приходит конец гегемонии, доминированию Запада в социологии. Эта глобальная подвижка специфически фиксируется наукой и массовым сознанием, с естественным запаздыванием. Так, сдвиг в видении мира в 1999 г. фиксировал индийский мыслитель Д. Чакрабартти в труде «Провинциализация Европы». На русский язык книгу перевели с двадцатилетним интервалом. Хотя в моей статье в 2014 г. этот сдвиг был отмечен цитатой из материалов очередного конгресса МСА: «Общества, на которые привыкли смотреть как на модели для подражания, потеряли свой статус моделей и привлекательность» (цит. по: [Романовский, 2014: 99]). Формировавшиеся в тот период подходы к социологической теории в дальнейшем обретали основания, все более отличавшиеся от североамериканских и европейских.

Ко времени конгресса 2023 г. в Мельбурне факт, обозначенный выше, обсуждался в принципиально новых рамках. Вот как их сформулировал австрийский социолог Ф. Вельц (Зальцбургский университет): «В конце XIX в. несколько мыслителей сумели создать новые инструменты познания, позже названные “социологией”, а еще много позже – “европейской социологией”. Во-первых, нужно деконструировать три мифа о ней: 1) “миф о данности”<sup>1</sup> “европейской социологии”; 2) миф о ее когерентности; 3) миф о ее универсальной применимости. Во-вторых, против этих трех мифов и в отношении современной социологии я утверждаю, что нужно переоценить шансы открытого общего проекта международной социологии, корни которой – в исторических основаниях социологической мысли, изначально разработанной конкретно для понимания социальных<sup>2</sup> обществ Европы»<sup>3</sup>. Такая постановка вопроса говорит о движении к науке, заметно отличной от недавно, если не общепринятой, то доминирующей.

В условиях перемен в реальном современном мире и перехода к «постзападной» социологии пересматриваются теоретические основания социологии «уходящей» и ведется поиск контуров социологии «становящейся». В такой ситуации социологи мира для решения возникших задач избрали «диалогическую социологию» (подробнее см.: [Кирдина-Чэндлер, 2023]. Конгресс в Мельбурне ориентировал мировое сообщество социологов на диалог по первоочередным задачам нашей дисциплины, включая задачи теоретического характера. С. Ханафи (президент МСА до конгресса 2023 г.) характеризовал сложившуюся ситуацию и пути ее разрешения следующими словами: «диалогическая социология строится на исправленной версии политического либерализма Роулса<sup>4</sup>, включающей культуру и общности, не только автономных индивидов. Она исходит не из метафизических посылок, абстрактных идеалов, а из мира, в котором она (диалогическая социология. – Прим. Н.Р.) действует – т.е. из движущихся культур, не культур как неподвижных, однородных, вечных

<sup>1</sup> Не было ли в мыслях автора этих слов неземного «Свыше»? – НР.

<sup>2</sup> В тексте – “welfare societies”.

<sup>3</sup> С. 816. Book of Abstracts. ISA XIX World Congress of Sociology. URL: <https://www.isa-sociology.org/uploads/imgen/1579-isa-wcs2023-book-of-abstracts.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).

<sup>4</sup> Rawls J. – автор трудов о честности и справедливости (justice), правосудии.

единиц» [Sari Hanafi, 2024: 5]. Журнал MCA «Глобальный диалог» (Global Dialogue – выходит три раза в год на ряде языков мира, включая русский) в первом номере текущего года начал публиковать материалы, в которых реализуется данная установка. В первом номере 2024 г. журнала С. Ханафи обсудил с китайским ученым Чжао Тиньяном «систему Тянься», «умную демократию» и отличие западных подходов к политике и демократии от выдвинутых китайским ученым положений. Говоря о Китае, отмечу и огромный интерес, который на Западе вызвала в свое время китайская этика деловых отношений «гуанси»<sup>5</sup> (ее обсуждение отражено нашим журналом, см., напр.: [Барбалет, 2017]).

Чувствительность социологов к социальным «отличиям» (культурным, исторически обусловленным, цивилизационным<sup>6</sup> и т.п.), несомненно, будет формироваться и развиваться в широких рамках глобального диалога. Выше упомянут диалог С. Ханафи с ученым из КНР о демократии и этике международных отношений. Не менее интересен и важен был бы разговор с учеными из арабского мира, где специфичны – отличные от европейских – представления, например, о социальном времени [Смирнов]. В частной беседе с профессором Зафар Имаммом (Индия) непривычно для меня прозвучала и запомнилась мысль о методологическом подходе к острым социальным проблемам этой страны речь шла о кастах: «Мы к острым проблемам общества подходим на так, как вы. Мы стремимся не решать их, а жить с ними». В недалеком прошлом социологи активно обсуждали японскую этику «служения», сложившуюся при феодализме, а в XX веке укорененную в «служении» корпорациям, и т.д. и т.п.

**Воздействие признания социального многообразия на социологическую теорию.** Осознание того, что мировая история несводима к истории Европы, США и близких им стран<sup>7</sup>, повлекла за собой пересмотр истории теоретической социологии, регионов, культур, цивилизаций, охвативший и методологию создания историко-социологических трудов. История социологии, история теоретической социологии предстают, как правило, со страниц учебников и части монографий как более или менее удачно подобранная вереница творческих портретов ученых; соответствующие данные излагаются авторами таких трудов во временной последовательности, группируются в родственные течения мысли, – более или менее удачно. Но такая аранжировка, скорее всего, даст читателю не историю научной мысли или социологической теории, а сумму портретов социологов-теоретиков. При таком подходе страдает разработанное социологами теоретическое знание. У читателя таких текстов складывается приблизительное представление о динамике социологической науки, ее теории, о факторах и способах развития этой теории<sup>8</sup>.

В последние годы в «портретной галерее» классиков социологии начались переоценки. Пишут о закате классиков (например, М. Вебера). Осуждают неприглядные дела Т. Парсонса, Р. Мертона и др. в американской социологии. Обязательной нормой для облика социологии некоторых стран становятся классики небелой расы и женщины. Неполиткорректными признаны высказывания о людях черной расы мусульманского социального мыслителя XIII века, профессора каирского университета «Аль-Азхар» Мухаммеда Ибн-Халдуна<sup>9</sup>. Напротив, Г. Зиммель и Г. Тард упрочили позиции в пантеоне классиков.

<sup>5</sup> «Гуанси» западные аналитики считают важной предпосылкой экономического рывка вперед Китайской Народной Республики.

<sup>6</sup> Существом ли сегодня исламский цивилизационный проект? // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 229–232.

<sup>7</sup> Имперских, империалистских (в терминах марксизма), рабовладельческих, расистских, колониаторских и т.п., на критике которых сосредоточена «постколониальная» теория.

<sup>8</sup> Прибегну к сравнению, понимая его ущербность и эффективность как научного метода. Какое представление о войне 1812 года сложится у рассматривающего в Эрмитаже галерею портретов полководцев победоносной российской армии? Уверен – без фундаментальной подготовки к погружению в портретную живопись – итог созерцания будет самый поверхностный.

<sup>9</sup> URL: <https://www.quora.com/Was-Ibn-Khaldun-racist-or-was-he-just-telling-the-truth-about-black-people-in-his-writings> (дата обращения: 19.04.2024).

Не стану множить примеры подобных переоценок. Видимо, обновляемая глобальная социология, альтернативы, которые в ней формируются и реализуются, – проблемный объект пристального внимания в среде современных социологов, работающих в жанре «социологии социологии».

Пока доминирует понимание ключевых конструкций современного социального знания и мировоззрения, «западных», европоцентристских и т.п. по своим корням: модерн, модернизация (в десятилетиями насаждавшихся вариантах), глобализация и пр., включая пласт теорий специальных социологических дисциплин. Затронуты переменами в понимании ситуации в мировой социологии и своего места в ней так называемые развитые страны. «Незападной» части человечества еще предстоит обрести «свое лицо» в теоретической социологии (не касаясь анализа конкретных социальных проблем внутри и вовне этих стран). Одновременно – на иных, неизбежно разнообразных основаниях – мировое сообщество социологов видит свою задачу двигаться к действительно глобальным представлениям о социологии будущего, общей для человечества науке. Такие процессы занимают десятилетия, если не несколько поколений.

Социальные мыслители, ученые-социологи мира оказались перед задачей осознания (и еще более сложной задачей переосмысления) социальной реальности «своих» стран и регионов как одного из «ряда» возможных путей развития и сложившихся обществ, а в них – и те социальные реальности, которые все вместе сформируют грядущий контекст новых социологии и социальных наук. Старое будет мешать новому; традиции всегда довлеют над умами живых. Впереди множество путей. Методология «диалога», предлагаемая Международной социологической ассоциацией, выглядит удачной при решении подобных задач. Нужно, однако, понимать: когда задачи обозначенного этапа будут решены, потребуются новый поиск – теоретических оснований социологии на новом этапе ее истории как действительно глобальной науки, определения сущности такой социологии и образующих ее социологий.

Расставание с европо-американской моделью теоретической социологии стоит в тесной связи с важной гранью нашей науки и социальной реальности. Эта грань маркируется термином *цифровизация*, «цифра», – большие данные, данные камер наблюдения, цифровая агентность, искусственный интеллект, геолокация, автоматический анализ текстов, нейросети и т.д. и т.п. *Потенциально «цифровизация» изменит формы и содержание научной деятельности ученых, освободит их от операций, сегодня требующих массу времени и сил. Очевидна огромная экономия времени, уходящего сейчас на поиск и ознакомление с литературой по предмету, с трудами предшественников, на поиск и подготовку инструментария, работу с данными, сопоставление результатов с наработками предшественников и т.д. Все это (и многое другое, например, переводы) берет на себя «цифра». То, что сегодня, повторю, занимает большую часть обучения и работы социолога, уйдет в прошлое. Но не теоретическая работа.*

Последствия цифровизации – благо для человечества. Но и проблема, даже угроза для социологии, для тех социологов, которые окажутся неспособными отреагировать на связанные с цифровизацией перемены в профессиональном поле. Есть ли основания для такого прогноза? На мой взгляд, да. Компьютер не первое десятилетие экономит время и силы ученых, ненавязчиво, даже факультативно требуя взамен усилий на иных компонентах научного труда. И здесь речь идет о новых уровнях, о глубине и качестве теоретической мысли не просто об обнаружении – о выявлении, маркировке и презентации добытого знания. Резко вырастут требования к теоретической новизне, к практической важности и эффективности и т.п. На такого рода перемены уйдут десятилетия. Оценочно они коснутся 70% рабочих операций сегодняшних акторов поля теоретической социологии.

В отечественной социологии отдают должное данной проблематике. Публикуются статьи и монографии, с 2018 г. выходит журнал «Цифровая социология». Цифровые трансформации в сферах, в частности, больших данных, ИИ нашли отражение на страницах

нашего журнала. Но это только начало. Думать о неизбежных качественных переменах надо сейчас, корректируя адаптацию будущих социологов к обновляющимся основам функционирования науки и ученых общества будущего.

Воздействие цифровизации на социологию многообразно в своих последствиях для стран и регионов мира с резко контрастной социальной реальностью. На конгрессах МСА проблематика цифровизации пока еще оказывается не в фокусе внимания большинства участников: для многих пользование компьютером, видимо, затруднено (так же, как и качественное социологическое образование). От социальных контрастов никуда не деться. У нас в стране есть регионы, по уровням модернизации серьезно уступающие столицам, экономическим и научным центрам. Надвигающиеся перемены в социологии, повторюсь, будут глубоки и болезненны. Нельзя забывать об этом ученым страны, где социология десятилетиями «как бы» не существовала, а изобретательность администраторов от науки и вузов не раз повергала в изумление. Представляется важным продумывать возможную реакцию научного сообщества на вызовы и перемены, вплоть до неприятных и кому-то кажущихся маловероятными, но становящихся реальными.

**О настоящем и будущем социологии.** Тревожиться за будущее социологии как дисциплины и профессии меня заставляет ряд обстоятельств. Начну с того, что желающих избавиться от социологии (и не только от нее) сегодня по разным мотивам достаточно. Жили когда-то без нее, и дальше проживем! Тут и «культура отмены» может свое слово сказать. Но, кроме «отмены», нельзя не видеть исторических фактов прошлых кардинальных перемен в структуре поля наук – не только социальных, гуманитарных, наук о человеке и т.п. Перспективу развития социологии и ее трансформации в *социальную науку* следует мыслить как объективно возможным.

Собственно говоря, такого рода перемены идут постоянно; еще полтора века назад двери университетов были закрыты для социологии. В словарях западных ученых понятия «социологическое знание» и «социальное знание», так же, как социальные и социологические теории, – нередко отождествляются, вплоть до наших дней. В СССР сфера общественных наук была монополией истмата. Точнее – тех советских академиков, кто полагал, не говоря об этом вслух, подобно известному королю Франции, что «истмат – это я». Ей отводилась роль одного из разделов марксистско-ленинской философии. В постсоветские годы наш журнал публиковал статьи д.филос.н. Ю.М. Резника о перспективах движения к социальной науке. Историческая социальная наука (как дисциплина – сменщица социологии) обсуждалась в свое время учеными Германии; ее родоначальником тогда представляли М. Вебера. О социологии как истории, из которой удалены не относящиеся к видевшейся ему науке об обществе имена и даты, говорил О. Конт. Социология в суждениях нашего соотечественника А.А. Зиновьева тоже вызывает в памяти «тьму» некоей социальной науки, представлявшейся, на мой взгляд, этому ученому в качестве рамки его суждений о социологии. Его нередко представляют социологом; но, вероятно, дисциплинарную принадлежность наследия А.А. Зиновьева следует обсуждать тем, кто изучает его творчество. Он того заслужил.

Повторюсь: о возможной трансформации социологии в «социальную науку» не стоит забывать, здесь показательны схватки вокруг дисциплинарной «идентичности» социологии. Некоторые авторы, включая Э. Гидденса, относят социологию к наукам эпохи модерна. Формирующаяся вокруг «дисциплинаризации» наук об обществе ситуация еще станет вопросом вопросов в нашей науке, и социологам-теоретикам не следует сторониться этой перспективы хотя бы потому, что в противном случае ею в своих интересах займутся другие – с неизвестным исходом для социологии.

Рано или поздно перед каждым могут встать проблемы, сейчас кажущиеся абстрагированными: что такое наука, теория, социальное? От научных ответов на эти вопросы зависимо всё сообщество социологов, настолько они жизненно важны. Эта фокусировка будет определять реальную принадлежность к клану ученых, сегодня выглядящую формальной, должностной – атрибутом штатного расписания.

Этот вопрос я бы считал целесообразным каждому формулировать для себя примерно так: что такое социология как наука, в чем ее суть, что она дает и может потенциально дать городу и миру, *urbi et orbi*, и т.д., в сравнении с другими научными дисциплинами, – хотя бы только «соседами» и прямыми конкурентами? Очень важной для социологии будет реакция на разворачивающиеся перемены и в смежных с социологией социальных и гуманитарных науках. А реакции «у соседей» не может не быть, – не менее далеко идущей и чувствительной, чем в недалеком прошлом, когда происходила перекройка поля социально-научной деятельности, оставшегося от советских времен.

Соперничество вокруг дисциплинарных наук об обществе и человеке, по поводу их облика и содержания идет незаметно и будет разворачиваться во всем мире, хотя бы, в частности, под воздействием цифровизации. Здесь новое поле для социологического воображения: в одной из статей, недавно опубликованных в нашем журнале, например, говорится о близости социологии с медициной (оценка эта дана до пандемии COVID-19) [Тернер, 2023: 14]; о том, что социальную реальность сегодня трудно мыслить вне проблем экологии; и т.п. До недавнего прошлого было принято считать, что круг проблем наук-«соседей» следует оптимально теоретизировать через призму междисциплинарных взаимодействий. Это, без сомнения, делать нужно. На двух Харчевских чтениях, посвященных собственно междисциплинарности и метатеоретизированию, этот вопрос рассматривался. Но рамки междисциплинарности могут оказаться неэффективными перед лицом развертывания потенциала цифровизации. Науки, изучающие разные стороны социальной реальности, уже сейчас пытаются «рефлектировать» вероятность образования общего поля дисциплины «социальная наука». Безусловно, ясно одно: в науке ученым следует действовать научно – изучать данную перспективу, анализировать логику процессов в науках об обществе и о человеке. Если возможность начнет обретать форму вероятности, тем более – материализоваться, в первую очередь действовать нужно, как принято в науке, – взвешенно, с минимизацией возможных ошибок, и избегая не относящихся к научной сфере шагов. Науке показаны практические действия наподобие гегелевского «взаимопроникновения» дисциплин, их «когерентная коллаборация»<sup>10</sup>.

Автор в работе над настоящей статьей исходил из того, что социология – с важной оговоркой об относительно недавнем её пребывании в статусе признанной науки, что до сих пор кое у кого вызывает «подозрения» – может с уверенностью говорить о ряде своих преимуществ именно как социальной науки, о своих качествах, отделяющих эту форму человеческого знания от «соседей» по карте наук. Достоинства социологии – это ее «прирожденные» объект, методы и методология: человек, общество, точность, непредвзятость, открытость к взаимодействиям, прецизионный инструментарий, просторная эмпирическая база, эксплицитный гуманизм и пр. В быстро меняющейся ситуации в мировой социологии XXI в., безусловно, целесообразно продумывать и другие аргументы такого плана. Думаю, что каждый социолог-исследователь смог бы добавить к сказанному мною свое видение данной проблемы.

Социология таит еще много неожиданностей для научного знания об обществе и человеке. Среди актуальных для развития нашей науки процессов обращу внимание читателей на вопрос об идентификации наиболее активного и эффективного «отряда» социологов,двигающих вперед разработку теоретических проблем и основ современной социологии. Для знакомых с историей нашей дисциплины ученых известна естественная, порожденная в том числе и обстоятельствами личного плана, увлеченность социологов и XIX, XX, и XXI веков социальной проблематикой<sup>11</sup>, продиктованной общественно-исторической повесткой дня, жизнью самих ученых и их окружения. Агентность в современной социологии тех, кого по политическим взглядам считают «левыми», – имеет ту же

<sup>10</sup> Точная и важная формулировка д.социол.н. Г.Г. Татаровой.

<sup>11</sup> Порой массовые безработица, нищета, в лучшем случае – прекарность, наследие колониализма, расизма, цены и т.п. принимают за пределами драматические формы.

предпосылку во всех частях света. Левые настолько активны в социологии, что впору считать ее левой наукой; именно она привлекает к себе тех, кто не может мириться с массовыми бедрами и лишениям людей в капиталистических странах. «Левые» в политике сегодня – это политические группы и идеологии, цели которых, в частности: социальное равенство, социальная справедливость, создание равных возможностей, перераспределение доходов и богатства, улучшение жизненных условий наименее привилегированных слоев общества, смягчение раскола общества и др.

Марксизм дал наиболее убедительный в мировой науке и подтвержденный практикой анализ болезненных социальных проблем, предложил способы их разрешения. Большую (возможно, самую большую) группу социологических концепций можно было бы маркировать с использованием слова «марксизм», если бы не нынешнее множество «марксизмов», почти ничего не оставивших читателям от оригинала (см.: [Фильк, Рам, 2015]). Марксисты на протяжении всего XX в. позиционировали себя как «левые», объединенные в коммунистические, наряду с социалистическими и прочими, партии. З. Бауман, М. Буравой, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Дж. Го, А. Гоулднер, А. Грамши, А. Мартинелли, Д. Лукач, Ч.Р. Миллс, Т. Пикетти, М. Поланьи, Э.О. Райт, А. Турен, Н. Фрэйзер, М. Фуко, Ю. Хабермас, А. Хоннет [Хоннет, 2022] – далеко не полный “list” тех, в чьих трудах нельзя не увидеть влияние марксизма, порой – решающее. П.А. Сорокин, напомним, был членом партии социалистов-революционеров, сформировавшейся не без воздействия марксизма; в начале 1950-х гг. антисоветский и антикоммунистический маккартизм в США коснулся и его – социалист, как-никак. Приведенный список социологов – лишь одно из свидетельств того, что без влияния марксизма трудно представить себе развитие современной теоретической социологии. «Левые» взгляды в социологии сказываются и в подходах к проблематике перемен в современном мире, к цифровизации, модернизации, ко всему, чем живет и движется вперед мысль социологов-теоретиков.

Под влиянием «левых» взглядов складывается полемический узел вокруг происходящих в последние десятилетия перемен. В этой полемике, обозначаемой часто термином «дискурс», несколько заслоняющим остроту и важность споров, речь среди прочего идет и об отношении социологов (всей общественности, что бы это слово ни означало) к гуманизму, к человеку (подробнее см.: [Катерный, 2021]). В Средние века рождение гуманизма было частью движения к новому времени, новому миропониманию, к новым подходам в науках, к новым траекториям мысли ученых. Многообразие порожденных Ренессансом идеологических и научных концепций (наряду с трагическими последствиями войн, террора, революций) заслонило представления о реальной сущности и важности гуманизма в истории<sup>12</sup>. В сегодняшней «повестке» проблематика цифровизации с ИИ, ИС и т.п. затронет научные концепции человеческого бытия, так же, как и сущность самого человека. Этого нельзя забывать. Всегда, как и сейчас, – по множеству параметров, перечислять которые здесь нет возможности, сущности человека трактуются по-разному. Но в условиях цифровизации речь уже идет о модели человека – иной, нежели сегодня. Если сегодня человек рассматривается через призму оптики ренессанса, гуманизма, сливающихся с освободительными идеями марксизма, как будет поставлен этот вопрос завтра? Суть грядущих преобразований в социальной сфере предугадать сейчас, конечно, трудно. Ограничиться формулой «постчеловек» могут лишь люди, забывающие о миссии научного знания. Поэтому сложности пути к научному решению комплекса вопросов о человеке и гуманизме показаны ниже на «мини»-примере «реляционной социологии» и на макропримере проблем развития современной российской теоретической социологии.

В теоретической социологии с конца XX в. начали отводить социальности, социальной реальности и отношениям ключевую роль в формировании представлений

<sup>12</sup> Показательно, что в упомянутом интервью бывшего президента МСА его китайский собеседник подчеркнул важность начинать диалог людей разных убеждений с «исходных, общих проблем, стоящих перед всеми» (с. 9).

о предмете нашей науки – в отличие от социального действия у М. Вебера, Т. Парсонса и др. В теории Георга Зиммеля и ряда немецких социологов 1920-х гг., Э. Гоффмана и разделявших его взгляды социологов конца XX – начала XXI в.<sup>13</sup> в центре социологического теоретизирования стоят отношения. От порядка интеракций Гоффмана протянулась цепочка к теориям Б. Латюра, к «реляционной» (*отношенческой*: relations – отношения) социологии М. Эмирбайера [Emirbayer, 1997]<sup>14</sup> и т.д. Отдельно отмечу: П. Сорокин, после 1947 г., занимаясь проблемами альтруизма (это тоже, бесспорно, форма отношений), шел к *отношенческой*, думаю, фундаментальной для него стороне социальной реальности, мимо которой не проходят и отечественные социологии сегодня.

В дискуurse теоретической социологии в России последних двух десятилетий, как представляется автору данной статьи, в центре стояли следующие темы: Возможна ли она в нашей стране? Каковы ее теоретические основания? О первом вопросе писалось много; привлеку внимание читателей к двум упускаемым из виду сторонам споров того периода. Остроумно реагировал на тезис об отсутствии в России теоретической социологии давний автор «Социологических исследований» Ю.Л. Качанов. Его аргумент был прост и убедителен: сам факт постановки и обсуждения вопроса об отсутствии теоретической социологии есть признание «присутствия» таковой – пусть и в форме ее отсутствия [Качанов, 2000: 9]. Опровергает утверждения об отсутствии в современной России социологической теории многотомный труд «История теоретической социологии» под редакцией Ю.Н. Давыдова – обзор движения теоретической социальной (и социологической) мысли в мире от античности до постмодернизма начала XXI в. («реальности, данной нам в ощущениях»). Этот труд готовился в самом конце XX в. и вышел в начале XXI в. Немного найдется стран в современном мире, где ученые-обществоведы без участия зарубежных авторов за пять лет выпустили бы два издания масштабного аналитического труда объемом в 4–5 тысяч страниц. Значит, не только источники и составные части, но и основы научного понимания социального мира были усвоены советской социологией. Ю.А. Левада [1968: 14] подчеркивал ошибочность точки зрения на социологию, «когда она сводится только к совокупности экспериментальных исследований». Социологи СССР изначально умели находить и анализировать теоретические основы своего знания. Жаль, что со смертью Ю.Н. Давыдова и ряда ключевых авторов не нашлось продолжателей его проекта истории теоретической социологии.

Тенденции мировой социологии и собственный опыт теоретической работы социологов постсоветской России показали невозможность мыслить и применять социологическую теорию вне контекстов времени и места. Востребованным оказался поиск иного рода: на каких научных основаниях разрабатывать связи (возможно, и определяющую роль) для нашей социологической теории цивилизации, культуры, идентичности и т.п., отпечатавшихся в облике современной России?

Ориентиры успешного поиска – тем более адекватные запросам времени и народа его результаты – нашей наукой пока, по мнению автора, не установлены в достаточной мере. Наследие П.А. Сорокина, его социальная и культурная динамика, над чем он работал всю свою жизнь, прочитаны поверхностно. К тому же советский период истории страны Сорокину довелось наблюдать со стороны (со стороны действительно виднее, но не всё). Найденный им на российской почве альтруизм он сделал достоянием

<sup>13</sup> Неточностью страдает встречающийся в отечественных публикациях акцент на «театральной» метафоре в наследии Э. Гоффмана (1922–1982); сам Гоффман отрицал такую оценку (см., в частности, [Кравченко, 2020]). Итогом его трудов в науке видится статья «Порядок взаимодействий (интеракции)» людей, институтов, групп, – доклад Президента Американской социологической ассоциации, целиком посвященный отношениям и взаимодействиям людей [Goffman, 1983].

<sup>14</sup> В 1920-е гг. в Веймарской республике существовало направление (Л. фон Визе и др.), рассматривавшее социологию как *учение об отношениях – Beziehungslehre* [Moebius, 2015: 6, 8 u.a.]. В этом смысле «реляционный» поворот М. Эмирбайера вторичен, а подход Гоффмана продолжал поиски немецких социологов между мировыми войнами.



человечества. Возможно, и представления А.А. Зиновьева о советском обществе и современности, отмеченные травмой жизни ученого, его понимание социологии как научной дисциплины<sup>15</sup>, релевантные заботам теоретиков сегодняшнего дня, будут освоены, признаны и войдут в *мейнстрим* отечественного социального теоретизирования.

**Дискурс о содержании теоретического фундамента российской социологии** находится в начальной стадии. Обозначились, как представляется, умозрительный и эмпирицистский (накопление доказательной аргументации) подходы. О невозможности теоретической социологии в России говорить перестали. К тому же в российской социологии на современном этапе никак не удается преодолеть «существенный разрыв между богатством накопленного эмпирического материала, определенными достижениями в разработке теорий среднего уровня и явно недостаточной осмысленностью накопленной первичной информации на общетеоретическом уровне» [Култыгин, 2009: 589]. В работе «на общетеоретическом уровне», с учетом данного обстоятельства, опыт социологов других стран, иных культур и цивилизаций, безусловно, важен.

На практике «обкатку» в этом плане прошла в России одна из базовых теорий социологии последних десятилетий – теория модернизации. При этом проявилась способность отечественных социологов мыслить вне шаблонов, или, говоря модным у части коллег *слецязыком*, – устоявшихся «паттернов», применять это теоретическое понятие в решении практических задач. Так поступил, сотрудничая с китайским ученым Хэ Чуаньци, Н.И Лапин, формулируя теоретические основы для исследования проблем модернизации и цивилизационных факторов развития всего многообразия регионов России [Атлас модернизации России...].

Важными для отечественной теоретической социологии остаются главы исторического наследия нашей страны, связанные с проблемами незавершенного строительства общества, альтернативного капиталистическому. Постколониальная социология, в частности, такую альтернативу предполагает искать с целью ее применения в странах, находившихся под колониальным господством. Но, надо подчеркнуть, что под лейблом постколониализма (да и просто по заказу) в отдельных постсоветских странах сформированы якобы научные «дискурсы» о постколониальной проблематике, акцентирующие якобы колониальный характер СССР. Такая научная контрабанда свидетельствует о позорно короткой памяти. Аутентичный колониализм – это рабство, рабовладительство, работорговля, расизм и т.п. – формы господства бывших метрополий. Такого история нашей страны, включая историю пребывания народов бывшего СССР в едином государстве, не знала и не переживала в действительности. В ряде регионов СССР, ныне независимых государствах, речь шла в свое время о движении к социализму, минуя капитализм. Такой опыт, как о том свидетельствуют мемуары, например, бывшего казахстанского лидера Д.А. Кунаева<sup>16</sup>, вызывал интерес у руководства освобождавшихся от колониализма стран [Кунаев, 1993]. Это лишь одна грань вклада, который наша социология могла бы внести в поиски тех, кто ищет в постколониальной социологии собственный, не продиктованный извне путь, и испытывает дефицит нужных для достижения этой цели теории и знаний. Мало изучены проблемы «реального социализма» как реализации альтернативного капитализму пути, а также формирования культуры и цивилизации России с такими её «характеристиками», как справедливость, человечность, патриотизм, бескорытность («нестыжательство»), чистота мыслей и действий и др. Здесь большое поле деятельности для работающих с социологическими теориями ученых.

Особенностью социологической мысли советского времени было и остается то, что, выросши под «зонтиком» теории Маркса и Ленина, она не боялась проблем «большой теории». Не боялись ее и в более удаленном прошлом наши соотечественники-мыслители,

<sup>15</sup> Журнал «Социологические исследования» надеется продолжить обсуждение наследия А.А. Зиновьева как социолога и делает к этому некоторые шаги.

<sup>16</sup> Как и его коллега по компартии Узбекистана Н.А. Мухитдинов [1995].

создавшие и в социологи аутентично российские, оригинальные подходы: П.А. Кропоткин, П.А. Сорокин и др. Они – как и их западные современники в социологии – стремились обустроить жизнь людей и человечества на разумных основаниях. Это качество социологии Н.И. Лапина отмечено выше в применении к нашим дням. Теоретизирование проблем модернизации с учетом цивилизационных факторов продолжают и развивают Л.А. Беляева, петербургские социологи В.В. Козловский и Р.Г. Браславский. Теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной-Чэндлер давно у всех на слуху. С.А. Кравченко пришел к отражающей локально-национальные факторы, генотип культуры страны, концепции типов синергийных сложностей новой России. Эта концепция эффективно используется им для анализа адекватных ситуаций в разных социумах.

В ряду разработанных и разрабатываемых российскими социологами общесоциологических теорий, безусловно, находится «социология жизни» Ж.Т. Тощенко – жизни человека, жизни в обществе и жизни самого общества и т.д. и т.п. С ней, представляется, были связаны поиски С.И. Григорьева (1948–2019) [Григорьев, 2007]; своими теоретическими построениями Т.М. Дридзе охватила составные части предмета и объекта социологии настолько широко (социо-, антропо-, эко-, культур- и др.), что само собою напрашивается подведение этого комплекса факторов под рамочную (арочную) теорию наподобие «социологии жизни». Ж.Т. Тощенко посвятил обоснованию этого типа теоретизирования (как мне представляется) историко-философскую статью о ноуменах [Тощенко, 2019]. Акцент на этом аспекте эволюции социальной теории, возможно, есть признак расставания с полосой истории социологии, когда над умами ученых разных отраслей науки довлело открытие А. Эйнштейном мельчайших частиц материи; в нашем случае – материи социальной. Касается материи социальной и иного рода высказывание Эйнштейна, звучащее, примерно<sup>17</sup>, как «материя есть застывшая энергия». В этом смысле социология изучает застывшую и застывающую энергию действий, взаимодействий, отношений людей, генерирующих энергию движения социальности и творения социальной реальности. К тому же жизнь – это диагноз и времени, и заболеваний, подобных ковиду и тому, о чем писал Ст. Тернер [2023: 15], говоря о сходстве социологии с медициной.

Есть и за рубежом публикации о социологии жизни, например, вышедшая в 2018 г. книга группы немецких социологов. Ее авторы подчеркивают, в частности, связь идей социологии жизни с витализмом, с реляционистским, отношенческим теоретизированием: «концепты социологии жизни отличаются реляциональными определениями жизни» [Delitz, Nungesser, Seyfert, 2018: 11]. Характерны и некоторые отличия книги Тощенко о социологии жизни от труда немецких ученых на ту же тему. Российские традиции научного письма – по меньшей мере сегодня – отличны от европейского, – это бросается в глаза. «У нас» поиск путей постижения проблемы, «там» опора на дискурсивную специфику подходов к социологии жизни в разное время, в разных странах, среди ученых разных убеждений (Г. Зиммель, Г. Тард, С. Лэш, М. Фуко, Б. Латур, Дж. Урри, К. Леви-Стросс и др.). Возможно, разница определена тем, что Тощенко не нужна (в отличие от молодых, в основном немецких коллег) опора на авторитеты – он сам авторитет. Тощенко-теоретик идет от эмпирических данных, опираясь на свой опыт многолетнего изучения реальности. В большинстве разделов немецкого труда на первом плане – релевантность позиций коллег из разных стран. Тощенко тяготеет к материальным сторонам жизни и науки, западные коллеги – к сфере научных позиций, мнений, идейной и политической конъюнктуры. И так далее.

Тощенко внимательно следит за новациями в поле зарубежной и отечественной теоретической социологии; он сделал теоретическую рубрику приоритетной для журнала, включая публикации переведенных текстов зарубежных теоретиков. Многих из современных классиков он лично знает, добывал у них тексты для публикации в журнале; подметил увлечение социологов, в том числе из Германии, тем, что называют диагностикой времени

<sup>17</sup> Неловко сослаться на книгу американского генерала об истории атомного оружия; но пока найти удалось лишь подтверждение, что у Эйнштейна подобное высказывание есть.

и общества, связанное с именами К. Мангейма, Ю. Хабермаса и др. (см.: [Reese-Schäfer, 1996; Норо, 2002]). Его историческое образование сказалось во внимании к весьма значимым для социологии достижениям историков, археологов, этнографов, антропологов и др. В своем теоретизировании Ж.Т. Тощенко использует возможности исторической социологии, изучает развертывание реальной жизни во времени и пространстве. Освоение этой проблематики позволяло и позволяет ему эффективно вводить специальные исторические знания в анализ социальных граней текущей современности, в теоретическое оснащение и подготовку новых поколений отечественных социологов.

**Вместо заключения.** На этом, пожалуй, завершу очерк движения современной социологической теоретической мысли в России и за рубежом (преимущественно в западном зарубежье, где социология остается продвинутой, в сравнении с социологиями постколониальной, восточной, южной и др.). Будем надеяться, что «диалог», провозглашенный XX конгрессом МСА, обогатит теоретические основания нашей науки. Минувшие десятилетия движения по этому пути российской социологии принесли обнадеживающие результаты. Наука в современной России, а журнал «Социологические исследования» видит себя ее частью, идет путем, намеченным Петром I: организация и проведение научных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию России<sup>18</sup>. Надеюсь, лет через десять наш журнал констатирует прогресс российской теоретической социологии на этом пути, обсудит тенденции и новые смыслы перемен в социологической теории и в социальных науках.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016.
- Барбалет Д. Гуанси и социальный обмен: эмоции, власть, коррупция // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 30–41. DOI: 10.7868/S0132162517120042.
- Григорьев С.И. Основы виталистской социологии XXI века. М.: Гардарики, 2007.
- Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: Ленанд, 2021.
- Качанов Ю.Л. Теоретические предпосылки эмпирического исследования социологической теории // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 3–10.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Запрос на глобальный диалог (заметки с юбилейного социологического конгресса) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8.
- Кравченко Е.И. Стертые метафоры Э. Гоффмана // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250020831-7.
- Култыгин В.П. Современное состояние отечественной социологии (§ 3. Гл. 22) // История социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Култыгин. М.: НОРМА, 2009.
- Кунаев Д.А. О моем времени. От Сталина до Горбачева. Алматы: Меломан. 1993.
- Левада Ю.А. Лекции по социологии. М.: ИКСИ АН СССР, 1968.
- Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Мухитдинов Н.А. Река времени: От Сталина до Горбачева. М.: ФПК, Руст-Рости, 1995.
- Норо А. «Диагноз времени» как третий жанр социологической теории // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 3–12.
- Романовский Н.В. Еще раз о роли теоретической социологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 93–101.
- Смирнов А.В. К вопросу об особенностях арабской семиотической теории // Невербальное поле культуры. Мат. науч. конф. М.: РГГУ, 1995. С. 149–150.
- Тернер С.П. Прогресс социологии? (перевод Н.В. Романовского) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 3–16. DOI: 10.31857/S020736760026579-5.
- Тощенко Ж.Т. От феномена к ноумену: опыт методического и методологического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

<sup>18</sup> 10-й параграф действующего Устава Российской академии наук – в пересказе автора.

- Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 22–32.
- Ханафи С., Тинян Чж. Система Тянься и умная демократия: интервью с Чжао Тинянем // Глобальный диалог. 2024. № 1. С. 3–9.
- Хоннет А. Идея социализма. Попытка актуализации. М.: Директмедиа, 2022.
- Штомпка П. Социология социальных изменений (пер. с англ.) / Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-пресс, 1996.
- Delitz H., Nungesser E., Seyfert R. (Hg.) *Soziologien des Lebens*. Bielefeld: Transscript Verl, 2018.
- Emirbayer M. Manifesto for relational sociology // *American sociological review*. 1997. No. 3. P. 281–317.
- Goffman E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 1. P. 1–17.
- Hanafi S. Toward a dialogical sociology: Presidential address – XX ISA World Congress of Sociology 2023 // *International Sociology*. 2024. Vol. 39. No. 1. P. 3–26.
- Moebius St. Die Geschichte der Soziologie im Spiegel der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2017. Suppl. 1, 69. S. 3–44.
- Reese-Schäfer W. Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // *Berliner Journal für Soziologie*. 1996. No. 3. P. 377–390.
- Schwinn T. Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2020. No. 3. P. 351–381.

Статья поступила: 15.05.24. Принята к публикации: 15.07.24.

## CHANGES IN GLOBAL AND RUSSIAN THEORETICAL SOCIOLOGY

ROMANOVSKIY N.V.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; journal "Sociological Studies", Russia; Russian State University for Humanities, Russia*

---

*Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Deputy Head Editor of the journal "Sociological Studies"; Prof. of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).*

---

**Abstract.** The article presents an overview of changes in contemporary theoretical sociology over the past two-three decades from the position of an employee of the journal "Sociological Studies" who supervised the relevant sections during these years. It is proposed to consider changes in the world, in particular the formation of its multipolarity, as the main driving force of changes in sociology and its theoretical sections. By now, the decolonization of countries and continents activates scholars whose approaches to sociology differ from those of M. Weber, T. Parsons, etc. who shaped sociology, oppose them in some respects, and seek concepts adequate to the social reality of liberated countries and peoples in the past and present. A qualitatively new toolkit of sociology, associated with the possibilities of digitalization, is also among the factors. Such a prospect of changes in sociological theory as sociology's rise to the level of "social science" is also discussed. It is noted that humanism and the "agenda" of the Left – justice, equality, development of society and individuals, etc. – have become the content core of changes in sociological theorizing in recent decades. In conclusion, the main processes in Russian sociological theory are considered.

**Keywords:** modern sociological theories, factors of change, digitalization, social science, humanism, postcolonialism, "left" sociologists, Russian sociology.

## REFERENCES

- Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems.* (2016) Comp. and ed. by N.I. Lapin. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Barbalet D. (2017) Guangxi and social exchange: emotions, power, corruption. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 30–41. DOI: 10.7868/S0132162517120042. (In Russ.)
- Delitz H., Nungesser E., Seyfert R., hg. (2018) *Soziologien des Lebens*. Bielefeld: Transscript Verl, 2018.
- Emirbayer M. (1997) Manifesto for relational sociology. *American sociological review*. No. 3: 281–317.

- Filk D., Ram U. (2015) Marxism after postmodernism: rethinking the subject of the politics of liberation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 22–32. (In Russ.)
- Goffman E. (1983) The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 1: 1–17.
- Grigoriev S.I. (2007) *Fundamentals of vitalist sociology of the 21st century*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
- Hanafi S. (2024) Toward a dialogical sociology: Presidential address – XX ISA World Congress of Sociology 2023. *International Sociology*. Vol. 39. No. 1: 3–26.
- Hanafi S., Zhao Tingyan. (2024) The Tianxia system and smart democracy: an interview with Zhao Tingyan. *Globalnyi dialog* [Global dialogue]. No. 1: 3–9. (In Russ.)
- Honneth A. (2022) *The idea of socialism. Attempt to update*. Moscow: Directmedia. (In Russ.)
- Kachanov Yu.L. (2000) Theoretical prerequisites for empirical research of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–10. (In Russ.)
- Katerny I.V. (2021) *Posthumanism. Man in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas*. Moscow: Lenand. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2023) Request for global dialogue (notes from the anniversary sociological congress). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8. (In Russ.)
- Kravchenko E.I. (2020) Erased metaphors of E. Hoffmann. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250020831-7. (In Russ.)
- Kulygin V.P. (2009) The current state of domestic sociology (§ 3. Chapter 22). In: *History of sociology*. Rep. ed. G.V. Osipov, V.P. Kulygin. Moscow: NORMA. (In Russ.)
- Kunaev D.A. (1993) *About my time. From Stalin to Gorbachev*. Almaty: Meloman. (In Russ.)
- Levada Yu.A. (1968) *Lectures on sociology*. Moscow: IKSI AN SSSR. (In Russ.)
- Manheim K. (1995) *Diagnosis of our time*. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Moebius St. (2017) Die Geschichte der Soziologie im Spiegel der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Suppl. 1, 69: 3–44.
- Mukhitdinov N.A. (1995) *River of time: From Stalin to Gorbachev*. Moscow: FPK, Rusti-Rosti. (In Russ.)
- Noro A. (2002) "Diagnosis of time" as the third genre of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Reese-Schäfer W. (1996) Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe. *Berliner Journal für Soziologie*. No. 3: 377–390.
- Romanovsky N.V. (2014) Once again about the role of theoretical sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 93–101. (In Russ.)
- Schwinn T. (2020) Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. No. 3: 351–381.
- Shtompka P. (1996) *Sociology of social changes* (trans. from Eng.). Ed. by V.A. Yadov. Moscow: Aspectpress. (In Russ.)
- Smirnov A.V. (1995) On the question of the features of Arab semiotic theory. In: *Nonverbal field of culture*. Proceed. of the scientif. conf. Moscow: RGGU:149–150. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) From phenomenon to noumenon: experience of methodological and methodological search. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3. (In Russ.)
- Turner S.P. (2023) Progress of sociology? (translation by N.V. Romanovsky). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–16. DOI: 10.31857/S020736760026579-5. (In Russ.)

Received: 15.05.24. Accepted: 15.07.24.

# Социальные реалии: вызовы времени

© 2024 г.

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР

## СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

---

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, заведующая центром, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия (kirdina@bk.ru).

---

**Аннотация.** Становление нового мирового порядка является одним из важнейших глобальных изменений XXI в. Его влияние сказывается на всех сферах общественной жизни, в том числе на развитии социологии в мире и России. В статье рассматриваются направления этого влияния на деятельность журнала «Социологические исследования», отмечающего в 2024 году пятидесятилетний юбилей. Обсуждается необходимость уточнения миссии журнала в новых условиях. Проанализированы особенности нового мирового порядка, в котором Россия становится частью формирующегося глобального полюса силы. Особое внимание уделено влиянию становления нового мирового порядка на международную коммуникацию и происходящим здесь изменениям, в том числе в сфере социальных наук. Показаны вызовы, которые новый мировой порядок ставит перед социологами всех стран, и рассмотрены возможности российских социологов ответить на эти вызовы. Обоснована необходимость новых акцентов в миссии журнала, отражающих ценности содействия глобальному диалогу социологов разных стран.

**Ключевые слова:** новый мировой порядок • глобальный диалог • международная коммуникация • российская социология • журнал СоцИс

DOI: 10.31857/S0132162524060033

**Введение.** Журнал «Социологические исследования» (СоцИс), 50-летний юбилей которого мы отмечаем, был создан, когда в СССР социологию как науку восстанавливали в «гражданских правах»<sup>1</sup>. С одной стороны, предполагалось, что «журнал будет образцом основных форм работы советской социологии, которые включали одновременно академическую и прикладную составляющие» [Губа, 2015: 26], будет направлен «на просвещение и распространение социологических знаний, на помощь в проведении социологических исследований, сотрудничество с различными управленческими органами»<sup>2</sup>. С другой стороны, с самого начала СоцИс позиционировал себя как массовый журнал всего российского обществоведения. В те годы социологического образования в стране еще не существовало, поэтому среди авторов и аудитории журнала были представители

---

Статья подготовлена в соответствии с планом государственного задания Института экономики РАН, рег. № НИОКТР 124013000799-0.

<sup>1</sup> Тощенко Жан Терентьевич. Персональный сайт. URL: <http://toschenko.ru/publication/11/>

<sup>2</sup> Там же.

философских, исторических, экономических, психологических и др. социальных дисциплин. Традиция сотрудничества журнала с обществоведами и гуманитариями продолжается и в настоящее время. Среди авторов журнала, помимо социологов, по-прежнему немало коллег из смежных социальных наук. Это связано не только с открытостью журнала к междисциплинарным исследованиям [Кирдина-Чэндлер, 2020], но и с особой ролью социологии в развитии социальных дисциплин. «В наше время нет ни одной сколько-нибудь научной работы по вопросам общественных наук, которые так или иначе не предпосылали бы в виде фундамента той или иной социологической теории» [Сорокин, 1912: 2770], – это замечание знаменитого соотечественника по-прежнему актуально. Поэтому внимание к социологическим исследованиям в нашей стране далеко выходит за рамки дисциплины. Постоянная открытость журнала к взаимодействию с коллегами означает, что взятое при его создании «обязательство – давать знание всем, кто хочет его взять»<sup>3</sup>, продолжает выполняться, составляя важную миссию журнала.

В данной статье мы обращаем внимание на развитие миссии журнала, её адаптацию к современным условиям. Из множества прошедших за полвека изменений – от климатических и социально-политических до информационно-технологических, – мы обратим внимание на формирование *нового мирового порядка*, становление которого происходит на наших глазах, представляя собой важнейшее глобальное изменение современности, влияющее на все сферы социальной жизни. В первой части статьи мы представим его особенности и связь с характером международной коммуникации. Во второй части статьи остановимся на *вызовах*, которые новый мировой порядок ставит перед социологами всех стран, и рассмотрим готовность российской социологии ответить на эти вызовы. Тем самым мы продолжаем исследования, первые результаты которых были изложены в работе «Запрос на глобальный диалог...» по итогам XX юбилейного конгресса Международной социологической ассоциации 2023 г. в Мельбурне [Кирдина-Чэндлер, 2023]. На этой основе выскажем соображения по развитию миссии СоцИса в связи со становлением нового мирового порядка.

**Новый мировой порядок и международная коммуникация.** Что понимать под мировым порядком? «Термином “мировой порядок”, как правило, обозначается конвенциональная система мирового устройства, определяющая принципиальный характер взаимодействия между государствами и негосударственными акторами» [Ефремова, 2016: 5]. Более развернутое определение описывает мировой порядок как «относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных) правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил» [Никитин, 2018: 32–33]. Ведущими мировыми державами признаются глобальные лидеры, государства с наивысшими показателями национальной силы<sup>4</sup>. Соответственно, становление нового мирового порядка означает смену мировых лидеров и реконфигурацию полюсов силы. Новый мировой порядок, о котором здесь идет речь, постепенно меняет характер и направления экономических, политических и иных связей, влияет на правила взаимодействий на мировой арене. Он идет на смену «либеральному мировому порядку» [Най, 2017] с глобальной гегемонией США и обладает рядом особенностей.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> К показателям национальной силы относят уровень развития образования и профессиональных компетенций в стране, инновации и технологии, общую конкурентоспособность, демографический потенциал, мощность вооруженных сил, уровень развития и масштабы производства, торговли и финансов, ресурсную обеспеченность, резервный статус валюты и др. [Национальная сила..., 2024: 16].

Первая особенность состоит в том, что новый формирующийся миропорядок оказывается одним из парадоксальных следствий процесса «управляемой глобализации»<sup>5</sup>. Парадокс в том, что глобализация с доминированием США привела не «к концу истории» [Фукуяма, 1992], который предполагал универсализацию экономических, политических и идеологических институтов по примеру «лидеров глобализации», но к появлению новых полюсов силы, что тот же Фукуяма спустя 30 лет после выхода своего научного бестселлера назвал «концом конца истории»<sup>6</sup>. Вторая особенность нового мирового порядка связана с первой. Раньше смена государств-лидеров происходила внутри сообщества западных стран капиталистической мир-системы. В XVI в. такими лидерами были Испания и Португалия, в XVII–XVIII вв. – Голландия, в XIX в. – Великобритания, а в XX в. – США. В XXI в. наблюдается возвышение незападных стран<sup>7</sup>. Эти государства – Китай, Индия, Россия и др., продолжая взаимодействия с капиталистической мир-системой, начинают менять «правила глобальной игры» с учетом собственных ценностей, требуют пересмотра характера межнациональных взаимодействий и качественной трансформации наднациональных структур с учетом биполярности современного мира<sup>8</sup>. Третья особенность также связана с неожиданным следствием глобализации и интеграции национальных экономик. В глобально взаимосвязанном мире, предполагавшем однонаправленное воздействие гегемона на другие государства, усиливается нелинейный и разнонаправленный характер связей между странами, вызванный в том числе усилением *spillover effects* (сопутствующих эффектов, эффектов перелива). Пример западных санкций против России, имеющих рикошетный характер и повлекший непредсказуемые последствия для мировой экономики, является широко известным, но лишь одним из эффектов такого рода. Тренд на суверенизацию стран в современном мире [Кирдина-Чэндлер, 2022] также стал противоречивым «сопутствующим эффектом» глобализации.

Процессы глобализации затрагивают практически все сферы социальной жизни. Что же лежит в основе процессов, приводящих к глобальным изменениям и смене мировых порядков? «Основным глобализирующим фактором часто считается экономическая глобализация» [Зубкевич, 2015: 7], поэтому причины и направления этих изменений рассматриваются, как правило, в контексте цикличности развития мировой экономики. Причины цикличности исследуются в рамках различных концепций. Одним из объяснений служит смена циклов накопления капитала [Arrighi, 1994; Modelski, 1978; Frank, 1998] и связанный с этим переход к новому мирохозяйственному укладу [Глазьев, 2022]. Иные авторы усматривают причину в Кондратьевских волнах [Акаев, 2022], в жизненных циклах капиталистических систем [The World System..., 1998; World System History, 2000; Элман, 2001], и т.д.

Цикличность в развитии мировой экономики была отмечена и в наших исследованиях. С начала 2000-х гг. в ходе разработки теории институциональных X-Y-матриц проводятся сопоставления долговременной динамики суммарных ВВП (внутренних валовых продуктов), производимых странами с доминированием X- и Y-матриц. В выборку включаются страны, производящие 80–90% мирового ВВП, с учетом доступности данных для соответствующих исторических периодов. Результаты сопоставлений представлены на рис.

Можно видеть, что после периода промышленной революции и вплоть до 2000-х гг. в мировой экономике лидировали страны с доминированием институтов Y-матрицы (западные страны). Однако с 2010-х гг. начинается цикл доминирования незападных стран,

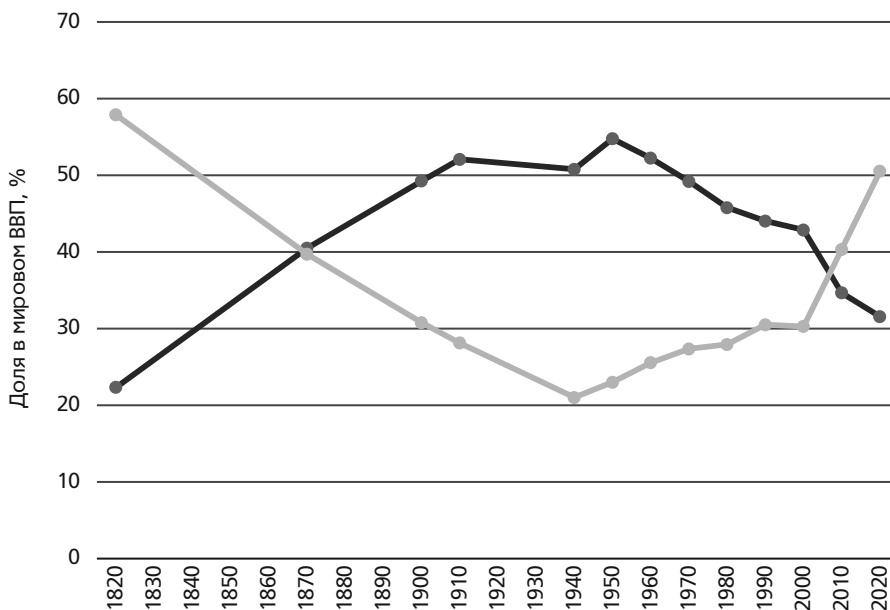
<sup>5</sup> Бузгалин А. Основные «пласты» глобализации и ее конфликтогенный потенциал. М.: НЦБ PORTALUS.RU. 2008. 9 декабря. URL: [https://portalus.ru/modules/internationalaw/rus\\_readme.php?subaction=showfull&id=1228770603&archive=1480161291&start\\_from=&ucat=&](https://portalus.ru/modules/internationalaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1228770603&archive=1480161291&start_from=&ucat=&) (дата обращения: 02.05.2024).

<sup>6</sup> Gibson M. The American political theorist discusses what the Ukraine war means for the future of liberal democracy. Interview with Francis Fukuyama: «We could be facing the end of “the end of history”». The New Statesman. 2022, March. URL: <https://www.newstatesman.com/encounter/2022/03/francis-fukuyama-on-the-end-of-the-end-of-history> (дата обращения: 02.05.2024).

<sup>7</sup> Ray Dalio. The Changing World Order. URL: [smart-lab.ru:blog/721102.php](https://www.raydalio.com/blog/721102.php)

<sup>8</sup> Подробнее о глобальной биполярности см. [Кирдина-Чэндлер, 2022].





**Рис.** Сопоставление долей ВВП стран с доминированием X-матрицы (серая линия) и Y-матрицы (черная линия), 1820–2020-е гг.

Источник: [Кирдина, 2014: 313]. Расчеты автора (по данным после 2014 г.).

т.е. стран, где преобладают институты X-матрицы (среди них Китай, Индия, Россия и др.) в мировой экономике. Тем самым агрегированные экономические данные подтверждают долгосрочный подъем новых полюсов силы как основы изменения мирового порядка.

Существует множество объяснений трансформации глобальной системы. Мы придерживаемся наиболее общего из них, основанного на идеях синергетики и самоорганизации. Идеи синергетики получили импульс развития сначала в западных странах [Хакен, 1980; Занг, 1999; Пригожин, Стенгерс, 1986], затем распространились в нашей стране, прежде всего среди экономистов-математиков [Князева, Курдюмов, 2006; Евстигнеев, Евстигнеева, 2007, Чернавский, 2017 и др.]. В соответствии с этим подходом развитие глобальной социально-экономической системы в меняющихся условиях рассматривается как постоянный процесс поиска и обретения ею адекватной этим условиям структуры с обновляющимися правилами взаимодействия подсистем. На определенных этапах результатом такого развития становится формирование нового миропорядка. В этих исследованиях отмечено также, что становление нового порядка проходит через фазы бифуркации и высокой турбулентности, социальной нестабильности и неустойчивости, провоцируя рост внутривнутриполитических и международных конфликтов, техногенные катастрофы и даже эпидемии. Переходы к новому мировому порядку сопровождаются и обострением военных конфликтов глобального уровня, что позволяет некоторым авторам говорить о «взаимообусловленности проблемы войны и мира, с одной стороны, и феномена нового мирового порядка, с другой» [Глащинский, 2017: 21].

Обострение международных отношений в эпоху смены мирового порядка касается и информационно-коммуникативной сферы, поскольку социально-экономическая и политическая глобализация сопровождается «глобализацией информационных процессов и всеохватностью информационных потоков» [Лебедева, 2020: 32], а «вопросы коммуникативного воздействия являются центральными в современной цивилизации» [Утяшев,

2012: 427]. Поэтому трансформация мирового порядка означает изменение содержания и векторов международной коммуникации в соответствии со становлением новых центров силы, и эти изменения являются вызовом всем тем акторам, которые в эту коммуникацию вовлечены. Особая роль принадлежит представителям общественных наук, поскольку «социальные и гуманитарные вопросы все сильнее проникают в международную повестку дня. Они образуют не только сферу собственно социальных и гуманитарных вопросов, но и включаются в военно-политическую (например, информационные войны) и экономическую (например, борьба с бедностью, устранение резкой социальной поляризации) проблематику» [Лебедева, 2020: 33].

Прежде чем обозначить векторы изменения международной коммуникации в ходе становления нового мирового порядка, уточним ее нынешние характеристики. Коммуникативный процесс можно понимать как взаимный обмен символами, значениями, информацией с целью воздействия каждого из субъектов коммуникации друг на друга [Подгорецкий, 2015: 159], в данном случае – воздействия одних стран на другие. Очевидно, что мощность воздействия стран, которые в тот или иной период являются лидерами мирового порядка, является более выраженной. Это связано с более высокими показателями их национальной силы, среди которых уровень образования и подготовки кадров, развитие технологий, в том числе информационных и гуманитарных, общая конкурентоспособность, позволяющая контролировать мировой рынок средств массовой информации, высокая ресурсная и финансовая обеспеченность.

В этих условиях страны – мировые лидеры способны активно влиять на формирование общественного мнения для обеспечения поддержки своих решений в различных областях. В современном глобальном мире их методы «практически не отличаются от обычных приемов *public relations*. Это создание количественного и качественного преимущества собственной точки зрения в СМИ, внедрение стойких ассоциаций, схем, мифов, которые отвечают интересам организатора информационно-пропагандистской кампании» [Утяшев, 2012: 428]. Другими словами, коммуникативное воздействие имеет весьма обширный характер. Иллюстрацией служит деятельность крупнейших мировых медиакомпаний, которая охватывает широкий спектр областей: рекламу, вещание и создание сетей, новости, печать и публикация, цифровые технологии, звукозапись и кино. Каждая из этих областей имеет свою инфраструктуру<sup>9</sup>. В десятку крупнейших компаний входят возглавляющая список Apple, затем Walt Disney, Comcast, Netflix, AT&T, Sony, Charter Communications, Thomson Reuters, Paramount Global и Fox, из них только две базируются за пределами США (Thomson Reuters в Канаде и Sony в Японии). Медиакомпании, работающие в перечисленных выше областях, предлагают (порой навязывают) продукты и услуги пользователям, от частных лиц до крупных организаций по всему миру. Большинство компаний из этого списка входят также в список крупнейших новостных медиакомпаний или аффилированы с ними<sup>10</sup>. 80% из них зарегистрированы в США (иная юрисдикция обозначена в скобках). В их списке по убыванию представлены Comcast, Thomson Reuters (Канада), Naspers (ЮАР), Warner Bros. Discovery, Fox Corp., News Corp., Paramount Global, The NYT Company, Nexstar Media Group и IACI. Новости, «производимые» этими компаниями, доступны в форматах цифровом (онлайн-новостной контент), печатном (газеты и журналы) и радиовещании (телевидение и радио). «Мир движется новостями. От решений, основанных на освещении финансовых рынков и политических событий, до решений, основанных на местных новостях или сводках погоды, новости влияют на нашу жизнь прямо или косвенно»<sup>11</sup>. Глобальная концентрация медийных и новостных компаний в США и их доминирование в коммуникативной сфере продолжают поддерживать лидирующие

<sup>9</sup> Seth S. The World's Top Media Companies. 2022. October 30. URL: <https://www.investopedia.com/stock-analysis/021815/worlds-top-ten-media-companies-dis-cmsa-fox.aspx> (дата обращения: 28.04.24).

<sup>10</sup> Seth S. The World's Top News Media Companies. 2023. September 11. URL: <https://www.investopedia.com/stock-analysis/021815/worlds-top-ten-news-companies-nws-gci-trco-nyt.aspx> (дата обращения: 28.04.24).

<sup>11</sup> Там же.

позиции уходящего гегемона нынешнего мирового порядка, выступающего в роли основного распределителя глобальных информационных благ и определяющего мировую коммуникационную и ценностную повестку.

В сфере научной международной коммуникации роль лидера «либерального мирового порядка» отражается долей научных журналов США в мире. Так, в базе *Scopus* «журналы США ...от числа принятых занимают нишу в 30%..., что совпадает в процентном отношении со списком журналов этих стран в потоке журналов мира»<sup>12</sup>, т.е. выше всех других стран. Это не удивительно, учитывая, что 82% журналов этой базы – англоязычные<sup>13</sup>.

Неудовлетворенность глобальным доминированием США и стран Запада в сфере международных коммуникаций послужила основанием призыва ЮНЕСКО в 1976 г. к формированию Нового мирового информационного и коммуникационного порядка (*New World Information and Communication Order*, или *NWICO*) как части более широкой повестки по формальному решению проблемы глобального экономического неравенства в результате наследия империализма на глобальном Юге<sup>14</sup>. Заявленные цели данного плана реализовать не удалось. ЮНЕСКО приняла новый план «Коммуникация на службе человечества» на среднесрочную перспективу на 1990–1995 гг. План предусматривал равное свободное распространение информации всеми странами и компаниями [Milan, 2013: 31]. Его реализация встретила противодействие США, поскольку они рассматривали план ЮНЕСКО как создание барьеров, опасных для свободы прессы и интересов американских медиакорпораций. США не поддержали и Конвенцию ЮНЕСКО 2005 г. об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, в которой воплощались некоторые цели *NWICO*, особенно в отношении предупреждения несбалансированного глобального потока средств массовой информации<sup>15</sup>. Дальнейшее рассогласование целей ЮНЕСКО и США привело к тому, что с 2011 г. США прекратили финансирование организации, а в 2017 г. официально уведомили о своем выходе из нее<sup>16</sup>.

Тем не менее в формирующемся мировом порядке начинается подъем альтернативного западным странам полюса силы с иной ценностной, в том числе коммуникационной, повесткой. Ранее [Кирдина-Чэндлер, 2022] мы выделили базовые институциональные структуры, составляющие основу нового полюса силы – международные организации СНГ, ШОС и БРИКС. Последняя из них – наиболее динамичная и «ставшая символом глобальной альтернативы»<sup>17</sup> и притягательности для многих стран мира структура<sup>18</sup>. В БРИКС «страны группы ...не формулируют задач, которые можно было бы считать прямым вызовом Западу или отражающими сопоставимое по чёткости с западным видение “идеального” мирового порядка. Это является ... неизбежным следствием отсутствия гегемонии

<sup>12</sup> <http://123mi.ru/articles/lzdatelstva-kotorye-vhodyat-v-Scopus.php>

<sup>13</sup> [https://mgso.ru/science/N-Issled\\_i\\_innovac\\_deyat/UNP/naukometriya/redakcionnaya\\_podgotovka\\_zhurnalov.pdf](https://mgso.ru/science/N-Issled_i_innovac_deyat/UNP/naukometriya/redakcionnaya_podgotovka_zhurnalov.pdf). По другим данным – 23% [https://mgso.ru/science/N-Issled\\_i\\_innovac\\_deyat/UNP/naukometriya/redakcionnaya\\_podgotovka\\_zhurnalov.pdf](https://mgso.ru/science/N-Issled_i_innovac_deyat/UNP/naukometriya/redakcionnaya_podgotovka_zhurnalov.pdf)

<sup>14</sup> [https://profilpelajar.com/article//New\\_World\\_Information\\_and\\_Communication\\_Order](https://profilpelajar.com/article//New_World_Information_and_Communication_Order) 7

<sup>15</sup> [https://en.wikipedia.org/wiki/New\\_World\\_Information\\_and\\_Communication\\_Order](https://en.wikipedia.org/wiki/New_World_Information_and_Communication_Order)

<sup>16</sup> США официально вернулись в ЮНЕСКО в июле 2023 г. на основе «неконсенсусной резолюции» в нарушение устава организации и в обход действующих правил процедуры Генконференции, не выплатив задолженность перед организацией. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18248149/> (дата обращения: 12.04.24).

<sup>17</sup> Барбанов О. БРИКС и глобальные альтернативы в современном мире. 2024. January 22. URL: <https://infobrics.org/post/40281> (дата обращения: 24.04.2024).

<sup>18</sup> В начале 2024 г. к 5 странам БРИКС присоединились Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Египет и Эфиопия. «А если учесть, что в августовском саммите объединения <2023 г.> участвовали представители свыше 60 стран, то это – верный знак того, что БРИКС превращается в широкое объединение государств всего глобального Юга... шансы на превращение группы в мощный глобальный альянс значительно выше, чем по изначальной задумке БРИКС» [Hill: БРИКС превращается в глобальный альянс, но это не возврат к соперничеству. 2024. February 5. URL: <https://infobrics.org/post/40390> (дата обращения: 24.04.2024)].

одной державы в данной группе, что не препятствует возникновению общих интересов в рамках группы, но лишает её возможности постановки целей и задач, исполнение которых требует подчинения всех одной лидерской воле»<sup>19</sup>. Гарантией внутренней целостности такого рода структуры отношений является уравнивающее друг друга влияние важнейших держав современного мира – России, Индии и Китая, – и поддержание баланса между ними<sup>20</sup>.

Исследователи отмечают, что в коммюнике саммитов БРИКС за годы существования этого объединения ценностным альтернативам уделяется постоянное внимание. Ценностная платформа БРИКС (теперь БРИКС+) «базируется на принципе равенства в глобальной экономике и политике, на подтверждении права на развитие всех стран мира, а не только “золотого миллиарда”, на борьбе против эксплуатации и неоколониализма со стороны развитых стран в отношении развивающегося мира»<sup>21</sup>. Это находит отражение в принятой сторонами модели международной коммуникации. Она отражает консенсус по четырем аспектам: продвижение стратегического партнерства между странами БРИКС, построение более справедливого международного коммуникационного порядка, выполнение социальных обязательств СМИ и расширение обмена и сотрудничества между СМИ [Bharthur, 2018]. Аналогичные ценности взаимовыгодного партнерства и стремления к развитию сторон характеризуют и Шанхайскую организацию сотрудничества. В ее Хартии важное место заняла декларация «равенства, ценностей и уважения к многообразию культур между государствами-членами и взаимного доверия»<sup>22</sup>.

Принятая странами нового полюса силы система ценностей и модель международной коммуникации предусматривают, что «в процессе коммуникации не просто транслируется информация от одного участника коммуникации к другому, но также происходит создание качественно новых смыслов, интерпретаций, норм и правил человеческой жизнедеятельности» [Коммуникативные практики..., 2008: 6]. Эта созидательная функция коммуникации диалога, а не «воздействие» одного участника на другого, составляет главную цель партнерства государств, образующих новый полюс силы мирового порядка.

В сфере международной научной коммуникации и научных достижений мы также можем видеть сдвиги в пользу стран, формирующих новый мировой порядок. Для иллюстрации сравним показатели США – лидера уходящего миропорядка, и Китая – одного из лидеров нового миропорядка. В современном научном мире Китай уже уверенно опережает США как по числу опубликованных статей в рецензируемых научных изданиях, так и заявок на патенты (табл.)

Представленность КНР в глобальном научном мире за последнее десятилетие выросла на порядок. Еще в 2010 г. доля КНР в числе научных публикаций мира составляла 2%<sup>23</sup>, в среднем за 2018–2020 гг. она достигла 23,4%<sup>24</sup>. Специалисты-китаеведы отмечают прямую связь растущего присутствия Китая в мировом научном пространстве с ролью, которую он начинает играть в мировой экономике. Основываясь на осознании усиливающегося экономического могущества страны, представители общественных наук КНР активизируют «попытку расширить присутствие китайских концепций развития на мировой интеллектуальной сцене» [Борох, 2019: 30] и «взять в свои руки инициативу в объяснении китайской практики и в построении на ее основе собственной теории» [там же: 31]. При этом китайские обществоведы отмечают, что путь «“заимствования канонов” на Западе уже исчерпан» [там

<sup>19</sup> Бордачев Т. Признаки нового мирового порядка. 2024. January 19. URL: <https://infobrics.org/post/40268> (дата обращения: 24.04.2024).

<sup>20</sup> Бордачев Т. Россия, Большая Евразия и современная международная политика. 2024. February 20. URL: <https://infobrics.org/post/40515> (дата обращения: 24.04.2024).

<sup>21</sup> Барбанов О. БРИКС и глобальные альтернативы в современном мир. 2024. January 22. URL: <https://infobrics.org/post/40281> (дата обращения: 24.04.2024).

<sup>22</sup> Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectso.org/>

<sup>23</sup> <https://newdaynews.ru/science/265776.html>

<sup>24</sup> <https://hightech.plus/2022/08/11/kitai-obognal-ssha-po-obemam-i-citiruemosti-nauchnih-issledovaniy>

Таблица

**Сравнительные показатели включенности в международную научную коммуникацию, КНР и США, 2019–2020 гг.**

Страна	Число научно-исследовательских статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включенных в систему индекса научного цитирования, 2019*	Число патентов, 2020**		
		заявки всего	заявки резидентов	заявки нерезидентов
КНР	528 263	1 400 661	1 243 568	157 093
США	422 808	621 453	285 113	336 340

*Источники:* \*National Science Foundation: Science and Engineering Indicators 2019. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/scientific-and-technical-activity> (дата обращения: 06.03.24). \*\*World Intellectual Property Organization: World Intellectual Property Indicators 2020. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-patent-ranking> (дата обращения: 06.03.24).

же: 34]. «Официальная политика развития “общественных наук с китайской спецификой” придает большое значение повышению международного влияния китайских теоретических концепций» [Борох, Ломанов, 2020: 66]. Другими словами, речь идет об активной государственной поддержке развития национальной социальной науки на оригинальных «незападных» теоретических основаниях и распространения ее достижений в мире.

Таким образом, в рамках альтернативного полюса нового мирового порядка, объединяющего незападные страны (среди них Китай, Индия, Россия и др.), формируются основы международной коммуникации, направленной на развитие её участников и создание качественно новых правил равноправного сотрудничества. Составным элементом стратегии этой коммуникации является развитие социальных и гуманитарных наук с опорой на собственные культурные традиции, направленных на то, чтобы служить национальным социально-экономическим интересам и поддержке партнерских отношений с другими странами.

**О вызовах российскому обществоведению и о развитии миссии нашего журнала.** Становление нового мирового порядка сопровождается процессами турбулентности и сопротивлением лидеров «либерального мирового порядка» наступающим изменениям. Глобальный международный дискурс уходящего гегемона приобретает все более конфронтационный, прежде всего в ценностном отношении, характер. В связи с этим обратим внимание на дополнительные вызовы, с которыми в данной ситуации сталкиваются представители социальных и гуманитарных наук, в том числе российские социологи. Отметим два из них, взаимосвязанные парадоксальным образом: первый требует активизации усилий по международному диалогу, второй – развития и отстаивания суверенности адекватного национального обществоведения. Парадоксальность связи двух вызовов в том, что они имеют разнонаправленный и, казалось бы, взаимоисключающий характер. Так, стремление к диалогу предполагает коммуникацию на основе общей смысловой платформы; для этого отечественным социологам нужно максимально погрузиться в распространенный и до сих пор по сути «монологичный» дискурс мейнстрима, где господствуют «европейский и американский империализм»<sup>25</sup> [Коломбо, 2019: 9], и говорить на принятом в этом мейнстриме языке. В свою очередь, суверенное развитие национальных исследований, направленных прежде всего на глубокое познание нашего общества, требует концентрации на выработке адекватной терминологии не обязательно универсального характера. Такая направленность предполагает так называемый

<sup>25</sup> «С этой точки зрения, социальные науки, какими мы их знаем сегодня и как их преподают в университетах и аспирантурах по всему миру, являются специализированным дискурсом, который развивался западными элитами, чтобы разъяснить западный опыт социальной трансформации и глобальной колонизации» [Mignolo, 2009]. Цит. по [Коломбо, 2019: 9].

онтологический поворот, «чтобы проблематизировать предполагаемую универсальность социального знания, подчеркивая роль социально-исторических условий, которые определяют наши возможности знать и говорить о социальной реальности» [там же: 4], в которой мы живем.

Прежде чем подробнее охарактеризовать названные вызовы (активизацию международного диалога и одновременно суверенизации отечественного социального знания) и способы работы с ними, остановимся на современной особенности коммуникации как «когнитивно-коммуникативной системы», что важно для понимания глобального дискурса. Это определение мы заимствуем из работ по анализу военного дискурса [Гарбовский, 2020], поскольку всё более конфронтационный характер глобальной коммуникации в эпоху становления нового мирового порядка дает для этого основания. Итак, когнитивно-коммуникативная система представляет собой «систему концептов, отражающих представления о реальных и воображаемых объектах, явлениях и их взаимодействиях..., их рациональную и эмоциональную оценку и средства выражения, обеспечивающие коммуникацию членов ...сообщества между собой и с внешним миром в многообразных ситуациях взаимодействия и противодействия» [Гарбовский, 2020: 47–48]. Она также включает терминологию и определенные дискурсивные модели. В международных контактах за каждым фактом коммуникации стоит, по сути, взаимодействие такого рода систем, характерных для коммуницирующих акторов. Поэтому как при переводе текстов с одного языка на другой необходим так называемый предпереводческий анализ [Гарбовский, 2020: 57–58], включающий осознание коммуникативных законов, по которым построен текст, определение иерархических связей и логических детерминант, выявление клишированных форм и т.д., так и в ходе научной коммуникации необходима предварительная «расшифровка» предъявляемых теоретических концепций, анализ условий их формирования и др. Эта расшифровка, с одной стороны, позволит строить осмысленный и равноправный диалог с партнерами по международной коммуникации, а с другой стороны, прояснить перспективы, условия и возможности применения тех или иных конструктов для анализа национальной социальной жизни; также она является важным моментом реконструкции «ценностных профилей» теоретических и прикладных исследований. Этот момент весьма актуален в условиях становления нового мирового порядка, когда в качестве нового полюса силы действуют страны с ценностной альтернативой «либеральному мировому порядку», а сами ценности становятся важнейшим объектом международной «ментальной войны» [Ксенофонов, 2022].

Ответом на парадоксальные вызовы, стоящие перед российскими социологами, может быть их активное участие в организации глобального социального диалога на партнерских основаниях, запрос на который мы обозначили ранее [Кирдина-Чэндлер, 2023]. Глобальный социальный диалог означает равноправную созидательную коммуникацию международных стран-акторов с признанием ценностных и культурных особенностей его участников, т.е. направленную на создание новых смыслов и норм с целью содействия социально-экономическому развитию друг друга.

На пути к такому диалогу социологи сталкиваются с препятствиями. Среди них сохраняющееся в социологии доминирование монологичного по характеру дискурса глобализации с характерными для него универсальными ценностями демократии и т.п., а также соответствующих ему ментальных структур, «которые все еще считают западную ориентацию единственно правильной» [Кирдина-Чэндлер, 2023: 7]. Идеологизация национальных социологий, связанная с включенностью социального знания в систему ценностных ориентаций, идей, взглядов и общественных представлений, также зачастую затрудняет сугубо научный диалог между социологами разных стран. Препятствием для равноправного диалога служит и неравенство в социально-гуманитарной сфере, определяющее возможности участия социологов в международных научных мероприятиях и представленность в наднациональных организациях.

Несмотря на эти и другие препятствия, становление нового мирового порядка открывает российским социологам возможности более активной включенности в международную коммуникацию с продвижением равноправной идейно-теоретической ценностной повестки. Материальной основой такой перспективы служит усиление экономической мощи нового полюса силы, частью которого Россия является<sup>26</sup>. Одновременно в самой российской социологии есть для этого предпосылки. (1) В российском обществоведении исторически сильны традиции «философии диалога», (2) в ней разрабатываются теоретические концепции, которые основаны на достижениях отечественных социологов, известных всему миру, (3) нам исторически присуще внимание и к Западу, и Востоку, что облегчает российским социологам формирование научного языка глобального гуманитарного диалога<sup>27</sup>. Учитывая эти предпосылки, имеет смысл в миссии нашего журнала<sup>28</sup> сделать акцент на содействие глобальному диалогу социологов разных стран на равноправной основе.

**Выводы.** При создании журнала СоцИС полвека назад частью его миссии были организация «идеологического сотрудничества братских партий и народов стран социалистического содружества, совместной идейно-теоретической деятельности по укреплению интернациональной духовной общности, усилению борьбы против буржуазной идеологии социал-реформизма, маоизма и ревизионизма» [Развитие... 1974: 3–11]. В условиях становления нового мирового порядка вновь актуализируется интернациональная миссия журнала, приобретая иное звучание. На наш взгляд, она может состоять в поддержке и организации не «диалога в рамках содружества», но глобального диалога между социологами и обществоведами разных стран. Проанализированные в статье особенности российской социологической мысли могут способствовать этой миссии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акаев А.А. Эпохальные открытия Николая Кондратьева и их место в современной экономической науке // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19. № 1. С. 11–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.2.
- Борох О.Н., Ломанов А.В. Китайский путь реформ в условиях глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75.
- Борох О.Н. Влияние идеологии и политики на современную экономическую науку в Китае // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 10. С. 30–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-30-41.
- Бурова А.Н. Роль межкультурной коммуникации в процессе интернационализации экономики // *Лидерство и менеджмент*. 2023. Т. 10. № 3. С. 887–898. DOI: 10.18334/lim.10.3.118244.
- Гарбовский Н.К. Война и коммуникация в военной сфере деятельности // *Вестник Московского ун-та. Сер. 22. Теория перевода*. 2020. № 2. С. 42–75.
- Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19. № 1. С. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.
- Губа К.С. Издавая «СоцИС», или Проблема легитимности в советской социологии // *Экономическая социология*. 2015. № 5. С. 20–45.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономическая синергетика. М.: ИЭ РАН, 2007.
- Ефремова К.А. Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // *Сравнительная политика*. 2016. Т. 23. № 2. С. 5–13. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-5-13.
- Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999.

<sup>26</sup> Некоторые авторы предпосылают России более активную роль: «Мы живем в эру уникальных геополитических и экономических преобразований. Россия стала центром и двигателем новой многополярной эпохи мирового взаимодействия» [Бурова, 2023: 888].

<sup>27</sup> Подробнее об этом см.: [Кирдина-Чэндлер, 2023: 11–12].

<sup>28</sup> Миссия отражает основную цель существования журнала или организации по улучшению мира, в которой концентрируются основные ценности и нравственные установки. Миссия определяет характер выстраивания взаимосвязей с внешней средой и основные направления деятельности.

- Зубкевич Л.А. Глобализация как способ перехода к новому качеству в общественном развитии // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2015. Т. 21. № 1. С. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-1-5-15.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X- Y-теорию. 3 изд. М. – СПб.: Нестор-История, 2014.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Запрос на глобальный диалог (заметки с юбилейного социологического конгресса) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/5013216250029332-8.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 3–16. DOI 10.31857/5013216250022645-2.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Социология и междисциплинарные исследования: по следам одной рубрики // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 3–15. DOI: 10.31857/5013216250010672-2.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее. М.: КомКнига; URSS, 2006.
- Коломбо Э. К глобальным социальным наукам? Некоторые предварительные размышления // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 3–18. DOI: 10.31857/5013216250006658-6.
- Коммуникативные практики в современном обществе. СПб.: Скифия-принт, 2008.
- Ксенофонов В.А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2022. № 2 (263). С. 108–113.
- Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35. DOI:10.17976/jpps/2020.04.03.
- Най Дж. Уцелеет ли либеральный миропорядок? // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 2. С. 72–82.
- Национальная сила: моделирование, оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против»: материалы заседания 24 июня 2023. // Под общ. ред. Г.А. Тосуняна. М.: НППТ, 2024.
- Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Политические исследования. 2018. № 6. С. 32–46. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.03.
- Плащинский А.А. К вопросу о новом мировом порядке: подводя итоги // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. С. 19–25.
- Подгорецки Ю. Социальная коммуникация. Наука XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2. С. 157–163.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Развитие социологических исследований в СССР и задачи журнала // Социологические исследования. 1974. № 1. С. 3–11.
- Сорокин П.А. К основанию социологической секции Исторического общества при Санкт-Петербургском университете // Запросы жизни. 1912. № 8. С. 2768–2770.
- Утяшев И.Р. Роль коммуникаций в военно-политических конфликтах современности // Вестник КТУ. 2012. Т. 15. № 10. С. 427–430.
- Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980.
- Чернавский Д.С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. М.: ЛЕНАНД, 2017.
- Эллман М. Теория мировой системы. Доклад на IV Междунар. Кондратьевской конф. «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век». Москва, 15–17 мая 2001.
- Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times. L.: Verso Press, 1994.
- Bharthur S. New World Information and Communication Order and BRICS: Legacies and relevance // Global Media and China. 2018. Vol. 3. № 2. P. 113–116. DOI:10.1177/2059436418785029.
- Frank A.G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y.: Free Press, 1992.
- Milan S. Social Movements and Their Technologies: Wiring Social Change. Hampshire; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
- Modelski G. The Long Cycle of Global Politics and the Nation-state //Comparative Studies in Society and History. 1978. № 2. P. 214–235.
- The World System: Five Hundred Years or Five Thousands? / Ed. by A.G. Frank, B.K. Gills. L.; N. Y.: Routledge, 1998.
- World System History. The Social Science of Long-Term Change / Ed by R.F. Denemark at al. L.; N. Y.: Routledge, 2000.



## THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER: CHALLENGES FOR RUSSIAN SOCIAL SCIENCE

KIRDINA-CHANDLER S.G.

*Institute of Economics of RAS, Russia*

*Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Head of the Centre at the Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia (kirdina777@gmail.com).*

**Acknowledgment.** The article was prepared in accordance with the state task plan of the Institute of Economics of RAS, reg. No. 124013000799-0.

**Abstract.** Formation of a new world order is one of the most important global changes of the 21st century. Its influence affects all spheres of social life, including the development of sociology in the world and in Russia. The article examines this influence on the activities of the Russian journal "Sotsiologicheskie Issledovaniia" [Sociological Studies], which celebrates its fiftieth anniversary in 2024. The need to clarify the mission of the journal operating in the new conditions is discussed. For this purpose, the features of the new world order, in which Russia becomes part of a new emerging global pole of power, are analysed. Special attention is paid to the impact of the formation of a new world order on international communications and the resultant changes taking place, including in the field of social science. The challenges that the new world order poses to sociologists of all countries are identified, and the potential capabilities of Russian sociologists to respond to these challenges are considered. The need for new emphases in the mission of the journal "Sotsiologicheskie Issledovaniia" is defined, reflecting the values of promoting global dialogue between sociologists from different countries.

**Keywords:** new world order, global dialogue, international communication, Russian sociology, journal "Sotsiologicheskie issledovaniya".

### REFERENCES

- Akaev A.A. (2022) Nikolai Kondratiev's Epoch-Making Discoveries and their Impact on Contemporary Economic Science. *AlterEconomics*. Vol. 19. No. 1: 11–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.2. (In Russ.)
- Arrighi G. (1994) *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso Press.
- Bharthur S. (2018) New World Information and Communication Order and BRICS: Legacies and relevance. *Global Media and China*. Vol. 3. No. 2: 113–116. DOI: 10.1177/2059436418785029.
- Borokh O.N. (2019) The impact of ideology and politics upon modern economics in China. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. Vol. 63. No. 10: 30–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-30-41. (In Russ.)
- Borokh O.N., Lomanov A.V. (2020) China's path of reform under conditions of globalization. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. Vol. 64. No. 6: 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75. (In Russ.)
- Burova A.N. (2023) The role of intercultural communication in business internationalization. *Liderstvo i menedzhment* [Leadership and Management]. Vol. 10. No. 3: 887–898. DOI:10.18334/lm.10.3.118244. (In Russ.)
- Chernavsky D.S. (2017) *Synergetics and Information: Dynamic Theory of Information*. Moscow: LENNAND. (In Russ.)
- Colombo E. (2019) Towards the global social sciences? Some preliminary reflections. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–18. DOI: 10.31857/S013216250006658–6. (In Russ.)
- Communicative practices in modern society*. (2008) St. Petersburg: Skifiya-print. (In Russ.)
- Efremova K.A. (2016) Towards the New World Order: Theoretical Interpretations and Practical Implementations. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics]. Vol. 23. No. 2: 5–13. DOI:10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-5-13 (In Russ.)
- Ellman M. (2001) Theory of The World System. Paper at the IV Intern. Kondratieff Conf. "Dialogue and interaction of civilizations of East and West: Alternatives for The 21st century. Moscow, May 15–17. (In Russ.)
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2007) *Economic Synergetics*. Moscow: IE RAN (In Russ.)
- Frank A.G. (1998) *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

- Garbovskiy N. (2020) War and Communication in The Military Sphere. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda* [Bulletin of Moscow University. Ser. 22. Translation theory]. No. 2: 42–75. (In Russ.)
- Glazyev S. Yu. (2022) Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics*. Vol. 19. No. 1: 93–115. DOI:10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6. (In Russ.)
- Guba K. (2015) Editing the Soviet Sociological Journal: The Problem of Legitimacy in Soviet Sociology. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 16. No. 5: 20–45. (In Russ.)
- Haken H. (1980) *Synergetics*. Moscow: Mir. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and Development of Russia. Introduction to X-Y-theory*. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S. (2020) Sociology and Interdisciplinary Research: Skipping Pages of a Journal Section. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250010672-2. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2022) Unipolarity, multipolarity and bipolar coalitions. XXI century. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–16. DOI 10.31857/S013216250022645-2. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2023) Request For Global Dialogue (Notes From The XX World Sociological Association Congress). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8. (In Russ.)
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. (2006) *Foundations of Synergetics: A Person Constructing Himself And His Future*. Moscow: KomKniga; URSS. (In Russ.)
- Ksenofontov V.A. (2022) Mental Security of The State. *Trudy BGTU. Ser. 6. Istoriya, Filosofiya* [Proceedings of BSTU. Ser. 6. History, Philosophy]. Vol. 263. No. 2: 108–113. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. (2020) New World Order: Parameters and Possible Contours. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 24–35. DOI:10.17976/jpps/2020.04.03. (In Russ.)
- Mignolo W.D. (2009) Epistemic Disobedience, Independent Thought and Decolonial Freedom. *Theory, Culture & Society*. Vol. 26. No. 7–8: 159–181. DOI: 10.1177/0263276409349275.
- Milan S. (2013) *Social Movements and Their Technologies: Wiring Social Change*. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan.
- Modelski G. (1978) The Long Cycle of Global Politics and the Nation-state. *Comparative Studies in Society and History*. No. 2: 214–235.
- National Power: Modeling, Assessment and Practical Application. Hypothesis of Social Progress: Arguments For and Against: Materials Of The Meeting On June 24, 2023* (2024). Ed. by G.A. Tosunyan. Moscow: NPT. (In Russ.)
- Nikitin A.I. (2018) Modern World Order, Its Crisis and Prospects. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 6: 32–46. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.03. (In Russ.)
- Nye J.S. Jr. (2017) Will the Liberal World Order Survive? *Rossiya v globalnoi politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 15. No. 2: 72–82. (In Russ.)
- Plashchinsky A.A. (2017) To The Problem Of The New World Order: Summing Up. *Zhurnal Belorusskogo gosun-ta. Sociologiya* [Journal of Belarussian State University. Sociology]. No. 4: 19–25. (In Russ.)
- Podgorecki J. (2015) Social Communication: A Field of Study For The XXI Century. *Istoricheskaya i socialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Social Educational Ideas]. Vol. 7. No. 2: 157–163. (In Russ.)
- Prigogine I., Stengers I. (1986) *Order Out of Chaos. A New Dialogue Between Man and Nature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1912) To the Founding of The Sociological Section of The Historical Society at St. Petersburg University. *Zaprosy zhizni* [Questions of Life]. No. 8: 2768–2770. (In Russ.)
- The Development of Sociology in USSR and Journal Goals (1974) *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 3–11. (In Russ.)
- The World System: Five Hundred Years or Five Thousands?* (1998) Ed. by A.G. Frank, B.K. Gills. London; New York: Routledge.
- Utyashev I.R. (2012) The Role of Communications In Military-Political Conflicts of Our Time. *Vestnik KTU* [Bulletin of the Kazan Technological University]. Vol. 15. No. 10: 427–430. (In Russ.)
- World System History. The Social Science of Long-Term Change*. (2000) Ed. by R.F. Denemark at al. London; New York: Routledge.
- Zang W.-B. (1999) *Synergetic Economy. Time and Change in Nonlinear Economic Theory*. Moscow: Mir. (In Russ.)
- Zubkevich L.A. (2015) Globalization as A Way of Transition To A New Quality of Social Development. *Vestnik Permskogo un-ta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Bulletin. "Philosophy. Psychology. Sociology"]. Vol. 21. No. 1: 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-1-5-15. (In Russ.)

М.Ф. ЧЕРНЫШ

## ИДЕОЛОГИЯ ПРОТИВ УТОПИИ: СТАРЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И НОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

---

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (chernysh@fnisc.ru).

---

**Аннотация.** В современной социологии понятие идеологии имеет несколько трактовок. Для ортодоксальных марксистов идеология – это система понятий, внедряемых в общественное сознание государственным идеологическим аппаратом. Для других – это ложное сознание, отвлекающее массы от борьбы за свои права. В понимании третьих идеология является необходимым инструментом контроля над массами, обслуживающим интересы правящего класса. Памятуя о регулирующей роли идеологии в советском обществе, российские политики иногда выходят с предложением разработать работающую, объединяющую идеологию для современного российского общества. Но возможна ли такая идеология в обществах, насыщенных новыми коммуникационными технологиями? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, как формируется идейная основа современных обществ, как ее эволюция отражалась в социологической теории. Важны не просто идеи, но и то, на какой почве они произрастают и какую роль играют в их распространении ресентимент и здравый смысл. В современных обществах со свойственным им перепроизводством информации и многообразием идей идеологии со свойственными им притязаниями на системность сталкиваются с дискурсами, оперирующими расхожими короткими эмоционально нагруженными текстами, мемами и образами. Дискурсы, с легкостью комбинирующие разные элементы, становятся более эффективными в плане влияния на массовое сознание, чем обращение к устоявшимся системам идей таким, как либерализм или коммунизм.

**Ключевые слова:** идеологии • ложное сознание • социальные интересы • здравый смысл • ресентимент • культура отмены

DOI: 10.31857/50132162524060043

**Запрет идеологии и идеология запрета.** Понятие «идеология» ввел в оборот Антуан де Траси в лекции, которую он прочел в Национальном институте искусств и наук в 1796 г. [Иванова, 2013]. Новое понятие определялось как «наука об идеях», ключевую роль в которых занимала идея преобразования общества в духе Просвещения. Бонапарт, поначалу благосклонно принявший мысли «идеологов», укрепив свою власть, переменял точку зрения. С его точки зрения идеология сводилась к углублению в метафизику, в отвлеченные понятия, не имевшие практической пользы, а иногда и вредные. Первоначальная двойственность в понимании идеологии отразилась на всей истории этого понятия и отношении к тем идейным конструктам, которые им подразумевались.

Данное понятие имеет общий корень с рядом важных для общественной мысли понятий – «идея», «идейность», «идеал». Оно, как и родственные ему понятия, отсылает к области общественного сознания в разных его формах. В советской общественной науке идеология определялась как система взглядов, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на «закрепление или изменение (развитие) данных обществ, отношений»<sup>1</sup>. Столь рыхлое опре-

---

<sup>1</sup> С. 39. Большая Советская Энциклопедия. т. 10 / Под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд., М.: Советская энциклопедия, 1972.

деление нуждалось в детализации, и она последовала в комментариях, которые сужали его «матрешечно» в той нише, которая определялась государственным интересом – дефиниция понятия усыхала под прессом самой господствующей доктрины. Идеология, утверждала статья, всегда в классовом обществе носит классовый характер, «отражая положение данного класса, классовые интересы»<sup>2</sup>. И здесь неизбежно, если читать определение буквально, обнаруживает себя противоречие. Если идеология – продукт классового общества, то логично предположить, что в каждом обществе (общества неклассовые – это проект, а не реальность) существуют несколько идеологий, а внутри каждой из них, вровень с гетерогенностью, свойственной классам, живут, соприкасаясь, обогащая друг друга или конкурируя, несколько идеологий, дружественных или недружественных друг другу. Если следовать этой схеме, то логично допустить, что и в советском обществе циркулировало не менее двух идеологий, а возможно, и больше. Ясно, что подобные рассуждения в советское время не приветствовались, подвергались вытеснению в область сумеречных спекуляций, которые были возможны в узком кругу и только за границей официоза.

Для советского идеологического аппарата плюрализм в идейной сфере был опасен уже тем, что открывал ящик Пандоры по отношению к процессу принятия решений, выбранному курсу, прошлому и настоящему. В условиях однопартийной системы идейная разногласица рассматривалась как угроза сакральным, не подлежащим пересмотру или критике основаниям советского строя. Вопреки энциклопедической дефиниции, советская идеология была не столько отражением классовой структуры (иначе пришлось бы признать право на идеологию за крестьянством), сколько идейным обоснованием решений, принимаемых властью. У идеологии при этом была не только сервильная функция, но и функция становиться самосбывающейся реальностью по отношению к образу жизни и жизненным возможностям советских граждан. Она поощряла стирание социальных различий, не только сдерживала потребительские аппетиты наиболее благополучных граждан, но и ограничивала глубину падения тех, кто по факту рождения или в силу обстоятельств оказывался в неблагоприятных условиях. Идеологией оправдывалось принуждение, причем не только во зло, не только по отношению к свободной мысли, но и по отношению к пороку – алкоголизму, наркомании, преступной деятельности, в особенности той, что могла причинить ущерб всеобщему благу. В каком-то смысле идеология подменила собой этику, претендуя на роль нормативной основы межличностных отношений.

Отмена социалистической идеологии в той форме, в которой это произошло в конце 1980-х – начале 1990-х гг., имела в обществе раскрепощающий эффект, раздвинула границы возможного, вывела в публичную сферу запретные топики о состоянии общества и его неблагоприятной перспективе. Но эта вновь обретаемая свобода мысли обернулась в короткие сроки и рядом непреднамеренных последствий в области этического, касающихся напрямую общественных норм и поведенческих практик. Если Бога нет, то все позволено, предрекал Достоевский. Если коммунизм признавался невозможной утопией, то все, что истекало из нее, все моральные кодексы, идеи равенства, товарищества и служения человечеству становились продуктом неоправданной мечтательности, пустоцветом, неспособным приносить искомые плоды ни в этом мире, ни за его пределом. В исследованиях, которые проводил Г.С. Батыгин в начале 1990-х гг., верхние строчки в иерархии молодежных предпочтений заняли профессии валютной проститутки и киллера [Батыгин и др., 1999]. Тогда это казалось почти естественным потому, что главными целям в обществе стали «сенсатные» достижения, все то, что могло кратчайшей дорогой привести к богатству и самостоятельности.

Здесь не обойти вниманием важный вопрос: а были ли в советском обществе идейные альтернативы, способные занять освободившееся место в общественном сознании? Если взять за основу «энциклопедическое» определение идеологии как широкого круга

<sup>2</sup> Там же.

любых идей и оценок, то, разумеется, были. В советском обществе не была изжита, несмотря на все титанические усилия, религия, около одной десятой граждан объявляли себя верующими. На периферии общественного сознания вызревали националистические идеи, которые впоследствии помогли правящим элитам обосновать разделение страны и дискриминацию образовавшихся вследствие распада национальных меньшинств. Имели относительно широкое распространение «западнические, либеральные идеи», отвергавшие социалистический проект не в какой-то его части, а полностью, как ложный, ошибочный, приведший к неисчислимым жертвам и страданиям рядовых граждан. В той или иной форме в советском обществе жили консервативные идеи, которые приняли форму защиты русской традиции, сохраняющейся в деревнях. Российских писателей-деревенщиков крайне сложно было отнести к числу лояльных сторонников ортодоксального марксизма. В их произведениях социалистический проект модерна отождествлялся не только с потерей природной среды обитания русских людей, но и утратой русским обществом его подлинной исторической идентичности.

**Классические трактовки идеологии.** Советская общественная наука утверждала, что опирается на марксистскую трактовку идеологии, но парадокс заключается в том, что в работах Маркса понятие идеологии, как, кстати говоря, и многие другие реперные понятия, не имеет четкого определения. Одной из наиболее известных работ классика, в которой это понятие находит применение, является «Немецкая идеология». О том, как писалась эта работа, известно немного. Советский философ Т. Ойзерман предположил, что в ней было заложено два основных идейных вектора [Ойзерман, 1974: 144]. Первый был обращен против ложного сознания, призванного сеять в обществе заблуждения относительно его устройства: «Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственного физического процесса их жизни» [Маркс, Энгельс, 1955: 25]. Второй вектор был направлен на изложение концептуальной схемы развития, делающей в конечном итоге неизбежной победу социализма. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями имеют проекцию в общественной жизни, трансформируясь в классовый конфликт, а также, по логике вещей, в конфликт идей. Можно ли определить теорию развития, изложенную Марксом в его работе, как самостоятельную, «неложную», с его точки зрения, идеологию? Сама упомянутая работа такой возможности не допускает. Если идеология – «ложное» сознание, то противостоит ему не другая идеология, а истина, открывающая действительное положение дел. Понятие «идеологии» в положительном ключе стал использовать В.И. Ленин, настаивавший, что идеология – один из инструментов борьбы за освобождение и, как всякий инструмент, должна быть заточена под решение конкретных политических задач [Ленин, 1963: 4]. Отличие марксистской идеологии, считал он, в том, что она имеет научный характер, исходит из истинных знаний, а не ложных постулатов об окружающем мире. Борясь за победу, пролетариат должен разоблачать идеологии своих противников и, таким образом, приближать свою победу. Однако, оказавшись «пленицей» классовых интересов, идеология потеряла объективное содержание. Даже правильная в классовом отношении идеология становилась кривым зеркалом, подчеркивавшим значение одних элементов действительности в ущерб другим. Гегемония одной идеологии неминуемо вела к цензуре; сохранить ее как целостное, пусть даже неточное восприятие мира, можно было только убрав из обозреваемой области все то, что ей противоречило.

Из сказанного выше нетрудно сделать вывод, что первоначально отношение революционеров к идеологии было по меньшей мере амбивалентным. Идеологией именовались разные комбинации идей и ценностей, конечной целью которых были либо обоснование существующего положения дел, либо оправдание деятельности, направленной на его разрушение. В этом контексте идеология, независимо от признания ее содержимого истинным или ложным, становилась, прежде всего, политическим оружием, то есть

инструментом борьбы за власть и устойчивый контроль над обществом. В советском контексте это понимание нашло отражение в понятиях «идеологической борьбы» или «идеологического фронта», для которого был создан специальный аппарат и готовились квалифицированные кадры.

**Антонио Грамши: новый шаг в понимании идеологии.** Антонио Грамши, один из наиболее проницательных наблюдателей современности, наблюдавший не только фиаско европейских социалистических движений, но и подъем фашистской диктатуры, пришел к выводу, что развитие информационных технологий принципиально меняет возможности правящего класса влиять на массовое сознание [Грамши, 1991]. Грамши полагал, что экономика безусловно важна потому, что формирует почву, на которой расцветают разнообразные идеи и разные способы понимания мира. Однако влияние экономики на общественное сознание имеет ризомную природу: на одной и той же почве в одних и тех же климатических условиях могут произрастать разные растения, дающие разные плоды. И здесь многое зависит от не столько от «объективных» обстоятельств, сколько от иных факторов и, в частности, от культуры, которая, считал Грамши, обладает известной независимостью от экономики и, более того, может оказывать на нее серьезное влияние. Разве возделываемые угодья не меняют климат, не вносят изменений в состав почвы? Аналогия с земледелием помогает понять и принять тот факт, что плоды деятельности людей, их идеи сами могут влиять на экономику, которая нестабильна и может меняться в широких пределах. С точки зрения Грамши, экономика, культура и общественное сознание в его текущем состоянии формируют то, что можно охарактеризовать как «исторический блок» – совокупность зависимостей разных областей социальной жизни, формирующих ее основу.

В текущих обстоятельствах – а речь в работах Грамши шла о европейских странах предвоенной Европы – правящий класс получил в свое распоряжение средства влияния, охват которых намного больше, чем возможности любого другого медиа предшествующей эпохи. Серьезные изменения коснулись и содержания информационных потоков, в которых на первый план выводились не социальные, а индивидуальные интересы и выгода. Усилилось влияние «ложных» идей, таких как национализм, которые обладали и обладают огромной мобилизующей силой. Вкупе информационные продукты правящего класса, формирующие основы интересов, вкусов, предпочтений и социальных практик, Грамши предложил именовать не просто «идеологией», а «гегемоническим проектом». Сверхидея такого проекта заключена в сохранении существующей капиталистической системы любыми средствами. Для его реализации возможны и активно используются не только государственная пропаганда, но и якобы свободные СМИ, которые на самом деле тысячами нитей, экономических и социальных, связаны с правящим классом и заинтересованы в его поддержке. Процесс расколдовывания ложных оснований гегемонического проекта затруднен тем, что в него активно интегрированы, хотя и выборочно, историческое сознание, народные традиции, психокомплексы, обусловленные историческим опытом. «Проект» устроен таким образом, что каждый гражданин, независимо от его/ее классовой принадлежности, легко отыскивает в нем комфортную нишу и устраивающие интерпретации событий. Во главу угла ставится идея индивидуальной судьбы, разведенной с судьбами других людей. Рядом, не противореча ей, провозглашается идея единения на национальной, расовой или исторической почве, говорящая об избранности и превосходстве одного этноса над остальным населением. Настоящие цели, которые преследует проект, заключаются в атомизации общества в одном случае, запугивании – в другом, мобилизации во имя движения к ложному идеалу – в третьем. Грамши пришел к выводу, что гегемоническим проектом, представленным разнородной эклектикой, пользуется не только крупная или мелкая буржуазия, но и рабочий класс, а также крестьянство. Именно этим влиянием объясняется поддержка, которую массовые слои населения оказали фашистским и протофашистским организациям в тридцатые годы прошлого столетия. Ни Муссолини, ни Гитлер не пришли бы к власти и не удержали бы ее, если бы им не удалось мобилизовать в свою

поддержку значительную часть населения. Сделать это удалось благодаря всепроникающей националистической идеологии, канализирующей недовольство населения против тех этнических меньшинств, которых власть объявила врагами.

Что же способно противостоять ложному сознанию? Наряду с теми идеями, которые сеют средства массовой информации, в рядах угнетаемых масс населения возникает то, что можно определить как «философия практики» – идеи, навеваемые трудовой жизнью и ее повседневными обстоятельствами. Речь идет о том, что именуется «здоровым смыслом», – о совокупности идей, необходимых для выживания, имеющих широкое хождение в народной массе. Отделять здоровый смысл от идеологии вряд ли возможно потому, что в здоровый смысл вплетены неявным образом элементы культурного базиса, сформированный многолетним опытом. «Здоровый смысл» – это общественный разум, изучением которого занимались социологи и психологи от Бурдьё до Канемана и Тверски [Kahneman, Tversky, 2004: 203–221]. Если само рутинное действие невозможно квалифицировать как идеологию, то внутренний диалог по поводу его протекания вполне может рассматриваться как идеология, понимаемая предельно широко, как любые мысли, возникающие по поводу социальной среды, условий жизни и жизненных возможностей. Последнее понятие, предложенное Максом Вебером и подробно разработанное Дарендорфом, оказывается тем звеном логической цепи, которая связывает между собой практику в ее рутинной форме и рефлексию, формирующую мировоззрение [Dahrendorf, 1979]. Канеман и Тверски убедительно показали, что любому действию предшествует оценивание, и оно же его закрывает, пусть и промежуточно. Сама процедура соотносится с нормативным порядком, то есть в ней присутствует неявным образом тот социальный мир, в пределах которого действие совершается. А если это так, то есть все основания признать это оценивание не только частью существующего социального порядка, но и тем, что противостоит некоторым из тех общих идей, которые производятся идеологической машиной правящего класса. Многоумные рассуждения экономистов об инфляции разбиваются об опыт рядового гражданина, ежедневно фиксирующего рост цен, который выше официально объявленных цифр. Общие показатели экономического роста или безработицы проверяются не другими источниками, а собственным индивидуальным опытом: если предприятия закрываются, а работники оказываются на улице, то не имеет смысла убеждать их в том, что экономика растет, а безработица сокращается. В борьбе «пропаганды» и «холодильника» пропаганда торжествует только в той части, которая не касается повседневных практик труда и потребления, включая практики пользования социальными услугами.

**Идеология и ресентимент.** Расхождение между пропагандой и опытом создает базу для критического мышления, для нарастающего ресентимента. Последний вряд ли может быть охарактеризован как идея или совокупность идей. Речь идет об эмоции, о ненависти, которую испытывает человек, осознающий, что стал жертвой несправедливости. В «Генеалогии морали» Ницше воспроизводит социальный климат, в котором возникает скрытый протест: «В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит Нет “внешнему”, “иному”, “несобственному”»: это Нет и оказывается ее творческим деянием. Этот поворот оценивающего взгляда – это необходимое обращение вовне, вместо обращения к самому себе – как раз и принадлежит к *ressentiment*: мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, – ее акция в корне является реакцией» [Ницше, 2015: 10]. В этой циничной трактовке ресентимент возникает в случаях, когда его субъект не имеет возможности креативного самоутверждения, а подчиненное состояние не позволяет заявить свой протест публично. Внешнее становится причиной внутренней фрустрации, находящий выход в раздраженных реакциях непрямого действия. Для Ницше ресентимент – это вытесненная ненависть, месть бессильного, отношение простолюдина к господину, который не удостаивает его

внимания, а если все-таки замечает, то испытывает помесь презрения и сочувствия. Шелер развил понятие ресентимента, характеризуя условия, в которых он рождается, и его влияние на массовое сознание. Он полагал, что приводимую Ницше аппозицию Раба и Господина следует рассматривать как одну из многих структурных ситуаций, в которых возможно его возникновение. К ней, как к ни одной другой ситуации, подходит описание в духе единства и борьбы противоположностей. И действительно, если Господин может быть таковым только по отношению к Рабу, то и Раб обретает свое место в структуре по отношению к Господину. Эти отношения ни в коем случае нельзя рассматривать как статичные, как то, что закреплено самой природой и дано навечно. По-видимому, именно так хотелось бы видеть эти отношения Господину, но неоднократно доказывалось, что в исторической перспективе подобные надежды тщетны. Однако эмансипация невозможна, если Раб не ощутит необходимость отвоевывать для себя социальное пространство, не осознает себя достойным лучшей жизни. Иными словами, сами структурные условия, в которых находятся обе стороны аппозиции, рождают предпосылки как для идеологии превосходства, так и для идеологии равенства и свободы. Правящий класс, Господин в буржуазном обществе, пропагандирует идеологию превосходства, неравенства, конкуренции, индивидуализма. Его оппонент, класс угнетенных, напротив, движим социальным инстинктом, приветствует идеи равенства и моральное осуждение несправедливости в разных ее формах.

Шелер полагал, что ресентимент возникает как реакция на любые формы неравенства, но реакция молчаливая, отложенная, формирующая устойчивое неприятие тех, кто рассматривается как субъект неравенства и его бенефициар [Шелер, 1999]. Он возникает тогда, когда в обществе нормой становится равенство – экономическое, политическое, а в конечном итоге и социальное. Ресентимента не было или он был в малой степени в тех обществах, где неравенство считалось легитимным, освящаемым трансцендентной силой, объявляющей каждого человека достойным его судьбы и текущего социального положения. Таково было отношение к неравенству в сословном обществе, где одним было суждено иметь привилегии, а другим предназначалось трудиться во имя и благо сословной элиты. Именно так рассматривалась кастовая структура в Индии, где каждому от рождения высшей силой определялось место в социальной структуре, а по ходу дела еще и профессия. Мастера, создававшие и восстанавливавшие мраморные стены Тадж-Махала, имели короткий жизненный век, но никто из них не задавался вопросом, почему они с малых лет должны осваивать искусство каменотеса, дышать мраморной пылью, работать, не покладая рук, в том время как высшие касты проводят время в праздности и наслаждении жизнью. По мере того как идея равенства получала распространение, усиливалось социальное напряжение по поводу неравенства. Возникла не только зависть по отношению к тем, кто более благополучен в материальном отношении или тем, у кого больше прав, но жажда отмщения, побуждающая к поиску виновного: «Максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где, как у нас, почти равные политические права и соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие соседствуют с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т.е. в таком обществе, где каждый имеет сравнивать себя с каждым и не может сравниться реально. Здесь совершенно независимо от индивидуальных характеров и переживаний в самой структуре социальности заложен мощный заряд ресентимента, с которым обществу придется считаться» [Шелер, 1999: 21].

Итак, если резюмировать, ресентимент как явление социальное – это продукт современности в обществе, которые институционально закрепляют равенство граждан перед законом и социальные права. В этом контексте обрела легитимность идея социальной конкуренции, а вместе с ней и идея социальной справедливости как оценивания условий конкуренции и ее возможного исхода. В обществах, где явно или скрытно закреплены преимущества одних граждан над другими, ресентимент становится не только



феноменом общественного сознания, но и основой для программ общественной мобилизации, ориентированной на ослабление социального порядка. Кроме того, полагал Шелер, со временем ресентимент становится для некоторой части населения и некоторых политиков удобной позицией, позволяющей подвергать критике социальный порядок, избегая при этом действий, направленных на его изменение, и сопутствующих этому рисков. Если в идеологии, которую навязывает «гегемонический проект», вечными устоями социального порядка объявляются неравенство и социальная конкуренция, то в его критике с позиций ресентимента зеркальным образом отражается бессилие и пассивность, признающая неколебимость несправедливого общественного устройства и невозможность его изменения: «О многих наших политических партиях можно сказать, что нельзя раздосадовать их сильнее, чем осуществив их программные требования или помешав им гордиться собственным “Принципиальным оппозиционерством” путем привлечения к позитивному сотрудничеству в практической государственной работе. “Ресентиментную критику” отличает как раз то, что на самом деле она вовсе не “желает” того, что выдает за желаемое; она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог, чтобы высказаться» [Шелер, 1999: 23]. И добавим для того, чтобы укрепить свои позиции в обществе, предъявляя ему не столько действенную, позитивную программу, сколько программу обличения правящей элиты и ее порочных практик. В этой среде расцветает популизм – инструментальное обличение существующих порядков, но лишь в той части, которая не меняет сущности социального устройства и, прежде всего, отношений распределения. Нет ничего удивительного в том, что, оказавшись, иногда неожиданно для нее самой, победителем в политическом противостоянии, новая элита воспроизводит с удивительной точностью практики, за которые она клеймила своих оппонентов.

Два мотивационных комплекса, сопровождающих ресентимент, – это стремление к мести, воздаянию за пережитое унижение, и отчуждение, нежелание делиться с теми, кто обладает деньгами и властью, несет ответственность за происходящее. В общественном сознании возникает раскол по принципу «они и мы», освобождающий массу от необходимости участвовать в больших проектах, развертываемых властью. При этом неудачи элит часто вызывают в обществе, особенно в его низах, реакцию в духе *Schadenfreude*, перверсивное злорадство по поводу неудач и несчастий тех, кто посчитал себя Господином и победителем в социальной конкуренции. В той социальной среде, где закрепились идеи ресентимента, могут искать и находить политическую поддержку силы, стремящиеся расколдовать «гегемонический проект» и добиться изменения социального порядка. Контридеология, направленная на восстановление справедливости, и политическая программа, в которой справедливость заявлена как вектор грядущих изменений, имеют, с его точки зрения, надежду на успех в ближайшей или более отдаленной перспективе. Грамши видел в подобных настроениях тот фундамент, на котором можно и должно строить альтернативную идеологию сопротивления, способную разрушить идейное и фактическое господство правящего класса. Но можно ли считать ресентимент, подразумевающий жажду мести или отчуждение, идеологией в традиционном понимании этого слова? С точки зрения Грамши и тех, кто продолжил исследование идеологии в XX в., ответ на этот вопрос может быть только утвердительным. В потребительском обществе, предельно насыщенном информацией в разных ее формах, идеологии создают самые разные субъекты, реализуя с их помощью свои интересы. Ги Дебор определял идеологию в новой ситуации как разнообразные комбинации идей или образов, которые адресованы не столько интеллекту, сколько чувствам и переживаниям целевой группы [Ги Дебор, 2000]. Не только государственный аппарат, но и политические партии, движения, крупные корпорации производят идеологии, которые ставят перед собой инструментальные цели разного уровня. Это новое качество коммуникативной проницаемости и мобилизации *ad hoc* создало предпосылки удивительного феномена – возрождения идеологий, попирающих принципы универсализма – крепости, сохранявшей социальный порядок, построенный на идеях Просвещения.

**Аскриптивизация идеологических конструктов.** Анализируя состояние позднего модерна, аргентинский философ и социолог Эрнесто Лакло предположил, что идеология в старом ее понимании как один из факторов структуризации общественной жизни потеряла свою актуальность в теоретическом и практическом смысле [Laclau, 2014: 16]. Оборот идейной продукции настолько расширился и ускорился, что субъектами идеологического конструирования стали не только конкретные центры и «фабрики мысли», но и креативные группы, формируемые горизонтально вокруг одной или нескольких циркулирующих в массовом сознании идей. Новые идеологии стали похожи на продукты «фетишистского» сознания, поставившего в центр одну сверхидею и поместившего ее в мир образов, подменяющих собой развернутую аргументацию. По форме и содержанию они стали ближе к постмодернистскому понятию дискурса, не имеющего законченности и не претендующего на тотальность. «Зеленая» идеология, к примеру, не предлагает новой утопии, миллениарного века счастья и гармонии; во главу угла поставлена идея энергосбережения и сокращения выбросов углекислого газа без всякой детализации и обсуждения возможных последствий. В сумеречной зоне «зеленого проекта» остаются расширенные потребительские практики современного мира, которые являются сутью современной капиталистической экономики. Без ответа на эти вопросы «зеленая» повестка сводится к еще одной модной «имиджевой» конструкции, мобилизующей общественное мнение в странах золотого миллиарда, но не слишком убедительной для тех, кто живет в небогатых странах, в которые и переносятся так называемые грязные углеродные технологии. Потеряна стройность и притязание на научность, но остались мифы как мимолетные конструкты, производимые образованным классом. Новые идеологии берут на вооружение языковые игры и образы, отсылающие к универсальным моральным принципам, но универсальность задана как внешняя референция, легитимирующая миф во вполне конкретной среде и конкретном времени.

За последние три десятилетия идеологические конструкты в той части, которую формирует критическая аргументация, выводят на первый план аскриптивные, то есть приписанные, заданные от рождения признаки. Это, казалось бы, противоречит европейской традиции, а особенно левым идеологиям, подчеркивавшим в прошлом приверженность идеям всеобщего освобождения. На долгие годы левая программа преобразований общества исходила из признания любых социальных признаков преходящими, а идею освобождения объединяющей. Однако в настоящее время именно левые движения ставят в повестку дня идеи, которые по сути ведут к эксклюзии и консервации социальных различий. Не без иронии российский социолог Л. Ионин замечает, что в число меньшинств, якобы репресслируемых современным обществом, угодили и женщины, которые во всех странах составляют большинство [Ионин, 2012]. Современные идеологии эмансипации уже не говорят о необходимости всеобщего равенства и общей для всех свободы. Борьбу планируется вести, прежде всего, за права субалтернов, включающих в себя сексуальные меньшинства, инвалидов и мигрантов, социальные группы, выделяемые по признакам расы или национальности. Возможны несколько объяснений склонности современных политических движений к аскриптивным идеологиям. Во-первых, почву для этого поворота подготовили постмодернистские философия и социология, решительно отвергавшие саму возможность метатеоретизирования. Предлагалось любые гранд-теории рассматривать как оправдание тотальных социальных практик, прокладываемых в конечном счете дорожку к Освенциму. Во-вторых, сыграла свою роль глобализация, приведшая к ослаблению национальных государств, а в ряде случаев упразднению реальных границ между ними. Во многих странах эта тенденция нарушила консенсус между большинством и национальными меньшинствами, подтолкнула последних к выдвижению новых притязаний на самостоятельность, самоопределение и компенсации за прошлые страдания. И, в-третьих, новым «освободительным» идеологиям выказали благоволение и поддержку транснациональные корпорации, считающих их, надо полагать, меньшим злом, чем глобальные движения, ищущие социальной справедливости. В мире новых идеологий оказались

возможными суждения, которые ранее находились на периферии общественной мысли и оценивались в обществах как экстремистские. Макольм Икс, борец за гражданские права чернокожих в США, не скрывал расистских взглядов по отношению к белым согражданам. Однако его крайние суждения не имели поддержки в обществе и даже в среде чернокожих. Невозможны ранее были судебные процессы, в ходе которых обвиняемых приговаривали по наговору случайных лиц к длительным срокам за недоказанные деяния, якобы совершенные десятки лет назад.

Ренессанс аскриптивных средневековых идеологий сделал возможной культуру отмены и массовую русофобию, с которой столкнулись граждане России после начала специальной военной операции. В европейских странах объектом ненависти и отмены стало не только руководство России, принявшее решение о начале СВО, но и все россияне, все русские по факту их гражданской или национальной принадлежности. Такое невозможно было представить даже в разгар «холодной» войны, когда при всей враждебности, политической и военной напряженности, разделявшей СССР и западные страны, советские граждане рассматривались уважительно, как люди, имеющие право на собственную точку зрения или, в худшем случае, как «жертвы коммунистической диктатуры». Невозможным с политической и культурной точки зрения было отчуждение русской культуры и ее классических образцов, объявление врагами свободы и империалистами Пушкина, Толстого и Чайковского. Идеологии постмодернистской эпохи внеисторичны, текущие представления о норме они объявляют вневременным Абсолютом и достаточным основанием для отмены явлений культуры, которые им не соответствуют. Неудивительно, что в этой рамке осуждению и отмене подвергаются даже признанные в прошлом борцы за свободу и демократию, лидеры свободного мира и революционного движения только потому, что они в чем-то расходились с новой идеологической догмой. Нет ничего удивительного в том, что новые радикальные идеологии вызывают в обществах иммунный ответ, причем в разных формах, включая возрождение консерватизма, правых движений, популизма или апатии.

**Идеология или дискурс?** В период перестройки идеология марксизма лишилась статуса непререкаемой, сакральной истины. Признавалось, что догматическая идеология создала предпосылки массовых репрессий, деления общества на «своих» и «чужих», правых и неправых притом, что «несвоим» и «неправым» была заведомо уготована печальная судьба. Из советского опыта следовало, что государственная идеология не может быть инструментом прямого политического действия, сообщающего оправдания и смыслы карательным органам. Именно это понимание привело к тому, что в Конституции России появился пункт о недопустимости одной идеологии, обязательной для всего общества. В прошлом существование государственных идеологий было возможно благодаря тотальной закрытости общества и возможности контролировать любые потоки информации, исходящие из внешних источников. Однако даже такая схема не избавляла от необходимости цензурирования *post factum*, редактирования прошлого и тех идейных альтернатив, которые оно предлагало в самых разных формах – в форме литературы, живописи, журналистики и даже в форме архитектуры. Используя методологию, предложенную Адорно, легко представить, как в советское время общественное сознание открывалось внешним влияниям. Зарубежное кино представляло иной образ жизни, иные идеи в игровой, непринужденной, необязательной, казалось бы, форме. З. Кракауэр полагал, что кино, даже вопреки желанию создателя, способно открывать физические реалии окружающего мира, его атрибуты, сопоставляемые с тем миром физических объектов и явлений, которые окружают зрителя [Кракауэр, 1974]. Кино – один из каналов идейного влияния уже потому, что любой фильм подразумевает, во-первых, череду образов, присоединяемых к повседневному опыту и становящихся его частью, а во-вторых, неявный диалог со зрителем по ключевым вопросам морали и нравственности. Появление радио, а затем и так называемых радиоголосов отменило безальтернативность официальной информации. Развитие копировальных, печатных и видеотехнологий в конце XX в. окончательно похоронило надежды на тотальное идейное доминирование. Не менее значимым

явлением общественной жизни стало развитие сетевых технологий. В информационном, охваченном сетями обществе тяжеловесные идейные конструкции имеют ограниченное применение, популярнее летучие идейные продукты, включающие в себя языковые мемы и визуальные образы. Учитывая это, можно говорить о конце идеологий в старом смысле этого слова и появлении новых конструкций, подгоняемых под конкретные контексты, реинтерпретирующих факты с тем, чтобы оставалась возможность обоснованного политического действия. Речь фактически идет о замене идеологий дискурсами, состоящими из коротких текстов, имеющих моральное содержание, статичных образов, клипов и блогов, соединяющих все из названных компонентов в единое целое. Дискурсы, как и идеологии в прошлом, направлены на формирование общественных настроений, пусть даже не в обществе в целом, а в одной из важных социальных групп, обладающих прямым или косвенным влиянием на власть. В этих дискурсах ключевые смыслы задаются такими понятиями, как «счастье», «вера», «справедливость», «истина». К ним присоединяются, сливаясь в единые психокомплексы, такие понятия, как «свобода», «демократия», «суверенитет», «родина». Смысловая канва дискурса формируется, как и предсказывал К. Маннгейм, интеллигенцией или, в иной трактовке, образованным классом [Маннгейм, 1994]. Однако, в отличие от прошлых времен, ею создается не очередная утопия, а поддерживается процесс, содержание которого может варьироваться со временем. В этих обстоятельствах тяжеловесным идеологическим доктринам не осталось свободного места в общественном сознании, или оно настолько мало и статично, что обречено проигрывать в бесконечной игре сменяющих друг друга идейных конструкций. Эпоха идейных дискурсов рождает новые возможности спонтанных объединений и социальных движений, но при этом насыщена фактами циничной манипуляции общественными настроениями, попытками мобилизации масс для решения кратковременных прагматических задач. Потребуется время, чтобы современное общество научилось справляться с вызовами новых идеологий, находить адекватные решения существующих конфликтов и противоречий в духе диалога и сотрудничества.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С. Мкртчян Г.М. и др. Динамика неравенства: Российская молодежь в меняющемся обществе: Ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991.
- Дебор Ги. Общество спектакля. Комментарий к обществу спектакля. М.: Логос, 2000.
- Иванова А.С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. № 8. 2013. С. 146–149.
- Ионин Л. Восстание меньшинств. М.-СПб.: Универ. книга, 2012.
- Кракауэр Э. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М.: Искусство, 1974.
- Ленин В.И. Что делать? // ПСС. Изд. 5. Т. 6. М.: Политиздат, 1963.
- Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955.
- Ницше Ф. Генеалогия морали. М.: Азбука классика, 2015.
- Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М.: Мысль, 1974.
- Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М.: Наука, 1999.
- Dahrendorf R. Life Chances. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
- Kahneman D., Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Preferences, Beliefs and Similarity. Selected Writings / Ed. by E. Sharif. Cambridge. Massachusetts: MIT, 2004.
- Laclau E. The Rhetorical Foundations of Society. L.: Verso, 2014.

Статья поступила: 18.03.24. Финальная версия: 26.05.24. Принята к публикации: 29.06.24.

## IDEOLOGY VS UTOPIA: OLD CONTRADICTIONS AND NEW CONFLICTS IN MODERN SOCIETIES

CHERNYSH M.F.

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Russia*

*Mikhail F. CHERNYSH, Corresponding Member of the RAS, director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia (chernysh@fnisc.ru).*

**Abstract.** Modern sociology offers several interpretations for the concept of ideology. For orthodox Marxist thinkers, ideology is a system of concepts introduced into public consciousness by the state ideological apparatus. For others it is a false consciousness that drives the masses away from the struggle for their rights. Still another interpretation implies that ideology is an instrument necessary to control the masses in the interests of the ruling class. Recalling the regulatory role of ideology in the Soviet society, some Russian politicians propose to work out an effective unifying ideology for modern Russian society. But is such ideology possible in societies permeated by new communicative technologies? To answer this question, it is necessary to understand the mental basis of modern societies and the reflection of its evolution in sociological theory. It is not only the ideas that matter, but the environment into which they are planted. The environment is governed by common sense and resentment. In modern societies characterized by the overproduction of information and ideas, variegating ideologies with a claim to systemic, holistic understanding of reality run against continuous discourses operating short emotionally loaded texts, memes and imagery. The discourse has a capability to easily toss various elements making out of them more effective tools to impact mass consciousness. They dispose of more mobilizing power than traditional systemic ideologies such as liberalism or communism.

**Keywords:** ideologies, false consciousness, social interests, common sense, resentment, cancel culture.

### REFERENCES

- Batygin G.S., Mkrтчian G.M. et al. (1999) *Dynamics of Inequality: Russian Youth in a Changing Society: Orientations and roads in education (from the 1960s to 2000)*. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Dahrendorf R. (1979) *Life Chances*. Chicago: University of Chicago Press.
- Debord G. (2000) *La Societe du Spectacle. Comments of the Society of Spectacle*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Gramsci A. (1991) *Prison Notes*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Ionin L. (2012) *The Revolt of Minorities*. Moscow-St. Petersburg: VSHE. (In Russ.)
- Ivanova A.S. (2013) The Beginnings of "Ideology": *Antoine Destut de Tracy and his "Science of Ideas" Vo-prosi filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 8: 146–149. (In Russ.)
- Kahneman D., Tversky A. (2004) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. In: *Preferences, Beliefs and Similarity. Selected Writings*. Ed. by E. Sharif. Cambridge. Massachusetts: MIT.
- Kracauer Z. (1974) *Theory of Film. The Redemption of Physical Reality*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
- Laclau E. (2014) *The Rhetorical Foundations of Society*. London: Verso.
- Lenin V.I. (1963) What is to be done? In: *Collected works*. Moscow: Politizdat. 5<sup>th</sup> ed. Vol. 6. (In Russ.)
- Mannheim K. (1994) *The Diagnosis of our Time*. Moscow: Jurist. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955) The German Ideology. In: *Collected works*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow: Politizdat. Vol. 3. (In Russ.)
- Nietzsche F. (2015) *Genealogy of Morals*. Moscow: Azbuka Klassiki. (In Russ.)
- Oizerman T.I. (1974) *The Birth of the Philosophy of Marxism*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Scheler M. (1999) *Ressentiment in the Structure of Morals*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Received: 18.03.24. Final version: 26.05.24. Accepted: 29.06.24.

## **РАСКОЛДОВЫВАНИЕ ЗАПАДНОГО МЕЙНСТРИМА**

---

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич – доктор политических наук, директор Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (martianov@instlaw.uran.ru)

---

**Аннотация.** Изменение глобальной социальной онтологии влечет за собой неизбежную трансформацию нормативной модели самоописания современного общества (общества модерна) в социальных науках. В условиях достижения разнообразных пределов роста (емкость глобальных рынков, демография, экология, массовая занятость и т.д.) актуализируется поиск и легитимация альтернативных социальных иерархий и принципов распределения ресурсов, которые осложняются стагнацией ресурсной базы человечества и присвоением интеллектуальных рент и инфраструктурных (технологических, военных, экономических) преимуществ разрывающимся меньшинством. Эти фоновые тенденции ведут к а) неизбежной трансформации доминирующих представлений о том, что является социальной, экономической, политической нормой, и б) критической рецепции нормативных самоописаний западных обществ, которые в силу безусловного доминирования Запада представлялись как идеал общественного устройства для всех остальных. Альтернативой западному мейнстриму все чаще становятся понятия и концепции, описывающие будущее вне идеологически нагруженных и все менее релевантных моделей либеральных демократий и саморегулируемых рынков, которые противоречиво и весьма ограничено были реализованы в исторической практике самих западных обществ. Глобальная дискуссия об универсальных социальных нормах обусловлена социально-политическим и экономическим контекстом, повсеместно фиксирующим для большинства граждан неравенства и несправедливости де-факто олигопольных рынков и элитарных демократий, с различной интенсивностью охватывающих все современные общества. Расколдовывание (М. Вебер) нарратива либерально-рыночных демократий подтверждается усилением национализма, протекционизма, популизма, повсеместным сжатием социального государства и восстаниями меньшинств, в том числе в странах Запада, обнаруживая все большее расхождение социальной теории, идеологии и онтологии в обосновании конца истории, оказавшегося не новым, постзападным поворотом.

**Ключевые слова:** альтернатива • европоцентризм • Запад • конец истории • легитимация • Модерн • мейнстрим • нарратив • современность • социальные науки

DOI: 10.31857/S0132162524060058

**Долгосрочное ослабление Запада и кризис европоцентризма в социальных науках.** Появление и институционализация социальных наук во многом порождены необходимостью описания незавершенной исторической ситуации Модерна. Принципиально иное состояние социума возникло в связи с военно-экономическим подъемом Европы и обусловлено нормализацией быстрых социальных перемен (еретических и патологических с позиций феодально-сословного общества), рыночного типа ресурсных обменов, появлением публичной сферы, гражданского общества, фоновыми процессами урбанизации, индивидуализации, секуляризации, институциональной дифференциации и т.д. Цели познания (выявления закономерностей) нового общественного состояния и его нормализации совпали с европейским правом первородства в формировании гражданских наций (предмет социологии), территориальных государств (предмет политологии и права) и транснациональных рынков (предмет экономики). Всё это на определенный период

истории обеспечило привилегированное положение Запада в мире, фактическое тождество Запада, Модерна, социальной нормы, блага и прогресса. Однако в условиях актуальной трансформации социально-экономической онтологии принципы и версии глобального Модерна постепенно разотождествляются с обобщенным Западом. Он превращается в определенную специфику внутри глобального Модерна, одновременно влияя на общий упадок нормативных и универсалистских иерархий и самоописаний современных обществ в социальных науках в их западном каноне.

Исторически дух капитализма возник в Европе, ускорив инвестиции в технологии и их масштабирование в эпоху великой географической экспансии, создавшей предельно асимметричную, сверхприбыльную и контролируемую европейцами мировую систему центр-периферийного обмена. Экспансия Запада была основана на ограниченном действии технологических преимуществ, постепенно перенимаемых остальным миром, что вело к неизбежному падению нормы прибыли и росту сопротивления бенефициарам мировой колониальной системы. Однако временные преимущества Запада были положены в основу тезиса о естественном и бесконечном прогрессе и социально-политических форматах, которые его обеспечивают. Первоначально европейский колониализм, ситуативно чередуя режимы торговли (включая работорговлю), грабежа и захвата земель и народов, исходил из концепции *ничьей земли* (*terra nullius*) [Спиридонова, 2022: 17–18]. Вскоре выяснилось, что на *ничьей земле* существуют народы и культуры, способные осваивать современные технологии/институты и оказывать возрастающее сопротивление. Появилась необходимость идеологически обосновать насилие, грабежи, эксплуатацию и оправдание двойных стандартов во взаимодействиях метрополий с колониями. С этой целью была создана система социального знания и образования, где колонизаторы становятся субъектами общественного блага, синонимом прогресса и цивилизации, а колонии – варварства, отсталости и заблуждений. Социальные науки для Запада и не-Запада были придуманы в виде двух отдельных номенклатур. «Институционализация истории и трех номотетических дисциплин – экономики, социологии и политической науки – в последней трети XIX и первой половине XX века приняла форму университетских дисциплин, в рамках которых западный мир изучал себя» [Валлерстайн, 2016: 309]. Для остального мира были придуманы *ориенталистика*, занимавшаяся незападными цивилизациями, и *антропология*, чьим предметом стали колонии и зависимые от западных метрополий территории.

Европейцы не питали иллюзий относительно временного характера своего мирового колониального господства. Все больше колоний обретали самостоятельность, военно-политическую и экономическую субъектность, а некоторые сравнялись, даже превосходили бывших колонизаторов в технологиях и доходах на душу населения. Соответственно, мейнстрим социальных наук, в центре которого сохраняются перспектива и координаты желательного взгляда на мировой порядок в интересах Запада, теряет былую магию, чаще становится предметом критики в деколонизирующих, цивилизационных и иных дискурсах не-Запада. В результате подъема новых незападных центров силы и передела сфер военного, экономического, культурного влияния устоявшиеся языки описания социальной реальности становятся все менее ясными и релевантными. Прогнозируемый на ближайшие десятилетия околонулевой рост развитых экономик [Smith, 2017: 161–184], умножение форматов экономических войн и военного столкновения в битве за ресурсы (идущие на смену идеальнотипической экономической конкуренции), снижение влияния Запада обострили проблему релевантности теорий и нарративов, образующих мейнстрим социальных наук. Все больше исследователей выступают с критикой мейнстрима, связанного с теориями рационального выбора и моделями экономического человека; концепциями естественного равновесия социума и рынка; универсальной эффективности теории игр; институциональными теориями, призванными легитимировать конкретно-исторический социальный порядок как нормативный или единственно возможный, несмотря на вызовы и внутренние противоречия [Макклоски, 2015; Шапиро, 2011; Куиггин, 2016; Пикетти, 2016 и др.]. Задачи идеологического оправдания слабеющей гегемонии начинают преобладать

над целями научного познания. Радикальные трансформации позднемодерного общества являются экзистенциальным и методологическим вызовом социологии, которая «возникла как научная дисциплина в эпоху индустриальной современности и уже давно выводит свои основные концепции из этой структуры. Это также станет испытанием для политического дискурса, который долгое время управлялся “проектом модерности” и его идеей всеобщего прогресса» [Reckwitz, 2020: 310].

Под мейнстримом социальных наук понимаются идеологические представления и во многом детерминированные ими концептуальные схемы, связанные с нормативным характером самоописаний современных западных обществ, прежде всего США и Западной Европы для всех других обществ. Эти самоописания а) опираются на военную, политическую, технологическую и экономическую мощь; б) поддерживаются пулом авторитетных научных институций, журналов и интеллектуалов, включая нобелевских лауреатов, будучи усилены перекрестными цитированиями; в) представляются как релевантные для западных социальных реалий и г) предлагаются незападным обществам в качестве достижимого идеала общественного устройства. В конечном итоге создается ситуация, когда «Просить гранты на исследования за пределами принятой экономической теории и ее инструментария примерно так же бесполезно, как Мартину Лютеру было бы бесполезно рассчитывать на гранты Ватикана» [Райнерт, 2011: 232]. Вместе с тем рост *исключенных и маргиналов, изгоев и отверженных*, а также возможностей контроля над ними имеют пределы, когда критическая масса несогласных начинает вырабатывать альтернативы мейнстриму.

В конце концов, Лютер основал свой мейнстрим, а до этого мейнстримом в Римской империи стало само христианство. Все более спорные тезисы а) о монополии Европы на генезис современной науки/технологий и б) о Западе как олицетворении Модерна/Современности в противовес отсталому Востоку/Югу/Незападу имели идеологический подтекст, особенно в годы холодной войны [Поскетт, 2024]. Неразрешимая методологическая проблема состоит и в том, что в социальных теориях поиск истин и обоснование общественных закономерностей неотделимы от идеологических притязаний на нормативные интерпретации представлений об общественном благе (идеале) и способах его достижения в условиях Модерна: «одни претендуют на “универсальность” своих ценностей, другие настаивают на их “уникальности”. И те, и другие исходят из своего морального превосходства. Россия и Китай больше не готовы мириться с западными претензиями на универсальность... Мировые элиты активно используют терминологию ценностей, но в действительности борются за власть»<sup>1</sup>. Недоверие к мейнстримным нарративам возрастает вследствие растущего зазора между требованиями научной релевантности и их явно идеологическими функциями: «Повсеместный упор на математическую и логическую строгость позволил экономической науке добиться внутренней последовательности, которой нет ни в одной другой социальной науке. Но мало пользы в том, чтобы последовательно ошибаться. Экономика должна отказаться от модели совершенно рационального, дальновидного и исключенного из общества агента, решения которого были предметом анализа в течение десятилетий» [Куиггин 2016: 241].

Методологическая ограниченность мейнстримных подходов основана и на специфичном эмпиризме, когда социальная реальность разделяется на герметичные части, которые не предполагают выхода за отдельные локальные матрицы [Jameson, 1971: 306–417]. Научные истины становятся частными истинами отдельных дисциплин, не способных к системному критическому объяснению и обобщению социальной реальности. Аксиомами распространяемого на все социальные науки экономического империализма являются естественное равновесие социальных систем, рациональность взаимодействующих субъектов и стабильность предпочтений. Эти аксиомы релятивны, так как социальное,

<sup>1</sup> Цыганков А. Двойной стандарт постмодерности: конфликт ценностей и международное соперничество. 2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/standart-postmodernosti/> (дата обращения: 25.04.2024).



экономическое и политическое равновесие не бывает естественным, оно пересматривается и устанавливается как временный компромисс преимуществ и уступок социальных групп в итоге переговоров. Реальное воспроизводство общества подтверждает исходную взаимозависимость политики, истории, экономики и культуры [Ефимов, 2014]. В результате возникает ключевая для социальных наук проблема утраты способности к объяснению фундаментальных общественных изменений и их закономерностей, что когда-то объявлялось в качестве их главной задачи. Господствующий идеологический нарратив превращается в норматив социальной науки, стремящийся остановить историю, избавиться от альтернатив, невыгодных бенефициарам социального порядка [Мартынов, 2003: 235]. Он выражает преимущественно интересы социальных сил (наций, классов, корпораций, социальных слоев), заинтересованных в сохранении имеющегося политического и экономического порядка, в приостановке опасного социального реформирования и экспериментирования.

В социальных науках убеждению в идентичности общества его господствующему нормативному описанию как неотъемлемой части социального порядка противостоят концепции, доказывающие несоответствие реального общества его описаниям, вскрывающим их ангажированность партикулярной властной элитой в пользу более справедливых альтернатив. На уровне ценностных систем этот динамичный механизм самоописания повторяется в виде оппозиции идеологий, описывающих общество с позиций доминирующих классов, и утопий, являющихся описаниями общества в перспективе восходящих классов [Манхейм, 1994: 7–276]. Альтернативные самоописания чреватые переворотами и революциями, они «вызываются» утопиями, принадлежащими социальным силам, которые хотели бы расширить свои права и возможности, получить контроль над своей судьбой. В результате легитимация социального порядка осуществляется в виде оправданий статус-кво, таких как модели естественного равновесия и спонтанного порядка, производные от принципов термодинамики. Подобная исследовательская позиция позволяет обходить вопрос об основаниях социального порядка, концентрируя внимание на проблемах индивидуальной и коллективной адаптации к наличному социальному режиму, которому приписывается статус естественного, природного и саморегулируемого. Уверенность мейнстрима в сложившемся социальном порядке как нормальном и должном не позволяет ответить на вопросы об истинных причинах накапливающихся изменений, предлагая метафорически считать их социальной болезнью, провалом реформ, эффектом зависимости от предшествующего развития, социокультурной травмой или временными отклонениями от нормы.

Тем не менее последние десятилетия демонстрируют нарастание разнообразных отклонений всех обществ от простых прогрессорских моделей, позволяющих выстроить их всемирную моральную (идеологическую) иерархию, на которой потом основываются иерархии властно-институциональные. Повышение частотности объяснительных метафор архаизации и упадка оправдывается обобщенным нарративом гражданского ремонта/институциональной ловушки/социокультурной травмы. Этот нарратив, несмотря на множество значимых противоречий, внутренних конфликтов и институциональных дисфункций, предполагает, что мейнстримная модель социального порядка не нуждается в принципиальных изменениях, тем более в альтернативах. Поскольку рост наблюдаемых отклонений и непривычных тенденций, плохо поддающихся качественному описанию и выявлению категориальным словарем западного мейнстрима, являются лишь локальными и временными кризисами, отклонениями от институциональной колеи.

Мейнстрим, первоначально сложившийся в контексте классового-индустриального Модерна, теряет убедительность, превращается в слабеющий защитный нарратив, призванный убедить, что капитализм, рынок и демократия испытывают временные трудности. Причем, если для стран центра мировой экономики предназначена идея совершенствования, ремонта или креативной настройки Модерна, то для полу- и периферии политические приоритеты остаются в виде догоняющей модернизации, в которой Ахилл никогда не догонит

черепахе. Достижение историко-пространственных пределов расширения и интенсивности обменов внутри капиталистической миросистемы, а также тотальной коммодификации социума одновременно становится кризисом легитимации глобальной иерархии обществ, основа которой – метафора *совершенного расширяющегося рынка/демократии*, генерирующего бесконечный прирост спроса и прибыли, гражданских прав и возможностей.

*Нарратив* Запада в виде нормативной риторики демократии, рынка, свободы, общества *открытого доступа, инклюзивных институтов* и т.д. входит объективно в противоречие с экономическими и политическими интересами *неправильных обществ* [Чанг, 2018]. Все чаще незападные общества отказываются от вмешательства в свои дела внешних прогрессоров и цивилизаторов, когда под видом демократизации (политические перевороты, цветные революции), просвещения и помощи оформляется их военная, политическая, экономическая и т.д. зависимости. Претензии западного мейнстрима на универсальность дискредитируются множасьими практиками *двойных стандартов*, когда под предлогом установления демократии и обеспечения прав человека осуществляется вторжение в Югославию, Ирак или Ливию. Гораздо менее демократичные Нигерия, Пакистан или Уганда, возглавляемые лояльными Западу лидерами, получают статус союзников.

В результате *понятийный лексикон мейнстрима утрачивает способность к убедительному описанию незападных и западных обществ*. Например, в России и во многих других странах с так называемыми авторитарными режимами присутствие авторитаризма (как его понимают политологи либерального толка) с точки зрения «обычных людей» неочевидно и почти незаметно в повседневной жизни: «...у большинства респондентов если и есть претензии к власти, то они почти исключительно касаются провалов в социальной и экономической политике. Репрессии и ограничения свобод осуждает крошечное меньшинство – в основном образованные жители Москвы и Санкт-Петербурга» [Клеман, 2018: 76]. Высокая чувствительность отдельных социальных групп к ограничению политических свобод является *ошибкой экстраполяции*, когда интересы и образ жизни слоев начинают приписываться большинству, распространяться на всё общество в качестве *нормативных и/или должных*.

Готовность большинства россиян и мирового большинства граждан незападных стран жить в *несовершенном обществе* (которое является таковым в кривых зеркалах западного мейнстрима) дискредитируется. Стереотипны отсылки к патернализму и примитивности *советского человека, институциональной инерции, попытки инфантилизации путинского большинства* и т.д. Однако в сравнительном межстрановом контексте миф о личной и гражданской неразвитости россиян рассеивается. Это демонстрируют данные о высокой степени индивидуализма, рациональности и секуляризации образа жизни россиян, сопоставимой с европейским уровнем<sup>2</sup>. При этом меньшинство (лидеры мнений, активисты блогосферы, *ликейные жилеты*, некоммерческие и негосударственные организации с непрозрачным финансированием и т.д.) *инициативно* возлагает на себя функции *политического просвещения* отсталого большинства, *воображаемого представительства* его интересов. Политические интеллектуалы с их бескомпромиссным и заёмным у внешних культуртрегеров *языком истины* (термин С. Кордонского) часто опираются на поверхностные и стереотипные данные, сомнительные нормативные схемы, рисуемые по осям координат: *архаика/современность, рабство/свобода, тоталитаризм/демократия, план/рынок*, сводимых к ключевой оппозиции добра/зла. Это не является *особостью* публичного пространства или социальных наук российского общества. «В результате «конфликт цивилизаций» подменяет собой идеологическую и политическую борьбу. Ровно так же обстоят дела в США и во многих странах. Выяснение, кто в наибольшей степени выражает «моральные» качества, заменило идеологические дебаты во всем мире» [Клеман, 2018: 81].

Соответственно, мейнстрим, питавшийся интерпретацией прогресса, сведенного к экспансии рыночной метафоры во все сферы человеческой деятельности, обнаруживает

<sup>2</sup> World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 25.04.2024).

ее технологические, исторические, идеологические, демографические, экологические и иные пределы, свидетельствующие в том числе о фундаментальном противоречии рынка и демократии как синонимов [Валлерстайн и др., 2015]. Моральная перспектива мейнстрима, опирающаяся на конструирование универсальных иерархий, в которых большинство современных обществ являются неполноценными, уже не может опираться на естественное превосходство Запада, каким оно казалось еще совсем недавно. Марксизм, миросистемный анализ, социальный конструктивизм, постколониализм и иные влиятельные течения убедительно опровергают этот тезис, показывая историчность и рукотворный характер любого социально-политического и экономического порядка, образуемого совместной деятельностью людей: «Эпоха американского доминирования уходит, но оказывает сопротивление по-прежнему, хорошо знакомым проектно-нарративным канонам. Как внутри западных обществ, так и за их пределами оппозиция “либеральному” миропорядку объявляется автократической, фашиствующей и подлежащей низвержению во имя лучшего будущего» [Цыганков, 2022: 12].

Безусловно, в исторических условиях расширения рынка и демократии регулятивные элементы сословно-государственного патримониализма отступают благодаря подъему массовой субъектности и формированию публичной сферы. Это вовсе не означает, что дарообменные, патрон-клиентские и семейно-родственные практики исчезают как типы социальных коммуникаций, а выборные процедуры становятся чем-то принципиально большим, чем механизм легитимации и ротации элит. Наоборот, институты, классифицируемые мейнстримом как *архаичные и приписываемые отсталым обществам*, могут оставаться сильными в формате закрытых внутриэлитных взаимодействий в самих странах Запада, определяющих последующие публичные решения, к легитимации которых лишь впоследствии подключаются широкие массы граждан. Исходная проблема умолчания состоит в том, что рынок, конкуренция и демократия существуют преимущественно во *внешней среде* семейств/фирм/партий/институтов, но не внутри них, где царит совсем другая регуляция – план, иерархия, дисциплина, все то, что является негативной характеристикой для *плохого правления, неправильных элит и репрессивных* политических институтов. Соответственно, можно попытаться выстраивать все общественные отношения согласно метафоре *прогрессивного и саморегулируемого рынка*, но в конечном счете зайти в тупик в связи с необходимостью поддержания внеэкономических условий существования самого рынка, которые являются вовсе не рыночными [Коуз, 1995: 11–32].

Перечисленные выше типы нерыночной социальной регуляции прекрасно сосуществуют в любом социальном порядке на разных уровнях и в разных локусах с демократией и рынком. Это превращает попытки выстроить иерархическую классификацию современных социальных порядков в бессмысленную редукцию, в которой бинарные оппозиции привилегированного/ущербного делят социальные порядки современных обществ исключительно на условные аналоги рая и ада (демократия и тоталитаризм, рынок и плановая экономика, цивилизация и варварство, современность и архаика, прогресс и застой и т.д.). Подобная задача в сложной земной жизни очевидно не решаема. Паллиативный выход мейнстрима из этого противоречия состоит в идеологическом, чрезвычайно избирательном и поверхностном взгляде на конкретные политические порядки, способном легитимировать политические интересы отдельных субъектов лишь на ограниченном отрезке времени.

**Модерное общество в призме конфликта понятийных описаний.** Набирающие силу глобальные контуры общества без потребности в массовом труде и с растущими слоями лишних людей (в сложившейся структуре экономики и общественно-политических приоритетов) обуславливают все меньшую убедительность описания большинства обществ, включая Россию, как культурных и институциональных отклонений от *идеального типа* демократии и рынка, поскольку отклоняются от нормативных описаний мейнстрима все современные общества, в том числе западные, и чем дальше, тем решительнее. Вместе с тем растет признание того, что и рынок, и демократия накопившиеся структурные проблемы автоматически разрешить не смогут, так как являются *инструментами*, а не самим

решением назревших проблем. Поэтому все менее релевантную прогрессорскую оптику западного мейнстрима можно трансформировать, если рассмотреть новейшую историю не как иллюстрацию развития нормативной модели либеральной демократии/рынка, а как альтернативное ей эволюционное изменение субъектов, источников и принципов распределения ресурсов в обществе [Фишман и др., 2019]. Универсальный контроль ресурсов власти, статуса, собственности составляет все более значимую оппозицию описательным механизмам конкурентной рыночной стратификации. В публичном дискурсе назревает необходимость в обсуждении усиления рентного характера позднемодерного общества и порождаемого им типа социальных отношений, который связан с моделью дифференцированного общества привилегий, структурируемого на основании неравной ценности граждан с точки зрения государства/номенклатуры/властной элиты. Общее движение к глобальному будущему все чаще описывается понятиями, которые не связаны с метафорами рынка, будь то версии коммунизма, нового Средневековья, трансгуманизма, господства технологий искусственного интеллекта и т.д.

Таким образом, нарратив о западной гегемонии утрачивает убедительную глобальную историю успеха в виде постоянно расширяющегося круга социальных бенефициаров рынка и демократии. Любой нарратив историчен и сначала является денотативным (описательным), затем претендует на прескриптивность (обязывающий, нормативный характер), а в конце становится перформативным (стирающим грань между языком и миром, где высказывание совпадает с действием). Перформативная стадия как, например, в случае с советским официальным нарративом, свидетельствует о стадии деградации и застоя, все меньшей релевантности в отношении меняющегося социального мира и нарастающей тавтологичности используемых понятий [Юрчак, 2014: 62–67]. В настоящее время аналогичная ситуация разворачивается и с западоцентричным нарративом социальных наук, который все чаще оборачивается своей негативной стороной в виде недоступности государства всеобщего благосостояния, ограниченности представительных демократий конкурентными элитами, фоновых процессов прекаризации (неустойчивой и негарантированной трудовой занятости) [Прекарная занятость..., 2021], обострения конкуренции социальных групп и национальных сообществ за *вне рыночный передел конечных ресурсов* на разных уровнях капиталистической миросистемы. На глобальном уровне кризис классово-рыночной модели стратификации общества, распределения ресурсов, функционирования институтов и нормативных моделей описания выражается в: а) неспособности западных элит поддерживать прежнюю центр-периферийную модель и обеспечивать глобальную экономическую и политическую регуляцию, в том числе через подконтрольные транснациональные союзы; б) растущем разочаровании в нормативных либерально-демократических порядках граждан западных обществ, все чаще сталкивающихся с негативными издержками глобализации у себя дома (рост неравенства, безработица, утечка капитала, обострение конкуренции, нисходящая социальная мобильность, миграция, рост этнорелигиозного напряжения); в) вызовах со стороны незападных обществ, стремящихся установить альтернативные иерархии и занять более справедливое положение в глобальном мире в соответствии со своим возросшим военным, демографическим, экономическим и политическим весом.

Россия и иные незападные центры глобального влияния в социальных классификациях Запада априори не будут демократическими, свободными, рыночными, либеральными, прогрессивными, привлекательными и т.д. Эти негативные оценочные суждения подтверждаются всевозможными глобальными рейтингами, основанными, как правило, на субъективных мнениях, оценках ангажированных экспертов и *зависимых от внешнего финансирования организаций* [Иванов, 2015]. Классификации, заложенные в эти рейтинги, являются *самоучреждающимися*. Согласно внутренним критериям, они будут достигать непротиворечивых результатов и доказательных оценок, которые запрограммированы создателями подобных классификаций. Сопrotивляться им могут только другие субъекты и классификации, создающие альтернативные образы социальной реальности и языки ее описания.

В настоящее время происходит восстановление политической субъектности центров силы не-Запада. *Конец истории* оказался лишь ее очередным поворотом, за которым все финальные политические теории вновь обнаруживают своих далеких от универсальности корпоративных, классовых, национальных и цивилизационных бенефициаров. Контроль *избранными обществами* нормативных описаний современных обществ исключительно посредством привилегированных членов бинарных оппозиций (и вменение всем остальным *ущербных и негативных* противоположностей) с целью обоснования своего идеологического и морального превосходства становится неубедительным в ситуации критической переоценки привычных метафор и ценностных иерархий, организующих мейнстримное мышление. Очевидный, но явно ошибочный путь преодоления мейнстрима состоит в создании обратного карго-культа (магического подражания колонизаторам), основанного на простом переворачивании бинарных кодов, когда отклонения становятся достоинствами, а маргинальные и периферийные феномены превращаются в новые социальные нормы. Это может обретать форму отстаивания уникальности, самобытности и возврата к *воображаемой традиции* (как правило, полностью оторванной от традиционного образа жизни), противопоставленных чуждой Современности внешних прогрессоров. В результате и колониальное мышление в виде карго-культа Запада, и тотальное отрицание любых его достижений в контексте *уникальности* любой незападной цивилизации, *суверенной демократии* и *духовных скреп* оказываются одинаково ущербны для содержательного описания общества, в котором мы живем здесь и сейчас. Более плодотворной и убедительной представляется ориентация социальных наук на выявление не столько дифференцирующих отличий внутри Модерна, сколько общих фоновых закономерностей воспроизводства социально-политического и экономического порядка всех современных обществ в капиталистической миросистеме.

Западные центры силы все чаще выступают субъектами альтернативного научного и идеологического описания глобального социального порядка и новейших версий Модерна. В ситуации обострения глобальной конкуренции нарастает всеобщее желание усилить собственную культурную аргументацию (мягкую силу) и объявить версии Модерна/Современности своих соперников ограниченными. Например, описать нацию-государство лишь как особую политическую форму Запада, которой могут противостоять восходящие центры силы, описываемые в виде отдельных цивилизаций (Китай, Индия, Россия, Иран, Турция и т.д.). При этом цивилизационно-исторические дискурсы наций-цивилизаций действительно убедительно описывают культурные ограничения и процессуальные недостатки западной модели Модерна, а также собственные домодерные культурные традиции. Однако, когда возникает потребность в следующем шаге, который заключается в описании собственной цивилизационной Современности как альтернативной западоцентризму, возникают значимые понятийные и методологические затруднения [Наумкин, 2020].

Запрос на обновление научных языков описания общества выражается в выработке базовых консолидирующих понятий, описывающих социальное устройство современного общества, и формировании научных и идеологических конвенций относительно их релевантного применения в меняющемся глобальном мире. Тенденция проявляется в многочисленных концепциях с приставками *нео-*, *пост-*, *мета-*, *альтер-* и умножающимися примерами *отклоняющихся от прокрустова ложа культурной нормы практик, процессов и обществ*, призванных скорее спасти мейнстрим от назревших изменений, чем предложить альтернативу, поскольку альтернативы могут отталкиваться только от действительно базовых понятий – власти, собственности, силы, территории, технологий, политического сообщества интерпретируемых как *ресурсы политических субъектов*. Это позволяет социально-политической мысли вновь вернуться к фундаментальному вопросу о принципах воспроизводства социального порядка и прагматических критериях распределения ограниченных благ взамен прогрессорства, абстрактного индивидуализма, теорий рационального выбора и количественной математизации, с помощью которых социальные науки мимикрируют в аналог естествознания на службе мировых гегемонов.

**Заключение.** Трансформация иерархического миропорядка и общей социальной структуры современных обществ обуславливает принципиальные перемены системы социального знания, в значительной степени связанные с *расколдовыванием*, десакрализацией его ценностно-институционального ядра, ориентированного – помимо *научного объяснения* общественных закономерностей – на *нормативное обоснование* особых интересов и глобальной гегемонии Запада. Анализ совокупности наблюдаемых фоновых социальных изменений позволяет обнаружить ряд устойчивых тенденций и сформулировать некоторое выводы.

Во-первых, альтернативный язык описания закономерностей глобального мира формируется новыми социальными группами и усиливающимися политическими сообществами. Причем не только теми, которые являются *прогрессивными*, но и теми, которых доминирующий дискурс еще/уже не видит, либо идеологическим образом относит к *патологии, исключению, отсталости и архайке*.

Во-вторых, социальные группы и отдельные общества ведут поиски принципов нового общественного порядка, позволяющего интегрировать *лишние, эксплуатируемые, игнорируемые классы и общества, составляющие большинство человечества*, в пост-западоцентричную версию глобального миропорядка. Таков потенциальный многополярный мир, в котором есть достойное место всем современным обществам, имеющим гораздо больше сходств, чем идеологически утрируемых культурно-исторических мифов и различий. Это предполагает отказ от поверхностных бинарных иерархий, от противопоставлений добра и зла, прогресса и отсталости, демократии и тоталитаризма, индивидуализма и коллективизма, плана и рынка, Запада и Востока и т.д., которые все чаще обнаруживает пределы способности к объяснению и легитимации наблюдаемых общественных закономерностей как внутри конкретных обществ, так и фоновых тенденций в масштабе всего человечества.

В-третьих, в условиях исчерпания интеллектуальных стандартов западного мейнстрима расширяется вариативность пространств гетерархии (одновременность различных источников и типов легитимной власти) и гетеротопии (параллельное сосуществование разных пространственных способов организации социума). Естественным образом растет признание автономии альтернативных критериев релевантности, нормативности и справедливости разных способов организации совместного сосуществования людей или исторически сложившихся типов коллективностей (или *градов* в терминологии [Болтански, Тевено, 2013]), составляющих в совокупности внутренне конфликтное и динамичное современное общество.

В-четвертых, разрыв ложной синонимичности между западной и мировой наукой отменяет необходимость ритуального обращения к внешней фигуре Запада, воплощающей каноны и стандарты мировой науки в качестве объекта туземно-провинциального карго-культы [Соколов, Титаев, 2013]. Аналогичным образом восприятие российских социальных наук как органичной части мировой науки больше не требует удостоверения этого факта *магическими посредниками* в системе европоцентристских координат. Это является способом обретения российскими социальными науками необходимой степени интеллектуальной автономии, завершения *провинциального состояния*, которое в постсоветский период искусственно поддерживалось теориями модернизации и транзита как необходимости бесконечного перехода к недостижимым нормам/идеалам/общественным состояниям, чьи критерии во многом контролировались внешними прогрессорами. Обобщенный Запад перестает быть и привилегированным актором, и социальным идеалом, становясь лишь *одним из субъектов* выработки универсального в глобальном масштабе. Подобная ситуация создает эффективные возможности для российского общественнознания, связанные с выработкой оригинальных конкурентных идей и концепций, адресованных всему человечеству и имеющих в силу этого высокие шансы быть услышанными вовне.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии городов. М.: НЛО, 2013.
- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1789. М.: РФСОН, 2016.
- Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14. № 2. С. 5–51.
- Иванов В.Г. «Charts power» – «Рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. М.: Инфра-М, 2015.
- Клеман К. В чем проблема с авторитаризмом? // Неприкосновенный запас. 2018. № 5. С. 76–88.
- Коуз Р. Природа фирмы // Теория фирмы: Сб. ст. / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Эконом. школа. 1995. С. 11–32.
- Куйгин Дж. Зомби-экономика. Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас. М.: ВШЭ, 2016.
- Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.: Ин-та Гайдара, 2015.
- Манхейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени М.: Юристъ, 1994.
- Мартьянов В.С. Метаязык политической науки. Екатеринбург: УрО РАН, 2003.
- Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Поскетт Дж. Незападная история науки. Открытия, о которых мы не знали. М.: Альпина Паблишер, 2024.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021.
- Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ВШЭ, 2011
- Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Спиридонова В.И. Контуры многоцивилизационного мира // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 2. С. 5–32.
- Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ВШЭ, 2019.
- Цыганков А.П. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 10–21.
- Чанг Х.Д. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
- Шапиро И. Бергство от реальности в гуманитарных науках. М.: ВШЭ, 2011.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.
- Jameson F. Towards Dialectical Criticism // Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature. Coll. of art. Princeton University Press. 1971. P. 306–417.
- Reckwitz A. The Society of the Singularities. Cambridge; MA: Polity, 2020.
- Smith J. The Global South in the Global Crisis // Journal of Labor and Society. 2017. No. 2. P. 161–184.

Статья поступила: 13.06.24. Принята к публикации: 08.07.24.

## DISENCHANTING THE WESTERN MAINSTREAM

MARTIANOV V.S.

*Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia*

Viktor S. MARTIANOV, Dr. Sci. (Polit.), Director of the Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia, Ekaterinburg, Russia (martianov@instlaw.uran.ru).

**Acknowledgements.** The article was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00427.

**Abstract.** The changing global social ontology entails an inevitable transformation of the normative model for self-description of modern society in social sciences. As diverse limits to growth are reached (capacity of global markets, demography, ecology, mass employment, etc.), the search for and legitimization of alternative social hierarchies and principles of resource distribution is actualised complicated by the stagnant humanity's resource base and the appropriation of intellectual rents and infrastructural (technological, military, economic) advantages by an increasingly insignificant minority. These background tendencies lead to a) an inevitable transformation of dominant perceptions of what constitutes social, economic, political norms and b) an increasingly critical reception of normative self-descriptions of Western societies, which previously, due to the unconditional dominance of the West, were offered as the ideal of social organisation for all others. The alternative to the Western mainstream is increasingly centered around notions and concepts that describe a future beyond the ideologically loaded and increasingly irrelevant models of liberal democracies and self-regulated markets, which have been controversially and very limitedly realized in the historical practice of Western societies. The global debate on universal social norms is driven by a renewed socio-political and economic context that universally registers for most citizens the inequalities and injustices of the de facto oligopoly markets and elitist democracies that encompass all modern societies. The disenchantment (M. Weber) of the narrative of liberal-market democracies is confirmed by the global rise of nationalisms, protectionism, populism, the widespread contraction of the welfare state and the uprisings of various minorities, including in Western countries, revealing an increasing divergence between social theory, ideology and ontology at the base of the end of history, which turned out only to be its new, post-Western turn.

**Keywords:** alternative, Eurocentrism, West, end of history, legitimization, mainstream, narrative, modernity, social sciences.

## REFERENCES

- Boltanski L., Theveno L. (2013) *Critique and Justification of Justice: An Essays on the Sociology of Worlds*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Chang H.D. (2018) *The Evil Samaritans. The Myth of Free Trade and the Secret History of the Capitalism*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
- Clement K. (2018) What is the problem with authoritarianism? *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency rations]. No. 5: 76–88. (In Russ.)
- Coase R. (1995) The Nature of the Firm. In: *The Theory of the Company*. Ed. by V.M. Galperin. St. Petersburg: Ekonom. shkola: 11–32. (In Russ.)
- Efimov V.M. (2014) How Capitalism, University and Mathematics formed the main direction of the Economic discipline. *Nauchny ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of UB RAS]. Vol. 14. No. 2: 5–51. (In Russ.)
- Fishman L.G., Martianov V.S., Davydov D.A. (2019) *The Rent Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Ivanov V.G. (2015) «Charts power» – «Rating power» as a Tool of Soft Power and economic Weapon: *Technologies of use and counteraction Strategies*. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
- Jameson F. (1971) Towards Dialectical Criticism. In: *Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature*. NJ: Princeton University Press: 306–417.
- Manheim K. (1994) The Ideology and Utopia. In: *The Diagnosis of Our Time*. Moscow: Yurist: (In Russ.)
- Martianov V.S. (2003) *The Metalanguage of the Political Science*. Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russ.)
- McCloskey D. (2015) *The Rhetoric of Economic Science*. Moscow: In-t Gajdara. (In Russ.)
- Naumkin V.V. (2020) The Model of the Non-West: is there a State-Civilization? *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Polis: Political Studies]. No. 4: 78–93. (In Russ.)
- Piketty T. (2016) *Capital in the XXI Century*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)



- Poskett J. (2024) *The Non-Western History of Science. Discoveries that We didn't know about*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Precarious employment: Origins, Criteria, Features* (2021). Ed. By Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves mir. (In Russ.)
- Quiggin J. (2016) *The Zombie Economy. How Dead Ideas Continue to Wander Among Us*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Reckwitz A. (2020) *The Society of Singularities*. Cambridge; MA: Polity.
- Reinert E.S. (2011) *How Rich Countries Became Rich, and why Poor Countries Remain Poor*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Shapiro I. (2011) *The Escape from Reality in the Humanities*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Smith J. (2017) The Global South in the Global Crisis. *Journal of Labor and Society*. No. 2: 161–184.
- Sokolov M., Titaev K. (2013) The Provincial and Native Science. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. No. 19: 239–275. (In Russ.)
- Spiridonova V.I. (2022) The Contours of a Multicivilizational World. *Problemy civilizacionnogo razvitiya* [Problems of civilizational development]. Vol. 4. No. 2: 5–32. (In Russ.)
- Tsygankov A.P. (2022) The Global Conflict of Late Modernity: Logic and Limits of the Escalation. *Rossiya v global'noj politike* [Russia in Global Politics]. Vol. 20. No. 6: 10–21. (In Russ.)
- Wallerstein I. (2016) *The World is a Modern system. Volume IV. The Triumph of Centrist Liberalism, 1789*. Moscow: RFSON. (In Russ.)
- Yurchak A. (2014) *It was Forever, until it was Over. The Last Soviet Generation*. Moscow: NLO. (In Russ.)

Received: 13.06.24. Accepted: 08.07.24.

# Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

Е.В. ПОПОВ

## ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

---

ПОПОВ Евгений Владимирович – кандидат социологических наук, преподаватель департамента социологии, младший научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (epopov@hse.ru).

---

**Аннотация.** В статье представлен анализ уровня цифровых навыков в региональном разрезе. На основе данных Росстата демонстрируется дифференциация субъектов РФ по ключевым компонентам уровня цифровой грамотности населения: информационным и коммуникационным навыкам, способностям решать ежедневные задачи и умению работать с программным обеспечением. Выстроенная в процессе анализа кластерная модель позволила определить три отличающихся по данным компонентам группы регионов: лидеры (21 регион); середняки (43 региона) и отстающие (21 регион). Среди лидирующих регионов выделяются Омская, Мурманская области и город Москва, среди отстающих – республика Северная Осетия, Магаданская и Еврейская автономная области. Выявлено, что на общий уровень цифровой грамотности в регионах влияют экономические показатели: средний индекс физического объема ВРП и валовой добавленной стоимости, средний размер заработной платы, а также ценностная компонента – в частности, положительная оценка влияния цифровых технологий на жизнь.

**Ключевые слова:** региональная статистика • цифровые навыки • Росстат • DigComp

DOI: 10.31857/S0132162524060065

**Проблематика исследования.** Большинство исследований региональной специфики цифровой грамотности фокусируется на федеральных округах [Федосеева и др., 2022] или конкретных регионах [Гладкова и др., 2019]. Отсутствие возможности анализа цифровых навыков на уровне всех субъектов России давно обсуждается исследователями [Груздева, 2020]. Эта лакуна имеет системный характер: довольно сложно и накладно сконструировать репрезентативную для России региональную выборку. Единственное исследование, которое реализуется на репрезентативной по половозрастной и региональной структуре России выборочной совокупности, проводится Росстатом<sup>1</sup>. Но публикуемые им данные в контексте цифровой грамотности не включают в себя индекс и субиндексы уровня цифровых навыков, которые, к примеру, по умолчанию рассчитываются Евростатом. Такое положение дел ведет к сложностям аналитического толка: большая часть отечественных

---

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

<sup>1</sup> Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Росстат. URL: [https://rosstat.gov.ru/free\\_doc/new\\_site/business/it/ikt22/index.html](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html) (дата обращения: 13.07.2023).

исследований цифровой грамотности в субъектах России при попытке преодолеть недоступность индексных показателей уровня навыков опирается на создание прокси-переменных, заменяющих индексные значения (см., напр., [Земцов и др., 2022; Варламова, 2022]). В частности, используются показатели, описывающие практики обращения к portalу «Госуслуги», покупки товаров в сети и т.п. Насколько адекватна подобная аппроксимация – сложно судить, но видится, что после пандемии коронавируса практика онлайн-шопинга, например, стала если не нормой, то довольно распространенной, и репрезентирование через нее уровня цифровых навыков может приводить к системным завышениям значений.

Настоящее исследование направлено на минимизацию возможных негативных эффектов описанного аппроксимирующего подхода. Анализ осуществлен на регионально репрезентативных данных Росстата посредством применения к ним методологии определения уровня цифровых навыков Евростата (2015) (более подробное описание методологии см. в [Индикаторы цифровой экономики, 2022: 319]). Ключевым методом выступает кластерный анализ, который позволяет очертить границы цифрового разрыва между регионами и определить ориентиры по базовым показателям уровня цифровых компетенций населения.

**Методологическое введение: контуры исследовательского поля.** Вопросы развития и измерения цифровых навыков<sup>2</sup> начинают появляться в международной повестке с середины 1990-х гг. (рис. 1). В 1996 г. Европейская комиссия выпускает экспертный отчет по внедрению цифровых технологий в общество<sup>3</sup>, в котором эскизно описываются первые этапы цифровизации и ее влияние на социальные аспекты. В 1998 г. Центром исследований и статистики науки (Россия) проводится один из первых опросов об отношении населения к ИКТ, практиках и навыках их использования. Однако на тот момент компьютеры и Интернет были в стране редкостью: доля респондентов, имевших опыт использования компьютера, составляла 17%, а Интернета – 4% [Гасликова, Гохберг, 2001]. Аудитория регулярных пользователей была еще меньше – на 1999 г. всего лишь 2,3%<sup>4</sup>. В этот же год исследовательский центр Ромир запустил проект «Мониторинг Интернета». В 2000 г. ФОМ инициировал запуск проекта «Интернет в России / Россия в Интернете» [Гохберг, Бох-Нильсен, 2007]. Все эти исследования не были объединены общей методологической рамкой, а цифровые навыки рассматривали поверхностно. В конце 1990-х исследовательские центры стремились не столько оценить практики, сколько получить срез пользователей в количественном распределении.

Первые методологические руководства по измерению использования населением ИКТ публикуются в нулевых годах<sup>5</sup>. Но это не сразу инициировало массовые исследования цифровых практик на институциональном уровне. В этот период формируется академическая традиция исследования цифровизации общества<sup>6</sup>. Появляются значимые для поля концептуальные работы, посвященные «цифровым аборигенам» – лицам, родившимся и социализировавшимся во время активного распространения цифровых технологий, и «цифровым мигрантам» – тем, кто вынужден приспособливаться к цифровому миру [Prensky, 2005]. Публикуются эмпирические работы, описывающие связь между объемом

<sup>2</sup> Под цифровыми навыками в современном дискурсе понимаются компетенции людей в области применения персональных компьютеров, Интернета и других видов ИКТ.

<sup>3</sup> European Commission (1996) Building the European Information Society for Us All.

<sup>4</sup> Циркон (2001) Российская интернет-аудитория: оценки, тенденции, прогнозы. Аналитический обзор по данным различных исследований. URL: [https://www.zircon.ru/upload/iblock/a30/Rossijskaja\\_Internet-auditorija\\_Obzor\\_razlichnyh\\_issledovanij.pdf](https://www.zircon.ru/upload/iblock/a30/Rossijskaja_Internet-auditorija_Obzor_razlichnyh_issledovanij.pdf) (дата обращения: 10.07.2024).

<sup>5</sup> OECD (2003) measuring ICT usage and electronic commerce in households/by individuals. A model questionnaire; Eurostat (2006). Methodological Manual Information Society. Surveys v2.1; Synthesis Report of the European e-Skills Forum (2004) E-Skills for Europe: Towards 2010 and Beyond.

<sup>6</sup> В 2010-х гг. в общую исследовательскую повестку включаются и отечественные академические исследователи. Наиболее ярким примером является проект по изучению цифровых навыков российских пользователей под руководством Г. Солдатовой [Солдатова и др., 2013], в рамках которого авторами предлагается оригинальная методология расчета цифровых навыков.

времени, проведенного в сети, и репертуаром практик пользователя, а также их качеством [Gil-Garcia et al., 2006; Hargittai, Hinnant, 2008]. Институциональное изучение цифровых практик и навыков населения до 2007 г. вообще не входило в повестку – в то время для исследовательских институций было важнее оценивать масштабы цифровизации вообще, а не применение конкретных ресурсов цифровой инфраструктуры. Регулярное исследование цифровых навыков населения в Европе запускается в 2007 г., когда Евростат начинает опрашивать домохозяйства по тематике использования ИКТ [Гохберг, Бох-Нильсен, 2007]. Но такие исследования давали общие представления о том, какая часть населения реализует те или иные цифровые практики.

Комплексный подход к аналитике цифровых практик и уровня навыков на институциональном уровне стал применяться с 2013–2015 гг., когда ОЭСР инициировала обследование навыков взрослого населения (PIAAC), Росстат запустил ежегодный опрос населения об использовании ИКТ, а Евростатом была разработана теоретическая рамка DigComp, включающая в себя области компетенций и дающая возможность измерить интегральный уровень цифровых навыков населения по нескольким направлениям<sup>7</sup>. В 2021 г. эта рамка под влиянием пандемии COVID-19 была уточнена: теперь в ней особое внимание уделяется навыкам цифровой безопасности<sup>8</sup> (рис. 1).

Последним большим проектом по исследованию цифровых компетенций населения в России является Мониторинг цифровой трансформации экономики и общества,

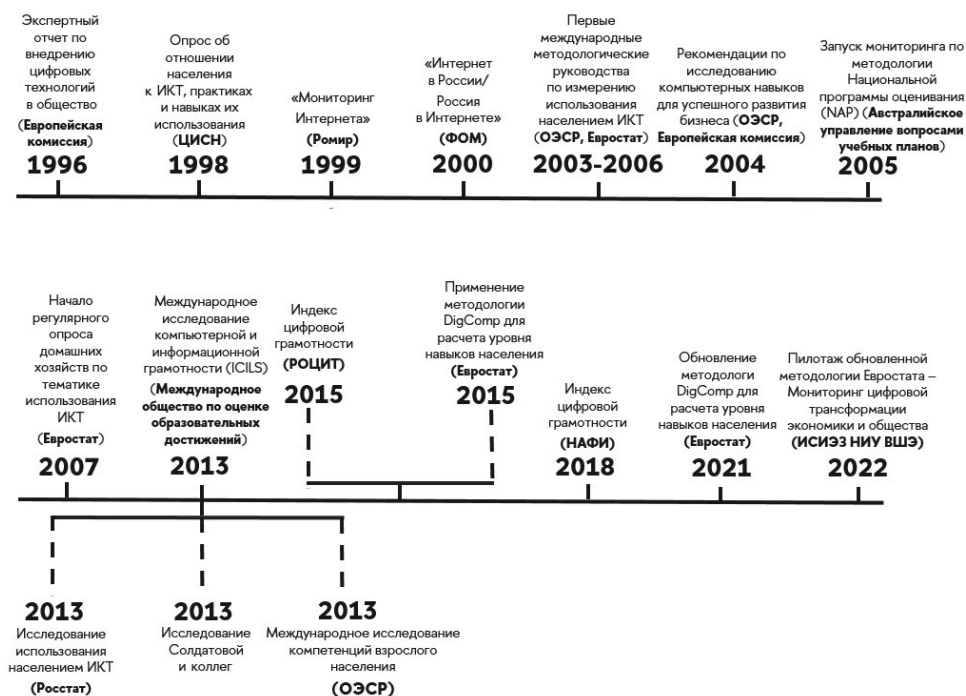


Рис. 1. Эволюция методологии и основные вехи оценки цифровых навыков

<sup>7</sup> European Commission (2013) DIGCOMP: A Framework for developing and Understanding Digital Competences in Europe. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC83167> (дата обращения: 13.07.2023).

<sup>8</sup> European Commission (2022) Measuring Digital Skills across the EU: Digital Skills Indicator 2.0. URL: <https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/inspiration/resources/digital-skills-indicator-20-measuring-digital-skills-across-eu> (дата обращения: 13.07.2023).

проведенный коллективом ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в 2022 и 2024 гг. [Кузина и др., 2023; Попов, 2023] с использованием обновленной методологии Евростата DigComp 2.2.

**Концептуальное введение: контуры академического поля.** Попробуем эскизно описать состояние конвенционального академического поля цифровых исследований – в том числе цифровых навыков. Базовой концептуальной рамкой рассматриваемого поля является трехуровневый подход к аналитике цифрового неравенства, которое понимается как диспропорция в распределении доступа, навыков и эффектов [Aissaoui, 2022]: 1-й уровень: различия в уровне доступа к технологиям цифровой инфраструктуры; 2-й уровень: отличия в навыках использования ресурсов цифровой инфраструктуры; 3-й уровень: разница в последствиях использования цифровой инфраструктуры, в её воздействии на пользователей.

В настоящее время повышенное внимание ученых сосредоточено на третьем разрыве. Но попытки его операционализации пока проходят процесс конвенционализации: реализованные операциональные определения не могут считаться исчерпывающими по той причине, что рассматривают положительные аспекты использования Интернета [Кузина, Попов, 2023], не уделяя внимания рискам и негативным аспектам цифровизации – интернет-зависимости, тревожным расстройствам, кибербуллингу и т.п. Помимо этого, компоненты третьего уровня цифрового неравенства пока не включены ни в одну институциональную исследовательскую методологию (ни Росстата, ни Евростата) и остаются академической исследовательской прерогативой. Поэтому адекватных инструментов исследования и баз данных по третьему уровню неравенства – в которых сочетались бы высокая концептуальная точность и методическое соответствие – в России нет.

Аналитика регионального неравенства в уровне доступа к технологиям цифровой инфраструктуры (первый уровень) в отечественных исследованиях представлена обширно (см., напр.: [Садырtdинов, 2020]). Главными его причинами в субъектах России являются экономические – стоимость подключения к сети и доходы населения [Земцов и др., 2022]. Исследования, которые фокусируются на втором уровне регионального неравенства (в данном случае за скобками оставлены аппроксимирующие исследовательские тактики, о которых писалось в начале статьи), чаще всего оперируют в терминах практик, то есть рассматривают распространение и неравное распределение конкретных действий в сети (см., напр.: [Груздева, 2020]).

Нижеследующая часть статьи посвящена анализу второго уровня регионального неравенства в более проработанном с методологической точки зрения направлении. В исследование введена апробированная методология Евростата по оценке уровня цифровых навыков. То есть акценты переносятся с конкретных практик на их группы и количество. Также предпринимается попытка объяснения причин регионального разрыва в навыках использования ресурсов цифровой инфраструктуры через анализ базовых социально-экономических характеристик. Рассчитываются показатели-ориентиры, которые могут служить базовыми индикаторами оценки цифрового разрыва второго уровня в регионах в будущем.

**Методология исследования и данные.** Эмпирической базой исследования послужили данные Росстата по форме статистического наблюдения 1-ИТ «Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» (N = около 154 000 человек в возрасте от 15 лет и старше). В основе построения выборочной совокупности – результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. Выборка – многофазная. Главное преимущество исследования Росстата – широкий географический охват респондентов – в выборочную совокупность попадают жители всех субъектов РФ (за исключением присоединенных к РФ по результатам референдумов 2022 г.), что позволяет более детально поработать с региональными сюжетами.

Уровень цифровых навыков оценивается по методике DigComp Евростата (2015), в рамках которой производится оценка компетенций работы с информацией, коммуникации, работы с ПО и выполнением рутинных практик, а также вычисление на основе

этой оценки интегрального индекса уровня цифровых навыков [Индикаторы цифровой экономики, 2022: 319]. Ключевой исследовательский метод статьи – кластерный анализ.

**Региональное цифровое неравенство второго уровня.** Проведенные ранее исследования показывают, что в России выделяются лидирующие с точки зрения формальных показателей цифровизации общества регионы, – те, в которых высока доля домохозяйств, подключенных к сети, доля пользователей, выходящих в Интернет ежедневно, а также минимальна доля жителей, которые обладают цифровыми навыками на низком уровне. Это, в частности, Москва, Мурманская область, Санкт-Петербург [Попов, Стрельцова, 2022]. Выделяются и регионы, в которых дела обстоят не так благополучно. Проблема ли это для таких субъектов? Ответ на этот вопрос зависит от того, как понимается цифровизация. В исследовательской повестке она, как и любой социологический феномен, рассматривается двояко: цифровизация несет как очевидные выгоды – развитие демократических методов взаимодействия, снижение негативной нагрузки на окружающую среду за счет разработки интеллектуальных промышленных систем, распространение информации (в том числе академических текстов) в цифровом формате [Федорова и др., 2020], – так и явные негативные последствия: рост безработицы и прекаризацию, дегуманизацию общественной жизни, цифровую сегрегацию (неравенство) [Кузнецов, 2020]. В рамках статьи цифровизация рассматривается как полноценный социальный факт. Цифровизация стала не просто правительственным проектом, но полноценным образом жизни и мышления. Если человек хочет пойти на футбольный матч высшего дивизиона России – он должен скачать себе на телефон приложение с цифровым fan-ID. Цифровизация перестала быть опцией, которую можно выбрать или от которой можно отказаться, приняв роль цифрового диссидента или неолуддита [Jones, 2013]. Она превратилась в безальтернативную реальность, в которой наиболее комфортно себя чувствуют те, кто занимает верхние позиции по шкалам неравенств трех уровней, которые рассмотрены ранее.

Кластерный анализ данных по субъектам России, сосредоточенный на втором цифровом разрыве, проведенный на данных Росстата за 2022 г.<sup>9</sup>, показывает, что российские регионы можно разделить на три группы в зависимости от степени развития цифровых навыков населения (табл. 1, рис. 2).

В первую группу (лидеры) вошли регионы с высоким уровнем развития цифровых навыков; далее следует кластер регионов (средняки), в которых население демонстрирует средние показатели развития цифровых компетенций; третий кластер (отстающие) составили регионы, которые отстают от первого и второго по основным показателям цифровой грамотности населения.

**1-й кластер** включает в себя 21 регион, где у жителей в равной мере хорошо развиты все группы навыков:

- а) навыками работы с информацией обладает в среднем 75% населения;
- б) коммуникативными навыками – в среднем 85% населения;
- в) навыками решения повседневных задач – в среднем 76% населения;
- г) навыками работы с программным обеспечением – в среднем 54% населения.

Доля обладающих общим базовым и выше уровнем цифровой грамотности в среднем составляет 48%. Подавляющее большинство населения регионов данного кластера пользуется компьютером какого-либо типа хотя бы раз в месяц – 84% (против 72% во 2-м и 3-м кластерах), Интернетом – каждый или почти каждый день (84%).

В среднем в регионах кластера 80% населения отмечает сильное положительное влияние ИКТ на жизнь: во 2-м и 3-м кластере таковых 74% и 71% соответственно. Средний размер заработной платы здесь составляет 77 598 рублей в месяц, а средний индекс

<sup>9</sup> Для анализа использовалась процедура двухэтапного кластерного анализа по переменным, характеризующим долю населения, обладающего базовым или выше уровнем цифровых навыков по группам навыков и совокупно. Модель, состоящая из трех кластеров, принята путем проверки моделей с различным количеством кластеров методом Краскела – Уоллеса, так как обладает наименьшей суммарной ошибкой.

Таблица 1

## Средние значения основных параметров построения кластерной модели, инфраструктурных и социально-экономических показателей

Параметры	1-й кластер – Лидеры	2-й кластер – Средняки	3-й кластер – Отстающие	Входит в кластерную модель	Значимые различия доли пользователей с высоким уровнем навыков по показателю (по всем регионам) <sup>1</sup>
Базовый и выше общий уровень цифровой грамотности (в % от популяции кластера)	48	37	25	+	–
Навыки работы с информацией (в % от популяции кластера)	75	67	58	+	нет
Коммуникативные навыки (в % от популяции кластера)	85	78	74	+	нет
Навыки решения повседневных задач (в % от популяции кластера)	76	66	57	+	нет
Навыки работы с программным обеспечением (в % от популяции кластера)	54	44	35	+	да
Положительная оценка влияния технологий на жизнь (в % от популяции кластера)	80	74	71	–	да
Выход в сеть каждый или почти каждый день (в % от популяции кластера)	84	78	78	–	нет
Использование ПК каждый или почти каждый день (в % от популяции кластера)	84	75	73	–	нет
Среднемесячная заработная плата в регионах кластера (в рублях)	77 598	59 239	58 582	–	да
Индекс физического объема валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости (в процентах к предыдущему году)	101, 97	100, 52	98, 82	–	да

*Примечание.* На основе результатов однофакторного дисперсионного анализа, где доля лиц с базовым и выше уровнем навыков – зависимая переменная, а факторы – остальные показатели, указанные в табл. 1.

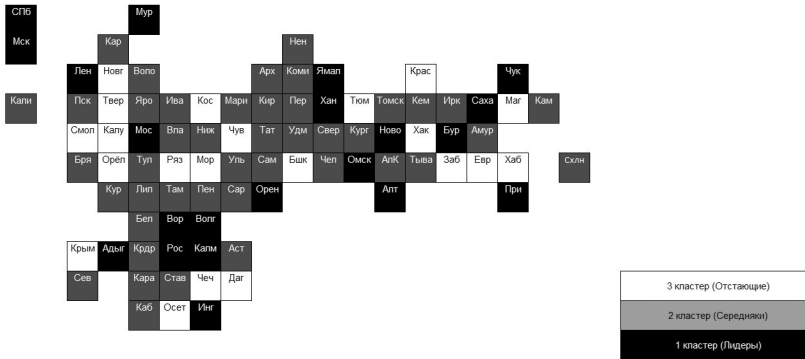
физического объема валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости – 101,97.

Лидером кластера является Омская область, в которой 70% населения обладает цифровыми навыками на базовом уровне или выше. Регион демонстрирует одно из самых сильных увеличений данного показателя – с 2019 по 2022 г. на 26 п.п. Сопоставимый с этим показатель в кластере демонстрирует только Республика Калмыкия (+27 п.п.).

**2-й кластер** – самый многочисленный и объединяет 43 региона, показатели цифровой грамотности населения которых ниже, чем в субъектах первого кластера:

- а) навыками работы с информацией обладает в среднем 67% населения;
- б) коммуникативными навыками – в среднем 78% населения;
- в) навыками решения повседневных задач – в среднем 66% населения;
- г) навыками работы с программным обеспечением – в среднем 44% населения.

В регионах кластера в среднем 37% населения обладает цифровой грамотностью на базовом уровне или выше – на 11 п.п. меньше, чем в Кластере 1. Меньше в кластере и тех, кто



**Рис. 2.** Кластеры регионов по цифровым навыкам

*Примечание.* Данные по регионам, вошедшим в состав РФ в результате референдумов 2022 г., пока не собираются Росстатом

ежедневно или почти ежедневно выходит в сеть – 78%. Средний размер заработной платы в регионах кластера составляет 59239 рублей в месяц, а средний индекс физического объема валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости – 100,52.

Лидер кластера – Томская область, в которой на 2022 г. 46% населения обладают цифровыми навыками на базовом уровне или выше, и этот показатель в регионе стабилен: с 2019 по 2022 г. его значение увеличилось на 3.п.п. Наибольшее увеличение доли таких пользователей отмечено в Ульяновской (+16 п.п.); Псковской (+13 п.п.) и Калининградской (+11 п.п.) областях, в республике Удмуртия (+12 п.п.).

- 3-й кластер** объединяет 21 регион, где цифровые навыки у жителей развиты слабее всего:
- а) навыками работы с информацией обладает в среднем 58% населения;
  - б) коммуникативными навыками – в среднем 74% населения;
  - в) навыками решения повседневных задач – в среднем 57% населения;
  - г) навыками работы с программным обеспечением – в среднем 35% населения.

Доля тех, у кого цифровая грамотность развита до базового уровня или выше, в регионах кластера в среднем равняется 25% – на 12 п.п. ниже по сравнению со вторым и на 23 п.п. ниже по сравнению с первым кластером. В регионах кластера в среднем 78% населения каждый или почти каждый день выходит в сеть. В то же время 4% населения использует смартфон реже одного раза в три месяца, а 17% никогда не пользовались компьютером (для сравнения – в 1-м кластере только 10% населения регионов никогда не пользовались ПК).

Лидером кластера является Костромская область, в которой 32% жителей обладают цифровыми навыками на базовом уровне или выше. По этому показателю регион демонстрирует стабильность – с 2019 по 2022 г. он вырос на 3.п.п. Наибольший рост в рамках кластера характерен для Чеченской республики (+14 п.п.), а наибольшее падение – для Республики Северная Осетия (–18 п.п.). Средний размер заработной платы в регионах составляет 58582 рубля, а средний индекс физического объема валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости – 98,82.

**Методологическая рефлексия.** Компиляция основных итогов проведенного анализа (табл. 1) позволяет сформулировать совокупные результаты исследования цифрового разрыва второго уровня (в навыках) на региональном уровне в России.

Обнаружено влияние экономических факторов на уровень цифровой грамотности в регионах: люди обладают более высоким уровнем цифровых навыков в тех субъектах,



где выше средний индекс физического объема ВРП и валовой добавленной стоимости, а также выше средний размер заработной платы. Подобные выводы отечественные исследователи делают и в контексте изучения первого уровня регионального цифрового неравенства [Земцов и др., 2022].

Зафиксировано влияние ценностной компоненты на цифровую грамотность: уровень цифровых навыков выше у жителей регионов, где население более положительно оценивает влияние цифровых технологий на их жизнь.

На региональном уровне общая степень развития цифровых навыков населения сильнее всего зависит от того, насколько развиты его навыки работы с программным обеспечением.

Выявлены аналитические границы, которые позволяют очертить список субъектов, где население сильнее включено в процесс цифровизации, и тех, где слабее. Это помогает количественно оценить основные параметры регионального цифрового неравенства второго типа. Ориентирами в контексте цифровой грамотности на уровне регионов предлагается считать средние показатели второго кластера (табл. 1).

Необходимо отметить и основные ограничения исследования. Так в кластерную модель были включены только переменные, характеризующие второй уровень цифрового неравенства, – в навыках использования цифровой инфраструктуры. Обнаруженные связи между дополнительными переменными (экономическими и инфраструктурными) показывают, что для будущих исследований было бы вполне плодотворной тактикой включение в статистические модели этих показателей.

Важно уточнить специфику методологии сбора анализируемых данных: Росстат использует самооценку респондентами их уровня навыков. При сопоставлении этих данных с данными, собиравшимися по методологиям, применяющим внешние оценочные методики, может обнаруживаться существенное расхождение. Кроме того, при динамическом рассмотрении данных Росстата может обнаруживаться их неустойчивость – значения показателей могут заметно различаться в связи с изменением формулировок вопросов в разные годы проведения опроса, что, в свою очередь, приводит к различию моделей, выстраиваемых по базам данных разных годов.

**Заключение.** Описанное исследование является первым шагом на пути к построению систематического подхода к анализу цифрового неравенства в регионах России – подхода, основанного на апробированных методологических инструментах, а не аппроксимации, позволяющего очертить границы неравенства второго типа, определить лидеров и отстающих среди регионов России. В дальнейшем этот подход может использоваться исследовательским сообществом и органами государственного или муниципального управления (например, применение ориентиров, которые были предложены в статье, для оценки уровня цифровых компетенций в региональной политике). Следующим шагом в данном направлении видится подключение к анализу иных уровней цифрового неравенства – первого (различия в доступе к ресурсам цифровой инфраструктуры) и третьего (различия в конвертации цифровых навыков и доступа к цифровой инфраструктуре в офлайн-выгоды).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. Социология. Этнология. № 2. С. 51–74.
- Гасликова И.Р., Гохберг Л.М. Информационные технологии в России. М.: ЦИСН, 2001.
- Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагмедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72.
- Груздева М.А. Цифровые навыки и бонусы использования цифровых услуг: признаки территориальной асимметрии // Human Progress. 2020. Т. 6. № 4. С 1–12.

- Дмитриев Я.В., Алябин И.А и др. Развитие цифровых навыков у студентов вузов: де-юре vs де-факто // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 2. С. 59–79.
- Земцов С.П., Демидова К.В., Кичаев Д.Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 57–78.
- Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ. 2022.
- Кузина Л.С., Попов Е.В. Реальные преимущества виртуального мира // Экспресс информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/839773040.html> (дата обращения: 01.06.2023).
- Кузина Л.С., Попов Е.В., Щербаков Р.А. Почти все домохозяйства в России выходят в сеть на высоких скоростях // Экспресс информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/828416272.html> (дата обращения: 01.06.2023).
- Кузнецов Н.В. Всеобщая цифровизация и социальные риски // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 10 (87). С. 42–47.
- Попов Е.В. Как пандемия повлияла на уровень цифровых навыков россиян // Экспресс информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/704025190.html> (дата обращения: 01.06.2023).
- Попов Е.В. Особенности измерения цифровой грамотности в России // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 51–61.
- Попов Е.В., Стрельцова Е.А. Цифровые навыки населения в регионах // Экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/767681612.html> (дата обращения: 29.08.2023).
- Прохоров П.Э. Статистическая оценка развития цифровых навыков занятого населения в Российской Федерации // Статистика и экономика. 2022. Т. 19. № 3. С. 25–38.
- Садырtdинов Р.Р. Уровень цифровизации регионов России // Вестник Челябинского госун-та. 2020. № 10(444). С. 230–235.
- Статистика информационного общества в России: гармонизация с международными стандартами / Под ред. Л.М. Гохберга, П. Бох-Нильсена. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
- Федорова Н.В., Минченкова О.Ю., Макеева В.Г. Возможности и риски цифровизации экономики и общества // Наука и искусство управления. 2020. № 3/4. С. 25–37.
- Федосеева С.С., Глезман Л.В., Елькин С.А. Цифровая грамотность населения как основа развития цифровой экономики в России и регионах // Управленческий учет. 2022. № 11–3. С. 948–955.
- Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: ФРИ, 2013.
- Aissaoui N. The digital divide: a literature review and some directions for future research in light of COVID-19 // Global Knowledge, Memory and Communication. No. 8/9. P. 686–708.
- Gil-Garcia J.R., Helbig N.C., Ferro E. Is it only about internet access? An empirical test of a multidimensional digital divide // Electronic Government, Proceedings. 2006. P. 139–149.
- Hargittai E., Hinnant A. Digital inequality: Differences in young adults' use of the internet // Communication Research. 2008. No. 5. P. 602–621.
- Jones S.E. Against technology: From the Luddites to neo-Luddism. N. Y.: Routledge. 2013.
- Prensky M. "Digital Natives, Digital Immigrants Part 1" // On the Horizon. 2001. Vol. 9 No. 5. P. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

Статья поступила: 09.01.24. Финальная версия: 20.06.24. Принята к публикации: 25.06.24.

## THE REGIONAL DIMENSION OF DIGITAL SKILLS RESEARCH

POPOV E.V.

*HSE University, Russia*

*Evgeniy V. POPOV, Cand. Sci. (Sociol.), Lecturer of the Department of Sociology, junior researcher of the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University, Moscow, Russia (epopov@hse.ru).*

**Acknowledgements.** The article is based on the study funded by the Basic Research Program of the HSE University.

**Abstract.** The main research problem underlying the article is the bias in the results of analysing the level of digital skills when approximating variables are used. It is noted that this strategy is common in the Russian digitalisation researchers academic community. Instead of the approximating tactic, the article uses the established methodology of calculating the level of digital literacy by Eurostat used until the year 2021. The empirical basis of the study is Rosstat data. By analysing it the author demonstrates the differentiation of the Russian regions by key components of the digital literacy level: information and communication competences, the ability to solve everyday tasks and the ability to work with software. The cluster model developed in the course of the analysis allowed to identify three groups of regions differing in these components: leaders (21 regions), middle-ranking regions (43 regions) and lagging behind (21 regions). The leading regions include the Omsk and Murmansk Regions and the city of Moscow, while the lagging regions include the Republic of North Ossetia, the Magadan and Jewish Autonomous Regions. It was revealed that the overall level of digital literacy in the regions is influenced by economic indicators: the average index of the physical volume of GRP, the average size of wages, as well as the value component – a positive assessment of the impact of digital technologies on life in particular.

**Keywords:** regional statistics, digital skills, Rosstat, DigComp.

## REFERENCES

- Abdrahmanova G.I., Vasilkovskiy S.A. (eds) (2022) *Indicators of the Digital Economy: 2022: Statistical Collection*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Aissaoui N. (2022) The digital divide: a literature review and some directions for future research in light of COVID-19. *Global Knowledge, Memory and Communication*. No. 8/9: 686–708.
- Dmitriev Ya.V., Alyabin I.A. et al. (2021) Development of Digital Skills among University Students: De Jure vs De Facto. *University Management: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis]. No. 2: 59–79. (In Russ.)
- Fedorova N.V., Minchenkova O. Yu., Makeeva V.G. (2020). Possibilities and risks of digitalization of the economy and society. *Nauka i iskusstvo upravleniya* [Science and art of management]. No. (3/4): 25–37. (In Russ.)
- Fedoseeva S.S., Glezman L.V., Yelkin S.A. (2022) Digital literacy of the population as the basis for the development of digital economy in Russia and the regions. *Upravlencheskii uchet* [Management Accounting]. No. 11: 948–955.
- Gaslikova I.R., Gokhberg L.M. (2001) *Informational technologies in Russia*. Moscow: TSISN. (In Russ.)
- Gil-Garcia J.R., Helbig N.C., Ferro E. (2006) Is it only about internet access? An empirical test of a multidimensional digital divide. *Electronic Government, Proceedings*: 139–149.
- Gladkova A.A., Garifullin V.Z., Ragnhedda M. (2019) Model of three levels of digital inequality: current opportunities and limitations (on the example of the study of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10. Journalism]. No. 4: 41–72. (In Russ.)
- Gokhberg L.M., Bokh-Nilsen P. (eds) (2007) *Statistics of the Information Society in Russia: Harmonization with International Standards*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Gruzdeva M.A. (2020) Digital Skills and Benefits of Using Digital Services: Signs of Territorial Asymmetry. *Human Progress*. [Human Progress]. No. 4: 1–12. (In Russ.)
- Hargittai E., Hinnant A. (2008) Digital inequality: Differences in young adults' use of the internet. *Communication Research*. No. 5: 602–621.
- Jones S.E. (2013) *Against technology: From the Luddites to neo-Luddism*. New York: Routledge.
- Kuzina L.S., Popov E.V. (2023) Real benefits of the virtual world. In: *Express Information ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/839773040.html> (accessed 26.04.2024). (In Russ.)

- Kuzina L.S., Popov E.V., Shcherbakov R.A. (2023) Almost All Households in Russia Connect to the Network at High Speeds. In: *Express Information ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/828416272.html> (accessed 01.06.2023). (In Russ.)
- Kuznetsov N.V. (2020). Universal digitalization and social risks. *Obshestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. No. 10: 42–47. (In Russ.)
- Popov E.V. (2022) How the Pandemic Has Affected the Level of Digital Skills of Russians. In: *Express Information ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/704025190.html> (accessed 01.06.2023). (In Russ.)
- Popov E.V. (2023) Features of Measuring Digital Literacy in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological Studies.]. No. 11: 51–61. (In Russ.)
- Popov E.V., Strel'tsova E.A. (2022) Digital Skills of the Population in Regions. In: *Express Information ISSEK HSE*. URL: <https://issek.hse.ru/news/767681612.html> (accessed 29.08.2023). (In Russ.)
- Prensky M. (2001) "Digital Natives, Digital Immigrants Part 1". *On the Horizon*. Vol. 9 No. 5: 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.
- Prokhorov P.E. (2022) Statistical Assessment of the Development of Digital Skills of the Employed Population in the Russian Federation. *Statistika i ekonomika*. [Statistics and Economics.]. No. 3: 25–38. (In Russ.)
- Sadyrtidinov R.R. (2020) The level of digitalization of Russian regions. *Vestnik Chelyabinskogo gosun-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 10(444): 230–235.
- Soldatova G.U., Nestik T.A. (eds) (2013) *Digital Competence of Adolescents and Parents. Results of the All-Russian Study*. Moscow: FRI. (In Russ.)
- Varlamova Yu.A. (2022) The Intergenerational Digital Divide in Russia. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russian. Sociology. Ethnology]. No. 2: 51–74. (In Russ.)
- Zemtsov S.P.P., Demidova K.V., Kichaev D. Yu. (2022) Internet distribution and interregional digital inequality in Russia: trends, factors and impact of the pandemic. *Baltiiskii region* [Baltic Region]. No. 4: 57–78. (In Russ.)

Received: 09.01.24. Final version: 20.06.24. Accepted: 25.06.24.

С.Д. САВИН

## КРИЗИСНО-СТАБИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

---

САВИН Сергей Дмитриевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия (ssd\_sav@mail.ru).

---

**Аннотация.** В статье ставится вопрос о связи направленности общественных изменений с динамикой массового сознания. Цикличность общественного развития предполагает переход через кризисно-стабилизационные фазы, которые по-разному отражаются в интенциях массового сознания. Выделяются различные виды массового сознания в зависимости от его направленности на перемены или устои, развитие или кризис, социальную активность или пассивность. Анализируется роль стабилизационного сознания в условиях социальных изменений и системных вызовов. Показано, что стабилизационное сознание может играть важную амортизирующую роль в кризисные периоды. На материалах мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН и других социологических центров дается анализ кризисно-стабилизационной динамики массового сознания российского общества. Делается вывод о том, что в российском обществе уже более двух десятилетий доминирующим типом массового сознания выступает стабилизационное, но колебания его параметров то сближают его с кризисным сознанием, то приближают к сознанию развития. Такие циклы характерны для общества травмы или общества с низким уровнем стабильности без определенной траектории развития.

**Ключевые слова:** массовое сознание • стабилизационное сознание • кризис • общественная динамика • социальная напряженность • социальное настроение

DOI: 10.31857/S0132162524060071

**Введение.** Категория «массовое сознание» активно используется в современных социальных науках, а в отечественной социологии имеет богатую традицию разработки самих концептуальных основ его изучения [Уледов, 1963; Грушин, 1987; Горшков, 1988]. Исследования массового сознания сосредотачиваются на анализе социального настроения как комплексной характеристики оценки населением социальных процессов и собственного благополучия [Мерсиянова, Брюшно, 2023: 29–30]. Теоретико-методологические основы такого анализа с выделением индикаторов были заложены Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко, рассматривавшими социальное настроение как многоуровневую систему социальных оценок [Тощенко, Харченко, 1996].

Важно отметить, что социальное настроение как социально-психологическая составляющая массового сознания имеет выраженную направленность по дихотомической шкале социального оптимизма и пессимизма. В связи с этим многие авторы выделяют кластеры населения, которые выражают свое отношение к социальной действительности и собственное желание или нежелание участвовать в различных формах общественной жизни с учетом выраженности их оптимистических/пессимистических оценок и взглядов на жизнь [Мерсиянова, 2023: 35–36].

Следует также подчеркнуть, что выявленные эмпирические связи относительно более оптимистически настроенных людей показывают их более высокий потенциал гражданской активности. Но согласно выводу Т.А. Нестика, социальный оптимизм – это только потенциал общественной консолидации, который может не воплотиться в жизнь, если его не раскрыть при помощи системных мер, направленных на укрепление

уверенности людей в своей способности влиять на происходящие события [Нестик, 2023]. Существует парадокс социального оптимизма в условиях кризиса, который будет рассмотрен ниже.

Несмотря на имеющуюся детальную операционализацию категории социального настроения и регулярные мониторинговые исследования ведущих социологических центров в России, ощущается недостаток теоретического инструментария для анализа динамики массового сознания. В статье предпринята попытка предложить типологию массового сознания, которая бы позволяла определять связь его направленности и социальных изменений, – кризисных и стабилизационных.

#### **Концептуальные основы связи массового сознания и общественной динамики.**

Динамика массового сознания двойственным образом связана с социальными изменениями. С одной стороны, оно отражает реакцию на происходящие изменения, с другой – во многом их предопределяет, создает общественные настроения за или против перемен. Как отмечал О.Н. Яницкий, в истории человечества мы видим, что между «устоями» и «переменами» всегда шла непрерывная борьба [Яницкий, 2017: 21]. Любой эволюционный процесс выражен чередой смен оппозиционных качеств – состояний стабильности и нестабильности системы и соответствующих фазовых переходов стабилизации и дестабилизации. В силу их разнонаправленности и в массовом сознании циклично меняются интенции к условному порядку и к переменам, нарастает ощущение кризиса и безысходности или, напротив, энтузиазма и веры в будущее.

Таким образом, в условиях изменяющегося общества особое значение имеет кризисно-стабилизационная динамика массового сознания, связанная не только с текущей реакцией на происходящие события, опасности и угрозы, но и с более устойчивыми его интенциями, ожиданиями, ориентирами, направленными на общественные процессы. В связи с этим важно рассмотреть роль разных типов массового сознания в трансформационных процессах. Ожидания относительно ситуации в обществе имеют: 1) *социально-психологическую составляющую* (совокупность различных настроений и чувств его представителей, которые зависят от повестки дня, текущей социально-политической и экономической ситуации, оценки общей духовной атмосферы в обществе, чувств социального доверия/недоверия); 2) *ценностно-смысловую* (оценка пути развития общества как правильного/неправильного, патриотизм или безразличие/враждебность, сила или слабость коллективных идентичностей различного уровня от семейной до национальной или цивилизационной); 3) *нормативно-поведенческую* (активность или пассивность, участие/неучастие, включенность в повестку дня или отстраненность от общественно-политических процессов).

На основании устойчивых элементов массового сознания, связанных с глубинными системами социальных представлений, можно выделить четыре типа массового сознания: *кризисное, катастрофическое, стабилизационное и сознание развития*. Их выделение происходит по дихотомическому принципу противоположных взглядов и настроений людей, которые закономерно приводят к противоположным результатам общественной жизни/направленности динамики изменений. При этом данные типы сознания имеют парную связанность: катастрофическое сознание может рассматриваться как крайняя форма кризисного сознания, а сознание развития как возникающая после стабилизационной фазы интенция перемен. Эта связанность в данном случае означает связь по совокупности негативных или позитивных оценок социальной действительности. Переход к катастрофическому типу сознания скорее всего невозможен без этапа кризисного сознания, а формирование сознания развития предполагает его вызревание в период доминирования стабилизационного сознания. Сознание развития может как противостоять надвигающемуся кризису, так и являться фазой продуманной модернизации, устойчивого развития на основе стабильности. В целом их соотношение обеспечивает общую кризисно-стабилизационную динамику общества, поскольку массовое сознание консервативно по своей природе в силу преобладающего конформистского элемента социума. Но это

не исключает отдельные исторические периоды, которые могут характеризоваться как модернизационные рывки или, напротив, как катастрофы системного распада.

Дадим краткую характеристику указанным типам массового сознания. Для *кризисного сознания* свойственны в социально-психологическом плане негативизм и пессимизм, эмоциональная нестабильность, тревожность, низкий уровень социального доверия. В смысловом плане для него характерны представления о тупиковом пути развития общества, нарастании кризиса и общем ухудшении жизни и жизненных перспектив. Нарастает также ощущение социальной напряженности, чувства небезопасности. Образа будущего нет, есть только представление об ухудшающемся настоящем. Отсюда в поведенческом плане низкий горизонт планирования, атомизация и идентификация с малыми группами для поиска адаптационных возможностей [Смирнова, 2015: 55]. Преобладают семейная, поселенческая, религиозная, этническая идентичности. Для такого сознания характерен высокий уровень ксенофобии, интолерантность, размытость моральных норм, низкий уровень политического участия и гражданской активности. Как известно, кризисы могут носить и затяжной характер, тем самым формируя некоторую перманентность кризисного сознания в обществе [Рассказов, Бадмаева, 2018: 51].

*Катастрофическое сознание*, соответственно, усиливает негативизм массового сознания до предела. Оно связано с представлениями о неизбежности катастрофы или ее непосредственным переживанием. Отсюда алармизм и фатализм, эсхатологизм, безысходность, эмоциональная подавленность или агрессивность, распространенность слухов, теорий заговора, предрасположенность к массовой панике, высокий уровень социального недоверия. В исследовательском проекте под руководством В.Н. Шубкина под катастрофическим сознанием понималось наличие в нем массовых страхов и тревог с нарастающим ощущением беспомощности перед возможной грядущей катастрофой самого разного масштаба и вида [Иванова, Шубкин, 2005]. Образ будущего представлен в черных тонах, распространяются представления о гибели общества, отсутствии будущего как такового. В отличие от кризисного сознания нет внятных представлений и о настоящем, распространен уход в прошлое. Преобладают жизнь текущим днем, миграционные установки, anomia моральных норм, узкогрупповая идентичность, сектантство, преступные сообщества, военизированные группировки. В поведенческом плане – избегание опасностей или, напротив, авантюризм и отсутствие барьеров риска. Подобное сознание катастроф хорошо описал Питирим Сорокин на многочисленных примерах в книге «Человек и общество в условиях бедствий» [Сорокин, 2012]. Интенция катастрофического сознания, как правило, краткосрочна, связана с действительно страшными периодами гибели государств, массовой смертности в результате нашествий, эпидемий, стихийных бедствий. Накопленное катастрофическое сознание имеет особенность неожиданно выплескиваться, становясь важнейшим фактором поведения людей [Астафьев, 2023: 26]. Общей чертой кризисного и катастрофического сознания является ощущение собственного бессилия перед обстоятельствами [Hentrup, 2010: 4].

Для *стабилизационного сознания* типичен умеренный оптимизм как надежда на будущее, эмоциональное спокойствие, конформизм, высокая степень удовлетворенности жизнью в целом, средний уровень обобщенного доверия. Среди типичных черт такого типа массового сознания можно отметить активные поиски национальной идентичности, патриотизм, относительную закрытость, но не ксенофобию, мобилизованное политическое участие и средний уровень гражданской активности, средний горизонт планирования; сам образ будущего размыт, но притягателен. При этом налицо идеализированное прошлое и в целом неплохое настоящее, сознание силы и вера в удачу, осторожное отношение к переменам, востребованность типа лидера-отца нации, защитника. Стабилизационное сознание заложено в самой природе человека как стремление к экзистенциальной безопасности, обусловленной порядком, привычкой, повторяемостью, стандартизацией, предсказуемостью [Штомпка, 2001: 9–10]. То есть повседневностью, которая является для человека привычной, само собой разумеющейся. Тем самым оно снижает

тревожность от происходящих событий [Паутова, 2006: 147]. Роль стабилизационного сознания для поддержания стабильности заключается в том, что в межфазовые периоды циклов социальной динамики данное свойство массового сознания выполняет страховочную функцию – при резком нарастании перемен является консервативно-сдерживающим элементом, а при ситуации депрессивного затухания динамики или разрастания кризиса выстраивает ориентир на стабилизацию как устойчивое развитие. Поэтому ошибочно думать, что стабилизационное сознание ориентировано только на неизменность, законсервированность.

От стабилизационного сознания возможен переход к сознанию *развития*, когда большинство не боится перемен, рассматривая их как изменения к лучшему. Ориентация на устойчивое развитие при таком типе сознания отличается от стабилизационного тем, что развитие мыслится как самостоятельная идея. Сознание развития представляет собой отражение периода духовного подъема в обществе. Оно направлено на поиск путей общественного развития, а в широком ключе – общественной модернизации. И здесь важно отметить массовые представления о том, что фундамент такой модернизации уже существует, имеется вера в потенциал развития. Основаниями такой веры могут быть успешные шаги по решению социальных проблем, преодоление системных вызовов и угроз, победы, пройденный этап общественной стабилизации, экономические успехи, международное признание и др. Как факторы они не обязательно должны присутствовать все, но выделяют ключевые, которые обуславливают переход к новому состоянию массового сознания.

Индикатором указанного перехода является фиксация того, что образ будущего в обществе сложился как конкретные цели, подкрепленные идейно-ценностным содержанием. При этом сформирован «долгий взгляд», предполагающий длительные горизонты жизненного планирования и ожиданий от будущего. Преобладает вера в науку и прогресс. Эмоциональный фон в обществе на подъеме, присутствует массовый энтузиазм, развита достижительная мотивация, высок уровень социального доверия. Происходит рождение новых идентичностей, набирают популярность новые движения. Наблюдается высокий уровень гражданского и политического участия, общественной консолидации.

Описанные общие черты сознания развития не должны создавать представление об утопичности данной интенции массового сознания. Примеры модернизационных рывков разных стран свидетельствуют о том, что массовое сознание созревало не просто до принятия перемен, но и поддерживало «путь вперед». В то же время данная направленность вряд ли способна преобладать в обществе долгое время. Она исторически ограничена циклами общественной динамики с периодическими кризисными явлениями, а также указанной доминантой конформизма массового поведения. В связи с этим более распространенным типом массового сознания является сознание стабилизационное.

#### **Стабилизационное сознание в обществе травмы: методика и эмпирическая база.**

Если условно разделить массовое сознание по 10-балльной шкале социального оптимизма, то в интервале от 1 до 2 баллов будет катастрофическое сознание, от 3 до 5 баллов – кризисное, от 6 до 8 баллов – стабилизационное и от 9 до 10 баллов – сознание развития. Естественно, нормально функционирующая система редко приближается к крайним значениям. Это касается и массового сознания, которое склонно демонстрировать чувство умеренного оптимизма, тяготеет к стабильности и безопасности.

Стабилизационное сознание по природе двойственно, его консервативные установки несут в то же время и антикризисный характер с требованиями изменений, и бояться больших перемен. Сама по себе стабильность часто описывается как искомая цель социального развития и основа порядка. Значит, и ее ценность выше в долгосрочных жизненных ориентациях большинства людей. Кроме того, ориентация на стабильность в массовом сознании является естественным запросом в так называемых обществах травмы, характеризующихся длительной неопределенной, турбулентной трансформацией [Тощенко, 2020: 39]. Стабилизационное сознание в этих условиях сближается с сознанием развития и умеренных целенаправленных перемен, противостоя кризисному сознанию



и моральной деградации. Такая травматическая ситуация ярко проявила себя в российском обществе в период коронавирусной пандемии 2020–2021 гг., при которой стресс массового сознания от ограничений социальной деятельности и неопределенности будущего привел к смешению ожиданий стабильности как возвращения к нормальности и ожиданий социально-ориентированных изменений государственной политики.

Низкая стабильность общества травмы приводит к сосуществованию кризисного и стабилизационного сознания, их противоборству. Массовое сознание, подверженное манипулятивным воздействиям, тоже колеблется в рамках кризисно-стабилизационной динамики. Амбивалентность сознания в обществе травмы приводит к парадоксальному смешению противоречивых ценностных ориентаций и социальных установок и вытекающему отсюда размытому образу желаемого будущего.

На примере мониторинговых исследований ФНИСЦ РАН<sup>1</sup>, а также Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (далее – ИСПИ ФНИСЦ РАН)<sup>2</sup> проследим кризисно-стабилизационную динамику массового сознания как колебания его направленности в сторону устойчивого развития общества либо ожидания разрастания кризиса. Для этих целей выделим индикаторы, определяющие, какое проявление массового сознания является стабилизационным, а какое нет.

Рассмотрим показатели направленности массового сознания по трем выделенным блокам оценок социальной действительности: социально-психологический, ценностно-смысловой и нормативно-поведенческий. Социально-психологическая атмосфера в обществе включает ряд оценок преобладающего эмоционального фона, ощущения степени социальной напряженности и уровня личностного и институционального доверия. Соответственно, от благоприятного или нет социально-психологического состояния массового сознания будет напрямую вытекать и его характер – от катастрофического до оптимистического (сознание развития).

**Характеристика оценок россиянами психологического состояния окружающих людей.** По данным ИС ФНИСЦ РАН, в 2023 г. преобладают негативные оценки: тревожности – 49,2%, раздраженности – 12,9%, безразличия и апатии – 7,0%. По сравнению с 2021 г. заметно возросли показатели тревожности с 31 до 49%. По данным ИСПИ РАН, в 2022–2023 гг. страх перед будущим достиг пиковых значений за последние 10 лет (25–27%). Столько же – 27% опрошенных – среди основных страхов назвали угрозу ядерной войны [Как живешь, Россия?, 2023: 10]. Обобщенная картина динамики позитивных и негативных состояний за последние 10 лет по опросам СИ ФНИСЦ РАН (рис. 1) показывает устойчивое доминирование негативного психологического фона на уровне 62–65% с сильным всплеском в 2022 г. до 83% (начало СВО на Украине). Как было сказано, преобладающая эмоциональная составляющая – это тревожащая, что характеризует данный психологический фон как умеренно-негативный. Он соответствует низкому уровню стабилизационного сознания, по сути, пограничному с кризисным. Компенсируется он индивидуальными оценками собственного эмоционального состояния как умеренно-позитивного.

Следующий интегральный показатель – **общая оценка социальной напряженности в российском обществе** – также относится в большей степени к социально-психологическому восприятию окружающей обстановки. Сама по себе оценка

<sup>1</sup> Эмпирической базой анализа стали данные опроса, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в марте 2023 г. (N = 2 000. Репрезентивно население страны по федеральным округам, а внутри них – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Проект «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (грант РНФ № 20-18-00505, рук. М.К. Горшков). Для анализа динамики показателей использовались опросы разных лет ИС ФНИСЦ РАН с такой же моделью выборки, численность которой в разные годы варьировала от 1 600 до 4 000 человек.

<sup>2</sup> Всероссийские опросы общественного мнения проводятся с 1992 года в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». N = 1700 в июне 2023 г.

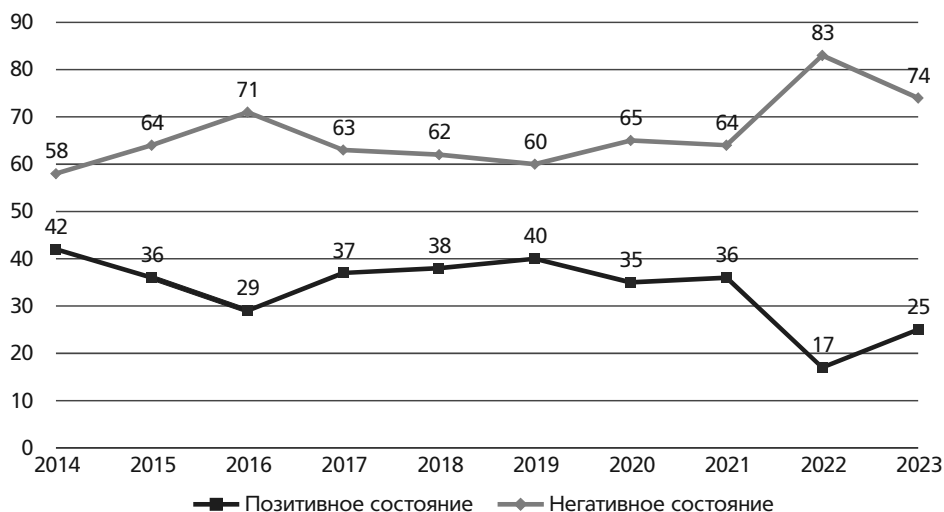


Рис. 1. Оценки россиянами преобладающего психологического состояния окружающих, 2014–2023 гг., в %

населением социальной напряженности на общероссийском уровне имеет высокие показатели на протяжении периода наблюдений. Это одно из свидетельств в целом невысокого уровня общественной стабильности, турбулентности, характерных для общества риска или общества травмы. Кроме того, графики показывают несколько всплесков и падений оценок напряженности в российском обществе. На рис. 2. видно, что они связаны с электоральными циклами. Социальная напряженность в общих оценках последовательно спадала к периоду президентских выборов 2012 и 2018 гг., стабилизировалась на несколько лет и затем начинала усиливаться. При этом электоральный рост позитивных оценок к президентским выборам 2024 г. шел от критически низкого уровня 2022 г. (13,9% оценки нормальной ситуации) и на 2023 г. составлял всего 19,0%, что сравнимо с худшими показателями предыдущих колебаний. Периоды электоральных кампаний по выборам Президента РФ сопровождаются волнами позитивных информационных сообщений в СМИ о ситуации в стране, усилением обещаний социальной поддержки, что оказывает влияние на общественное мнение. Сценарий нынешнего электорального цикла может закрепить на несколько лет восстановительную стабилизационную динамику массового сознания или внезапно прерваться в силу возможных кризисных ситуаций в условиях существующих системных вызовов. Пик усиления кризисного сознания в катастрофической форме наблюдается в периоды спадов политической активности гражданского общества. Это может быть связано с разочарованием в действенности автономного политического участия. Это видно на графиках в так называемый постболотный период 2012–2013 гг. и период 2020–2021 гг., когда катастрофичность сознанию придала ситуация пандемии.

Как отмечалось, катастрофичность массового сознания связана с фатализмом, пассивностью, разочарованием в общественных идеалах. О современном этапе говорить пока сложно в силу резких колебаний оценок по этой переменной. Интересно, что оценки катастрофичности могут расти одновременно с ростом оценок нормальности ситуации, косвенно говоря об идейном расколе в обществе. Идейно-политическая составляющая таких оценок заметна, поскольку, когда речь идет о социальной напряженности в месте проживания респондента, негативные показатели снижаются, несмотря на то, что материальное благополучие как раз оценивается на местах. Оценки социальной напряженности в регионе



Рис. 2. Динамика оценок населением общей ситуации в России, 2010–2023 гг., в %

проживания и на местном уровне устойчивы за период наблюдений с 2018 г. за исключением стрессового 2022 г. По совокупности негативных оценок (ситуация напряженная и ситуация катастрофическая) в регионе проживания наблюдаются колебания в пределах 49–52%, а в месте проживания – 39–46%. При этом оценки катастрофичности ситуации в 2023 г. упали до рекордно низких 3,0% в регионе проживания и 2,8% в месте проживания, что более чем в два раза ниже средних показателей последних лет. Соответственно, пока оценки социальной напряженности не получают высокого распространения одновременно в отношении всех территориальных уровней, говорить о переходе к критической точке социального недовольства, грани социального взрыва некорректно [Латов, 2023: 164]. Стабилизационное сознание в его социально-экономическом измерении имеет в настоящее время вид укорененного консервативного стабилизатора оценок привычной жизни россиян, их общих потребительских практик и повседневности. Пока россияне считают, что в месте их проживания «ситуация такая же, как и раньше» (49,6%), а пятая часть фиксирует в той или иной степени улучшение ситуации (20,2%). В регионах интенсивно заработали производства, пришла социальная поддержка отдельных категорий населения, выплаты участникам СВО. В то же время, учитывая зафиксированный в марте 2022 г. общий кратковременный всплеск негативных оценок социальной напряженности, нельзя исключить его повторения в случае усиления системных флуктуаций.

**Ценностно-смысловой анализ массового сознания.** Похожие интегральные показатели динамики можно отследить и по оценкам населением пути развития России. За последнее время наблюдается два консолидирующих всплеска наиболее высоких оценок правильности выбранного пути – в 2014–2015 гг. и в 2022–2023 гг. (рис. 3). В целом постоянное преобладание позитивных оценок по этому показателю, отражающее надежды большинства россиян на светлое будущее, – важный стабилизирующий механизм поддержки легитимности власти. Конечная цель пути развития остается малопонятной. Вера, что их ведут в правильном направлении, формирует ядро стабилизационного сознания. Эта характеристика стабилизационного сознания позволяет амортизировать некоторые нежелательные социальные изменения, снижать эффект социально-психологической

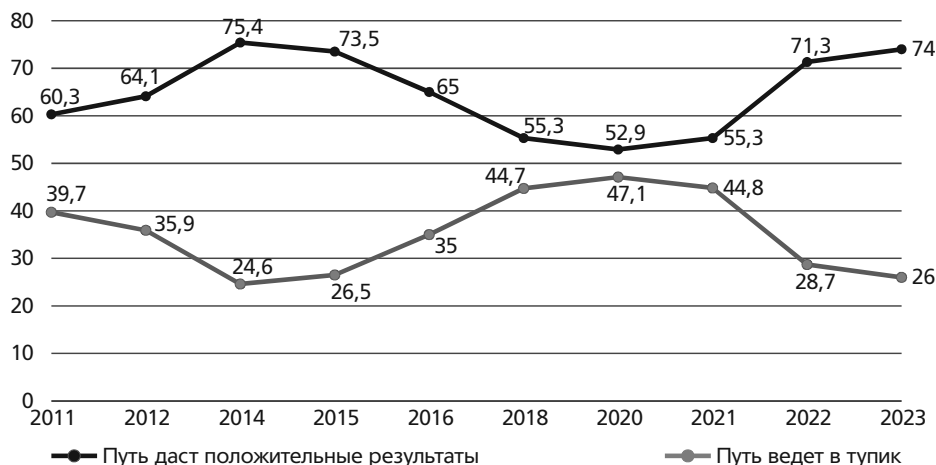


Рис. 3. Динамика оценок населением пути развития России, 2011–2023 гг., в %

напряженности в обществе. При наличии в массовом сознании установки, что основные угрозы развитию России исходят из-за рубежа (73,2% в 2023 г.), от враждебного Запада, появляется эффект мобилизационной готовности как консервативной составляющей стабилизационного сознания. На этой базе выстраивается долгосрочная легитимность политического режима.

Ценности, связанные с путем развития России, которые должны выступать своеобразными его ориентирами, несут в массовом сознании противоречивый характер. С одной стороны, в российском обществе сложились устойчивые коллективные идентичности: национальная, цивилизационная, этноконфессиональная. Они формируют представления о России как незападной цивилизации, великой державе, о патриотизме, российской ментальности. С другой стороны, индивидуализм ценностно преобладает над коллективизмом, что ярко проявляется в установках на собственный успех, семью, права личности. Приоритет индивидуальных интересов стоит выше общественных [Российское общество..., 2022: 190]. Согласно опросу ИС ФНИСЦ РАН 2023 г. такие ценности, как возможность быть полезным обществу, людям и признание, уважение со стороны окружающих приоритетны для 11,8 и 13,2% опрошенных соответственно. Указанные противоречия отражаются в том, что в массовом сознании нет понимания идеологии, формируется гибридный набор представлений о ключевых политических ценностях – свободе, равенстве, солидарности, справедливости. В зависимости от постановки вопроса россияне готовы быть левыми, правыми, умеренными центристами, даже радикалами. Они готовы соглашаться с тем, что индивидуализм и либерализм России не подходит – 64,8%, что права человека выше интересов государства – 54,6%. И также с тем, что без свободы жизнь человека теряет смысл – 64,4%. В то же время они допускают ограничения свободы слова (65,9%) и прав личности (68,2%), если они противостоят интересам государства. По данным ИСПИ ФНИСЦ РАН, несмотря на индивидуализм, рекордных показателей за период наблюдений достигла оценка желания жить при социализме (48% в 2023 г.; в 2018 г. таковых было 29% от числа опрошенных). Несмотря на широкую поддержку современного официального курса, только 4% россиян определили свои взгляды как консервативные [Как живешь, Россия?, 2023: 10, 69]. Эта амбивалентность сознания дает возможность для политического манипулирования, – еще один пример стабилизационного сознания в обществе травмы.

Для стабилизационного сознания такого типа характерны сужение горизонта предсказуемости жизни (абсолютное большинство не планирует жизнь больше, чем на полгода и не имеет на большой срок финансовых сбережений), размытость и амбивалентность

характеристик желаемого образа будущего (демократические установки сочетаются с авторитарными). В сознании россиян складывается в большей степени не образ будущего, а надежда на лучшее будущее, к которому приведет национальный лидер.

**Нормативно-поведенческие установки на общественную жизнь.** От того, готовы ли граждане участвовать в общественно-политической жизни, с кем и на каких основаниях они согласны консолидироваться, зависит субъектность общества – сила гражданского общества или, напротив, общества мобилизационного типа. Консолидация начинается с социального доверия. Уровень генерализованного доверия (институционального и к незнакомым людям) в современном российском обществе невысок, но в целом выполняет стабилизационную функцию. Стабилизация достигается за счет, во-первых, сбалансированности и устойчивости доверия к социально-политическим институтам (верховой власти, силовым институтам и отчасти региональной власти) и ближайшему кругу (семья, родственники, друзья) [Каравай, 2022: 140]. Во-вторых, за счет постепенной консолидации общества через участие в деятельности общественных организаций (волонтерских, молодежных, патриотических и др.). Эта доля невысока, но деятельность таких организаций широко освещается в СМИ, вызывая эффект консолидации без широкой вовлеченности. Параметры социального доверия в российском обществе способствуют уменьшению уровня беспокойства по поводу негативных жизненных обстоятельств, выполняя защитную функцию в кризисных условиях [Фабрикант, 2023: 131].

Как отмечалось выше, индивидуальные интересы россиян по значимости преобладают над общественными. Кроме того, устойчиво доминирует доля граждан (около 70% последние 20 лет), которые считают, что обычные люди не могут повлиять на политические процессы в стране [Как живешь, Россия?, 2023: 30]. И это, в свою очередь, обуславливает низкую общественную консолидацию и низкую готовность к политическому и гражданскому участию. 9,8% опрошенных регулярно общаются с людьми, которых можно назвать единомышленниками. Соответственно, по этим показателям стабилизационное массовое сознание характеризуется на данном этапе низким уровнем, что обусловлено желанием сохранить привычные практики жизни и избежать системных потрясений. Растет и доминирует доля тех, кто выступает за условную стабильность и против перемен. Так, согласно опросу ИС ФНИСЦ РАН, в 2023 г. 61,8% респондентов ответили, что «страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены». В 2018 г. 57% россиян выражали готовность к переменам в стране.

**Заключение.** Намеченные контуры системной динамики массового сознания в их соотношении с циклами общественного развития носят предварительный характер. Требуется более глубокая операционализация понятий кризисного и катастрофического сознания, сознания стабилизационного и сознания развития. В современной теоретической рефлексии «кризисность» объявлена перманентной характеристикой социальной структуры, формой социального порядка, реакцией на заложенные в нем риски. Это принципиально новая интерпретация социального порядка, сочетающая норму и аномию [Kravchenko, 2018: 200]. В науке и в практическом менеджменте распространяется представление о перманентной кризисной социальности [Катерный, 2023: 18]. Ни одну из социальных проблем нельзя больше изолировать, они простираются из одной сферы в другие, вовлеченные в собственную дисфункцию, в результате чего мир чувствует себя запутавшимся в перекрывающихся и пересекающихся кризисах.

Но кризисность современного мира, хотя находит отражение в научной теоретической рефлексии и управлении, отнюдь не доминирует в массовом сознании. Оно, как показывают мониторинговые социологические исследования, запаздывает от кризисных событий; его состояние во многом обусловлено воздействием средств массовой коммуникации. Парадокс в том, что перманентная кризисность вызывает к жизни перманентное стабилизационное сознание. В цифровую эпоху массовое сознание все больше становится объектом воздействия. В российской политике поддержание и укрепление стабилизационного сознания – важнейшая задача власти, поскольку оно поддерживает

легитимность власти общим доверием к ней и верой в ее силу и возможности. Помимо формируемых в процессе массовой коммуникации социальных представлений и оценок действительности в позитивном ключе, существует естественная психологическая защитная реакция на кризис. Как показывают современные психологические исследования массового сознания, социальный оптимизм выступает важнейшим защитным механизмом [Нестик, 2023]. Социальное доверие способствует уменьшению уровня беспокойства в отношении наступления негативных жизненных обстоятельств.

Характеризуя динамику массового сознания в рамках представленной типологии, необходимо подчеркнуть, что обществу травмы трудно перейти к устойчивому сознанию развития. Нерешенные проблемы исторического развития, сохраняющиеся травмы памяти, социальные расколы не дают общественному сознанию выработать консолидированную позицию: «кто мы» и «куда идем». На примере российского общества мы видим цикличность, когда примерно раз в десять лет показатели направленности массового сознания демонстрируют повышение интенции к переменам, гражданской активности и активизации духовной жизни. Такой подъем наблюдался в России в допандемийный период 2017–2019 гг. [Петухов, 2018]. В настоящее время после череды кризисных вызовов динамика массового сознания качнулась в защитную стабилизационную фазу, ставя барьеры от скатывания к кризисному сознанию. Нынешний подъем легитимности власти, социального оптимизма, веры в правильность пути развития не означает перехода к развитию. Он может быть и предпосылкой начала фазы динамики стабилизационного сознания.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьев Я.У. В.Н. Шубкин как исследователь катастрофического сознания // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 25–33. DOI: 10.31857/S013216250027364-3.
- Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988.
- Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.
- Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 22–27.
- Каравай А.В. Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 134–148. DOI: 10.52342/2587-7666VTE\_2022\_4\_134\_148.
- Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: [бюллетень] / Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Катерный И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26. DOI: 10.31857/S013216250028301-4.
- Латов Ю.В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 161–179. DOI: 10.17976/jrps/2023.06.12.
- Мерсиянова И.В., Брюхно А.С. Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 29–40.
- Нестик Т.А. Социальный оптимизм в условиях кризиса: от защитных механизмов к постановке совместных целей // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 6-й Международной конференции, 2–3 февраля 2023 г., Москва. М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2023. С. 140–145.
- Паутова Л.А. Стабилизационное сознание: интегративная модель. Омск: ОмГТУ, 2006.
- Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5.
- Рассказов Л.Д., Бадмаева М.В. Кризисное сознание российского социума в условиях общества переходного периода // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. Т. 1. № 3. С. 50–57. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-3-50-57.
- Российское общество и вызовы времени. Книга шестая, ИС ФНИСЦ РАН / Под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. М.: Весь Мир, 2022.
- Смирнова И.Н. Категория кризисного сознания: теоретические представления и практики измерения // Вестник Ивановского государственного университета. 2015. Вып. 3 (8). Филология. История. Философия. С. 52–58.

- Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Отв. ред. И.А. Федоров. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2012.
- Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.
- Тощенко Ж.Т. Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий Юга России. 2020. Том. 9. № 1. С. 30–50.
- Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз. 1963.
- Фабрикант М.С. Связь социального доверия и беспокойства о будущем в сравнительной кросс-культурной перспективе // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 120–134. DOI: 10.17759/sps.2023140408.
- Штопка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования, 2001. № 1. С. 6–16.
- Яницкий О.Н. О соотношении стабильности и мобильности глобальных систем // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 2(18). С. 30–46.
- Burgess A., Wardman J., Mythen G. Considering risk: placing the work of Ulrich Beck in context // Journal of risk research. 2018. Vol. 21. № 1. P. 1–5.
- Hentrup M., Toward a Critique of Crisis Consciousness. Thesis. University of Oregon theses, Dept. of Philosophy, M.A., 2010. URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/handle/1794/10640?show=full> (дата обращения: 01.06.2024).
- Kravchenko S.A. The development of non-linear knowledge: new risks, vulnerabilities, and hopes // RUDN Journal of Sociology. 2018 Vol. 18 (2), P. 195–207.

Статья поступила: 28.02.24. Финальная версия: 09.06.24. Принята к публикации: 15.07.24.

## CRISIS AND STABILIZATION DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN SOCIETY

SAVIN S.D.

*Institute of Sociology of the FCTAS RAS; RUDN University, Russia*

*Sergey D. SAVIN, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS; Assoc. Prof. of the RUDN Department of Sociology (ssd\_sav@mail.ru).*

**Abstract.** *The article raises the question of the connection between social changes and mass consciousness dynamics. The cyclical nature of social development involves a transition through crisis-stabilisation phases reflected in varying ways in the mass consciousness' intentions. Various types of mass consciousness are distinguished depending on the focus either on changes or conventions, development or crisis, social activity or passivity. The role of stabilisation consciousness in the context of social changes and systemic challenges is analysed. It is shown that stabilising consciousness plays a vital amortisation role during crises. The analysis of crisis and stabilisation dynamics in mass consciousness of Russian society is provided based on the materials of monitoring studies of the Institute of Sociology of the Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences and other Russian sociological centres. It is concluded that in Russian society for more than two decades the dominant type of mass consciousness has been stabilization consciousness, but fluctuations in its parameters either bring it closer to crisis consciousness or to development consciousness. Such frequent cycles are characteristic for a trauma society or a society with a low level of stability without any specific development trajectory.*

**Keywords:** mass consciousness, stabilisation consciousness, crisis, social dynamics, social tension, social mood.

## REFERENCES

- Astafyev Y.U. (2023) Vladimir Shubkin as student of catastrophic consciousness. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 25–33. DOI: 10.31857/S013216250027364-3. (In Russ.)
- Burgess A., Wardman J., Mythen G. (2018) Considering risk: placing the work of Ulrich Beck in context. *Journal of risk research*. Vol. 21. No. 1: 1–5.
- Gorshkov M.K. (1988) Public opinion: history and modernity. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Grushin B.A. (1987) Collective consciousness: defining experience and research problems. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

- Ivanova V., Shubkin V. (2005) Mass concern of Russians as an obstacle to the integration of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 22–27. (In Russ.)
- Hentrup M. (2010) *Toward a Critique of Crisis Consciousness*. Thesis. University of Oregon theses, Dept. of Philosophy, M.A. URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/handle/1794/10640?show=full> (accessed 01.06.2024).
- How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023 (2023 / Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. [et al.] – Moscow: FCTAS RAS.
- Karavay A. (2022) The Social Capital of Russian Society in the Face of External Shocks of Different Nature // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of Economic Theory]. No. 4: 134–148. (In Russ.)
- Kateryni I.V. (2023) Development of the theory of crisis in sociology: evolving ideas and modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 14–26. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2018) The development of non-linear knowledge: new risks, vulnerabilities, and hopes. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18 (2): 195–207.
- Latov Yu.V. (2023) Dynamics of mass consciousness of Russians: extraordinary situation or beginning of a new cycle? *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Political Studies]. No. 6: 161–179. (In Russ.)
- Mersianova I.V., Briukhno A.S. (2023) Russian citizens' social mood, its structure and influence on helping behaviour. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 29–40. (In Russ.)
- Pautova L.A. (2006) *Stabilization Consciousness: An Integrative Model*. Omsk: OmGTU. (In Russ.)
- Petuhov V.V. (2018) Dynamics of the social attitudes of the Russia's citizens and making of a public demand for change. *Sociologicheskie issledovaniya*. [Sociological Studies]. No. 11 (415): 40–53 (In Russ.)
- Rasskazov L.D., Badmaeva M.V. (2018) Crisis consciousness of Russian society during the transition period. *Vestnik Buryatskoy gosudarstvennoy universiteta* [Journal of Buryat State University]. Vol.1. No. 3: 50–57. (In Russ.)
- Russian society and challenges of the time. Part six*. Institute of Sociology of the FCTAS RAS (2022) // Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova. Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir». (In Russ.)
- Smirnova I.N. (2015) Category of crisis consciousness: theoretical concepts and measurement practices. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennoy universiteta* [Ivanovo State University Bulletin]. No. 3. (8): 52–58. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2012) *Man and society in calamity: The influence of war, revolution, famine, epidemic on human intelligence and behavior, social organization and cultural life* / Ed. by I.A. Fedorov. St. Petersburg: Mir. (In Russ.)
- Toschenko Zh.T., Kharchenko S.V. (1996) Social mood. Moscow, Academia. (In Russ.)
- Toschenko Zh.T. (2020) Trauma societies and their characteristics. *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the south or Russia]. Vol. 9. No.1: 30–50. (In Russ.)
- Sztompka P. Social change as trauma. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Uledov A.K. (1963) *Public Opinion of Soviet Society*. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.)
- Yanickiy O.N. (2017) On the Relationship Between Stability and Mobility of Global Systems. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 5. No. 2 (18): 30–46. (In Russ.)

Received: 28.02.24. Final version: 09.06.24. Accepted: 15.07.24.



© 2024 г.

Н.А. ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ, С.Ю. ШАРЫПОВА

## ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ: (НЕ)ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЭФФЕКТОВ

---

*ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ Наталья Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор (natnes@list.ru); ШАРЫПОВА Софья Юрьевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель (sonia.eliseeva@bk.ru). Обе – кафедра социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.*

---

**Аннотация.** В статье проверяется гипотеза о закреплении практик заботы о здоровье, реализовывавшихся россиянами во время пандемии COVID-19, в постпандемийный период. На материалах глубинных интервью с жителями трех российских мегаполисов (N = 60) показан консенсус различных социальных групп относительно значимости заботы о здоровье и его приоритета перед другими ценностями. В качестве эффекта пандемии декларируется «более внимательное отношение» к собственному здоровью, что не находит отражения в реальных поведенческих практиках. На основе панельной выборки мониторинга RLMS-HSE (Волны 27, 29 и 31) показано, что динамика практик заботы о здоровье в постпандемийный период имела разновекторную направленность. Описаны примеры опривычивания, реконфигурации и отмирания отдельных практик заботы о здоровье. Сохранение в повседневности атрибутов ряда здоровьесохранных практик «на всякий случай» свидетельствует о восприятии россиянами будущего как рискованного, а повторения ситуации пандемии – как вероятной.

**Ключевые слова:** самосохранительное поведение • забота о здоровье • повседневные практики • пандемия COVID-19

DOI: 10.31857/S0132162524060087

**Введение.** Появившаяся в 2019 г. в Китае новая коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19, быстро преодолела международные границы и уже в 2020 г. нанесла огромный социально-экономический ущерб странам во всем мире. Для предотвращения распространения инфекции Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) с февраля 2020 г. призывала граждан соблюдать меры предосторожности – носить защитные маски в общественных местах, следовать правилам личной гигиены, избегать массового скопления людей, позже – вакцинироваться<sup>1</sup>. Национальные рекомендации по профилактике

---

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-00480.

<sup>1</sup> Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-19) // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 22.03.2024).

заражения COVID-19 были приняты во многих странах и адресовались не только населению, но и работодателям, органам местного самоуправления<sup>2</sup>. Социальная реальность, характеризующаяся блокировкой мобильности, невозможностью использования привычных форм социальных интеракций, ограничением прав и свобод граждан ради обеспечения возможности противодействия пандемии, начала обозначаться термином «новая нормальность» [Manutiet al., 2022; Corpuz, 2021].

Принципиальное изменение повседневного поведения людей в период пандемии, смещение внимания субъектов управления на вопросы сохранения здоровья граждан, ускоренная адаптация социальных институтов под актуальные задачи сбережения человеческого капитала сопровождались дискуссией о длительности наблюдаемых эффектов. С одной стороны, озвучивались невозможность возврата общества к допандемийному состоянию [Leach et al., 2022], необратимая трансформация системы здравоохранения (в частности, ее масштабная цифровизация и переход на 4П-медицину) [Getachew et al., 2023], сдвиг ценностей в сторону солидарности [Schönweitz et al., 2024] и значимости человеческой жизни [Metin et al., 2023], т.е. становление новой постпандемийной нормальности. С другой, предлагалось осторожнее говорить о масштабных и длительных эффектах пандемии, обсуждать изменения лишь в отдельных сферах жизнедеятельности общества (например, здравоохранении или потребительском поведении), трактовать постковидный мир не как установление «новой», а как возврат к «старой», допандемийной «нормальности»<sup>3</sup> [Cicovacki et al., 2022]. Предметом обсуждения выступили и изменения в повседневных практиках заботы граждан о своем здоровье, связанные с ростом значимости безопасности, благополучия, самостоятельности и снижения важности гедонизма как социальных ценностей в период пандемии [Wojanowska et al., 2021]. Осмысление поведения населения в сфере здоровья после первой волны пандемии сопровождалось прогнозами о долговременных положительных сдвигах в самосохранительных установках, отказе от рискованных практик, приобщении значительной части общества к здоровому образу жизни [Guèvremont et al., 2022; Hu et al., 2022]. Однако в исследованиях, проведенных позже, фиксировался возврат населения к привычным, допандемийным поведенческим паттернам, в т.ч. рискованным [Patin et al., 2023].

Массовые опросы, проведенные в России крупными исследовательскими организациями после окончания пандемии, не позволяют сделать однозначного вывода о закреплении здоровьесохранной ориентации в поведении граждан. Так, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доля курящих россиян в 2023 г. составила 33% против 32% в 2017 г.<sup>4</sup> Доля употребляющих алкогольные напитки (раз в месяц или чаще) в 2021 г. составила 37% против 33% в 2017 г.<sup>5</sup> По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) обращаемость в медицинские учреждения в 2019 и 2023 гг. была одинаковая – 34% респондентов обращались к врачам в течение полугода, предшествующего опросу<sup>6</sup>. Согласно выборочному обследованию Росстата

<sup>2</sup> О рекомендациях для работодателей по профилактике коронавирусной инфекции на рабочих местах // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: [https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news\\_details.php?ELEMENT\\_ID=15514](https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=15514) (дата обращения: 22.03.2024).

<sup>3</sup> Asonye Ch. There's nothing new about the 'new normal'. Here's why // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/theres-nothing-new-about-this-new-normal-heres-why/> (дата обращения: 22.03.2024).

<sup>4</sup> Антитабачный закон в России: десять лет без сигарет? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/antitabachnyi-zakon-v-rossii-desjat-let-bez-sigaret> (дата обращения: 22.03.2024).

<sup>5</sup> Алкоголь на фоне пандемии // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alkogol-na-fone-pandemii> (дата обращения: 22.03.2024).

<sup>6</sup> О престиже профессии врача и доверии медикам // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14890> (дата обращения: 22.03.2024).

доля россиян с высоким уровнем приверженности принципам здорового образа жизни в 2023 г. составила 9,1%, в 2019 г. – 12%<sup>7</sup>.

**Цель, материалы и методы исследования.** Цель настоящего исследования – сопоставить повседневные практики заботы россиян о своем здоровье в «допандемийный», «пандемийный» и «постпандемийный» периоды и оценить вектор изменения данных практик.

Забота о здоровье определяется в рамках генерального подхода, принятого Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), как индивидуальные действия, направленные на поддержание и укрепление физического и ментального здоровья, профилактику заболеваний и совладание с болезнью [WHO, 2022], основанные на имеющихся знаниях, навыках, опыте и культурных традициях, и вовлекающие доступные ресурсы [Narasimhan et al., 2019]. В структуре заботы о здоровье выделяют а) здоровый стиль жизни (профилактика заболеваний), б) самонаблюдение (фиксация симптомов / проблем со здоровьем) и адекватное реагирование, в) следование рекомендациям специалистов в ситуации болезни (конкордантность) [Davis et al., 2009]. В данной работе мы фокусируемся на неспецифическом профилактическом поведении россиян, т.е. практиках, направленных на укрепление здоровья и предотвращение развития заболеваний.

Эмпирической базой исследования выступили материалы 60 личных интервью с жителями трех крупнейших городов России (Новосибирска ( $N = 24$ ), Нижнего Новгорода ( $N = 18$ ) и Перми ( $N = 18$ )), проведенные с сентября 2023 г. по февраль 2024 г. При конструировании выборки учитывались социально-демографические характеристики, определяющие вариативность практик заботы о здоровье [Shi, 1998; Folayan et al., 2023]. В целевую выборку включались мужчины и женщины в возрасте 18 лет и старше, проживающие не менее трех лет на территории проведения исследования, не занятые в сфере здравоохранения (в т.ч. не являющиеся сотрудниками лечебно-профилактических учреждений, фармацевтических предприятий и организаций) и не имеющие профильного медицинского образования (данные критерии были введены для снижения возможного влияния специализированных знаний и навыков на поведение в сфере здоровья). В выборке представлены информанты с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, состоящие и не состоящие в официально зарегистрированном браке, имеющие и не имеющие детей, работающие, учащиеся и находящиеся на пенсии. Отдельно рекрутировались информанты, репрезентирующие контингенты риска, обладающие низким уровнем адаптационного потенциала к условиям высокой санитарно-эпидемиологической напряженности – неработающие пенсионеры, работающие представители низкодородных групп ( $n = 10$ ). Применялось открытое кодирование транскриптов интервью.

В гайде<sup>8</sup> использовались два типа открытых вопросов, обеспечивавших возможность оценки динамики практик заботы информантов о своем здоровье. Во-первых, общие вопросы, предлагавшие информанту самому охарактеризовать наличие/отсутствие изменений («В последние годы изменилась для вас значимость здоровья? Вы стали больше ценить здоровье или меньше?», «Изменился ли ваш образ жизни после пандемии? Стали вы иначе относиться к своему здоровью, заботиться о нем?», «Появилось ли что-то новое в вашем образе жизни в пандемию, что есть и сейчас (что осталось)? Вместе с данными вопросами в ряде интервью использовались подталкивания «Может быть появились какие-то новые привычки?», «Вы стали как-то иначе относиться к профилактическим осмотрам, иначе питаться, заниматься спортом и пр.?». Во-вторых, вопросы о конкретных практиках заботы, задававшиеся информантам в рамках трех развиваемых в интервью сюжетов – «жизнь до пандемии», «жизнь в пандемию» и «жизнь после пандемии».

<sup>7</sup> Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. URL: <https://33.rosstat.gov.ru/folder/61245> (дата обращения: 22.03.2024).

<sup>8</sup> Полностью авторский методический инструментарий.

Для оценки динамики отдельных практик заботы о здоровье привлекались результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)<sup>9</sup>. На основе панельной выборки была сформирована подвыборка респондентов, принимавших участие в трех волнах исследования – 2018 г., Волна 27 (условный маркер «допандемийного» периода), 2020 г., Волна 29 («пандемийный» период) и 2022 г., Волна 31 («постпандемийный» период). Объем анализируемой выборки составил 6317 человек, среди них 2531 мужчин (40%) и 3786 женщин (60%). Выборочная совокупность представлена лицами с 2000 по 1924 г.р., из которых большинство на 2022 г. имеет детей (83%) и партнера, т.е. состоят в зарегистрированном браке или сожительствуют (62%). Основная доля респондентов (40%) проживает в областном центре, остальная часть – в городе (27%), селе (26%) и ПГТ (7%). Соотношение работающих и неработающих примерно одинаковое, 51 и 49% соответственно.

Анализировались ответы респондентов на вопросы, касающиеся а) медицинской активности («В течение последних трех месяцев вы показывались медицинскому работнику для прохождения профилактического осмотра, а не потому что были больны?»), б) двигательной активности («Занимались ли вы в течение последних 12 месяцев по меньшей мере 12 раз прогулочной ходьбой?», «Занимались ли вы в течение последних 12 месяцев по меньшей мере 12 раз каким-либо видом спорта?»), учитывалась также частота и продолжительность занятий, в) отказа от курения и потребления алкоголя («Вы курите в настоящее время?» и «В течение последних 30 дней вы употребляли алкогольные напитки?»).

**Парадокс заботы. Декларирование vs действие.** Анализ эмпирического материала в первом приближении показал усиление здоровьесохранной направленности повседневного поведения россиян после окончания пандемии COVID-19. Это выражалось через два декларируемых информантами тезиса – первый касался ценностных изменений («я понял, насколько важно здоровье»), второй – собственно поведения («я стал более внимательно следить за своим здоровьем»). Аргументация, приводимая в поддержку данных тезисов, связана а) с пандемией в целом («пандемия научила маленько относиться к себе, к окружающим с уважением каким-то» (жен., 44 г., замужем, 2 детей, Новосибирск)), б) с личным опытом болезни коронавирусом или опытом тяжелой болезни или смерти близких людей («я когда ковидом переболела, у меня как-то очень здоровье пошатнулось [...] что-то стала думать, что надо вот так сак как-то поддержать здоровье» (жен., 66 л., вдова, Пермь)), в) с объективными факторами, не имеющими отношения к пандемии – возрастом / старением, планированием или рождением детей («С учетом возрастных изменений, мне кажется, я стала больше обращать внимание на какие-то свои недомогания, на здоровье в целом, потому что, ну, эти изменения стали более явными» (жен., 40 л., вдова, Нижний Новгород), «У меня в этом году родился ребенок, поэтому я стал гораздо ответственнее подходить к своему здоровью» (муж., 24 г., женат, 1 ребенок, Пермь).

Признание влияния пандемии COVID-19 на общее отношение людей к своему здоровью можно считать консенсусом – информанты убежденно говорят о том, что пандемия «заставила уделять больше внимания», «изменила взгляд», «показала значимость». При описании заботы о здоровье в период пандемии проговаривается рост самосохранительной ориентации («Когда пошел активный всплеск заболеваемости, мы очень сильно себя обезопасили, старались предохраняться от возможных каких-то контактов и всего остального» (жен., 36 л., замужем, 1 ребенок, Новосибирск). Информанты упоминают весь набор рекомендованных официальными органами власти и экспертным сообществом мер профилактики заражения коронавирусом – от ношения масок и самоизоляции до вакцинации, отмечают, что следовали рекомендациям, несмотря на неудобства.

<sup>9</sup> Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 19.03.2024).

Отдельным мотивом в интервью звучал отказ от привычных способов заботы о здоровье – прогулок, занятий физической культурой и спортом в пандемию (*«Двигательной активности вообще стало в разы меньше. Я бы сказал, что она была нулевая, потому что сидишь дома, ешь и ничего не хочется (муж., 23 г., не женат, Пермь)»*). Анализ данных RLMS-HSE подтверждает спад двигательной активности россиян в 2020 г. по сравнению с 2018 г. Так, у 5,8% опрошенных, занимавшихся в 2018 г. прогулочной ходьбой, в 2020 г. отмечалась отрицательная динамика. В отношении занятий спортом аналогичные изменения фиксируются у 7,1% респондентов. Уменьшение двигательной активности связывается с ограничительными мерами (*«Я стал гораздо меньше гулять из-за того, что на улице города появились патрули полицейских и, соответственно, была введена юридическая ответственность за отдаление от места своего жительства» (муж., 23 г., не женат, Пермь)»*) и перенесенной коронавирусной инфекцией (*«...в течение болезни, которая протекала не совсем благоприятно, мне пришлось уйти из данного вида спорта [занятий в лыжной секции] на неопределенный промежуток времени» (жен., 20 л., не замужем, Новосибирск)»*).

Другим важным сюжетом в интервью стало изменение практик потребления алкоголя и курения в пандемию. С одной стороны, информанты говорили о самоограничениях, связанных как с объективными обстоятельствами (локдаун), так и с состоянием физического здоровья (*«В момент болезни я отказывался от курения, чтобы восстановить мою систему, не расшатывать ее» (муж., 20 л., не женат, Новосибирск)»*). С другой – напротив, о приобщении к вредным привычкам. Анализ данных RLMS-HSE показывает отсутствие сколько-нибудь значимых изменений в уровне приверженности россиян потреблению табака в период пандемии. Так, в 2020 г. 3,2% респондентов панельной выборки сказали, что стали меньше курить по сравнению с 2018 г., тогда как 2,4%, начали курить больше. В отношении потребления алкоголя динамика более значительная, но также разнонаправленная – 11% респондентов стали пить меньше алкоголя в 2020 г. по сравнению с 2018 г., а 8,4% – больше.

Для описания позитивных изменений в отношении к здоровью после пандемии как на индивидуальном, так и на общественном уровне информанты используют набор довольно размытых характеристик – «больше смотреть [за своим здоровьем]», «более внимательно относиться», «лучше следить [за своим здоровьем/иммунитетом/состоянием/самочувствием]», «прислушиваться [к себе, к организму]». Объяснить, в каких именно практиках проявляется более внимательное отношение к своему здоровью после пандемии, оказалось для информантов существенно более сложным, чем рассказать об изменении в собственном поведении в период пандемии (особенно – в ее «острой» фазе). Использование подталкиваний в некоторых интервью позволило выйти на отдельные конкретные практики (*«стал пить больше воды», «начала ходить пешком»*), но закрепления принципиально новых, более самосохранных моделей поведения в сфере здоровья обнаружено не было. Интересно, что подобные изменения в поведении других людей, чем-то отличающихся от информанта, артикулируются как ожидаемые: *«Я думаю, что те, кто переболел, те, обжегшись на молоке, стали дуть на воду. Безусловно, они наверняка стали серьезнее относиться к своему здоровью... поскольку я не болела, то у меня не было страха, в моем окружении никто не умирал, поэтому довольно спокойно относилась ко всему [...], жизнь вошла в свою колею» (жен., 75 лет, вдова, Новосибирск)»*.

Сопоставление ответов информантов на вопросы о различных практиках заботы о здоровье в периоды до и после пандемии позволяет говорить о фактическом отсутствии положительных изменений. Данный вывод подтверждают результаты мониторинга RLMS-HSE (табл.).

Рассматривая практики заботы россиян о своем здоровье в разрезе трех временных периодов – до пандемии, во время пандемии и после нее – можно описать их динамику в виде волны, гребень которой приходится на первый этап пандемии с введением жестких ограничительных мер и характеризуется максимальным усилением самосохранительной ориентацией поведения. Далее наблюдается «возврат к старой нормальности»,

Таблица

**Динамика практик поведения россиян в сфере здоровья**  
(панельная выборка RLMs-HSE, N = 6317, 2022 г. по сравнению с 2018 г.,  
в % от числа опрошенных)\*

Показатели	Поведенческая практика				
	курение	потребление алкоголя	прохождение профилактических осмотров	занятия прогулочной ходьбой	занятия спортом
<i>Все респонденты</i>					
Изменение в направлении самосохранения	4,3	13,3	15,0	8,7	6,9
Без изменений	92,5	77,1	71,9	84,7	84,2
Изменение в направлении саморазрушения	3,2	9,6	13,2	6,3	8,8
Общий вектор изменения **	1,1	3,7	1,8	2,4	-1,9
<i>Мужчины</i>					
Изменение в направлении самосохранения	6,7	11,4	13,7	7,9	5,9
Без изменений	88,1	77,8	74,6	87,8	84,4
Изменение в направлении саморазрушения	5,2	10,8	11,7	4,4	9,7
Общий вектор изменения	1,5	0,6	2	3,5	-3,8
<i>Женщины</i>					
Изменение в направлении самосохранения	2,7	14,7	15,8	9,3	7,7
Без изменений	95,5	76,6	70,0	83,2	84,0
Изменение в направлении саморазрушения	1,8	8,7	14,2	7,5	8,3
Общий вектор изменения	0,9	6	1,6	1,8	-0,6

*Примечания.* \* Для расчета динамики существующие переменные были преобразованы в дихотомические, которые в последующем сравнивались между собой. Если первый показатель был меньше второго, то присваивалось значение «Изменение в направлении самосохранения», если наоборот, то – «Изменение в направлении саморазрушения». Равенство показателей свидетельствовало об отсутствии изменений в динамике. \*\* Показатель рассчитывался как разница долей респондентов, изменивших свое поведение а) в сторону самосохранения и б) в сторону разрушения. Отрицательные значения показателя свидетельствуют о преобладании респондентов, изменивших свое поведение в сторону саморазрушения. Показатель не учитывает амплитуду изменений. Близость значения показателя к 0 свидетельствует о примерно равных долях респондентов, изменивших свое поведение в ту или иную сторону.

обычной привычной жизни: «Уже все сошло на нет. Уже полностью допандемийное состояние» (муж., 32 г., женат, Пермь), «На вопрос о том, повлияла ли пандемия как-то глобально на поведение в сфере здоровья: в своем окружении не вижу движений ни в одну из сторон, это прошло и все благополучно об этом забыли» (муж., 29 л., женат, Новосибирск).

**Постпандемия: опривычивание, реконфигурация и отрицание практик.** COVID-19, будучи заболеванием инфекционной природы, закономерно сказался на профилактическом гигиеническом поведении населения. Уровень приверженности протективным

практикам в первую волну пандемии среди россиян был высоким – согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в начале апреля 2020 г. 76% респондентов ограничили контакты с окружающими, 58% следили за гигиеной рук, в т.ч. использовали антисептики, 30% носили медицинскую маску<sup>10</sup>. При ответе на вопрос о том, как информанты заботились о своем здоровье в пандемию, типичным является перечисление указанных мер: «маску носил, скопления людей избегал, лишний раз на улицу не выходил, руки часто мыл» (муж., 68 л., женат, Нижний Новгород).

Анализ поведения россиян после пандемии выявил три варианта трансформации данных практик. Первый вариант – их опривычивание (хабитуализация), закрепление в «человеческой обыденности» [Бергер и др., 1995]. Сами информанты используют слово «привычка» для характеристики повседневных рутинных действий: «Это все вошло в **привычку** [...] Обработка рук и держание в сумке антисептика на данный момент стабильно присутствует в моей жизни. Также я стараюсь не касаться поручней в общественном транспорте и вообще не касаться поверхностей. Избегаю огромных скоплений людей, стараюсь соблюдать дистанцию и ни с кем не иметь плотного тактильного контакта, тем более с незнакомыми мне людьми» (жен., 20 л., не замужем, Новосибирск), «Мытье рук уже осталось тоже как **привычка**» (жен., 46 л., замужем, 2 детей, Пермь). Второй вариант – отмирание практик с сохранением их внешних атрибутов. Это сохранение может быть связано как с инертностью, замедленным реагированием человека на динамику внешней среды («И у нас, кстати, очень долго, наверное, года три, даже когда пандемия немного стихла, у нас дома стояла бутылка водки с дозатором, которым можно опрыскивать руки. Она, по-моему, до сих пор стоит, уже выдохлась, но до сих пор стоит» (жен., 23 г., не замужем, Пермь), так и с сохранившейся внутренней скрытой тревожностью и неосознанным желанием приобрести уверенность в завтрашнем дне («Мы [в пандемию] поставили столы отдельно для клиентов, и так и оставили, на этом же месте [...], чтобы разговаривать с людьми, меньше контакт чтобы был, **на всякий случай**» (муж., 44 г., женат, 2 детей, Новосибирск), «В машине лежат маски до сих пор. Я, честно сказать, **как бы там ни было**, иной раз смотришь, на японцев или китайцев. Они привыкли с этим, они в масках. Наверное, они правильно это делают все-таки» (муж., 50 л., женат, 2 детей, Новосибирск), «Маски у меня все лежат, **на случай если там вдруг чего**» (жен., 38 л., разведена, 1 ребенок, Нижний Новгород). Третий вариант – полный отказ от практик пандемийного периода: «Даже из головы он [коронавирус] вылетел. Просто перестали защищаться, перестали маски носить... Везде же так стало...» (жен., 42 г., замужем, 2 детей, Новосибирск), «Вот во время короны я часто пытался сдерживать себя, чтобы не трогать лицо, очки. Даже поправлял очки аккуратней, максимально отодвинуть касание рукой лица. А сейчас в принципе уже ушло, и я забыл об этом» (муж., 26 л., не женат, Новосибирск). Опрос ВЦИОМ, проведенный в марте 2022 г., показал, что большинство россиян не хотели бы «взять с собой в постковидное будущее» ни одну из реализовавшихся в период пандемии практик профилактики заболеваний<sup>11</sup>. Отказ от популярных в период пандемии гигиенических практик связан с их тесной ассоциацией с коронавирусной инфекцией. Данные практики воспринимались как специфические, направленные на противодействие распространению конкретного вируса, а приверженность им определялась паническими настроениями и страхом заболеть [Ali et al., 2023]. Спад заболеваемости и смертности от коронавируса, отмена жестких ограничений привели к снижению уровня напряженности в общества и восприятию профилактики как «избыточной», «ненужной». Переложения типичного для «острой» стадии

<sup>10</sup> Защититься от коронавируса? Реально! // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zashchitsya-ot-koronavirusa-realno> (дата обращения: 22.03.2024).

<sup>11</sup> Прощай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki> (дата обращения: 22.03.2024).

пандемии гигиенического поведения на иные ситуации высокой эпидемиологической напряженности (например, сезонный грипп) не произошло.

К быстрому отказу от практик самосохранения, характерных для пандемийного периода, привело и их изначальное восприятие многими россиянами как «навязанных извне». Решения органов власти, направленные на обеспечение коллективного иммунитета, расценивались гражданами как формы принуждения к нежелательным действиям – вакцинации [Глазков, 2022], ношению масок и соблюдению карантина [Андреева, Лукьянова, 2022], что создавало отталкивающий эффект, усугублявшийся невозможностью следования ряду предписаний и слабостью контроля их исполнения [Макушева, Нестик, 2020]. Согласно опросу, проведенному в апреле 2020 г. исследовательским холдингом ROMIR в партнерстве с GALLUP INTERNATIONAL по заказу Фонда развития гражданского общества, 37% россиян называли те или иные ограничительные меры чрезмерными<sup>12</sup>. В августе 2020 г., по данным Фонда «Общественное мнение», почти половина россиян (47%) не доверяли официальной информации о ситуации с коронавирусом в России<sup>13</sup>. В целом именно доверие государству являлось значимым фактором выбора индивидами протективных стратегий поведения в период пандемии [Karakulak et al., 2023].

Ограничения передвижения и социальных контактов в период пандемии привели к реконфигурации ряда практик заботы о здоровье, закрепившихся в своем измененном виде и в постпандемийный период. Так, невозможность посещать спортзалы и фитнес-клубы в условиях локдауна побудила людей искать альтернативные способы сохранения привычного уровня физической активности оказавшиеся впоследствии удобными и для постпандемийной жизни: *«До пандемии я даже не думала о том, что заниматься можно дома. Мы как-то даже не задумывались об этом. Во время пандемии часто я занималась спортом дома. Я даже коврик себе купила именно во время пандемии [...] и сейчас я занимаюсь дома йогой»* (жен., 23 г., не замужем, Пермь), *«Я начала заниматься домашним спортом, те же упражнения делать, которыми я до сих пор сейчас занимаюсь»* (жен., 35 л., разведена, 1 ребенок, Новосибирск). Большое количество появившихся в пандемию онлайн-платформ и приложений для домашнего фитнеса, адаптированных под различных потребителей, действующих как «цифровой личный тренер», а также групповые онлайн-тренировки, запущенные классическими фитнес-клубами, стали значимым фактором, определившим закрепление практик домашних занятий физической культурой и спортом [Valeriani et al., 2023].

Развитие цифровых технологий в сочетании с высокой нагрузкой на систему здравоохранения и ограниченной мобильностью граждан определило также интенсивную институционализацию телемедицины в период пандемии [Shaver, 2022]. В интервью речь шла об освоении новых форм взаимодействия с врачом в ситуации болезни – общении по телефону, в социальных сетях и с помощью мессенджеров (*«Они [участковые врачи] перешли на новый уровень и использовали элементы телемедицины. Конкретно мой участковый был молодой специалист, и я находился в постоянном контакте с ним **путем переписки в мессенджерах и созвона**. Но это, возможно, только мне повезло, не у всех такие молодые и продвинутые были специалисты»* (м., 32 г., женат, Нижний Новгород)) и об активизации поискового поведения в Интернете (*«Начал читать какие-то там **форумы**, чтобы узнать, как не заразиться, каких мест лучше избегать, в целом читать свежие новости по поводу коронавируса»* (м., 21 г., не женат, Новосибирск)). Однако практики предоставления медицинских услуг на расстоянии после пандемии не стали распространенными. Согласно опросу, проведенному Аналитическим центром НАФИ в июне 2022 г., только

<sup>12</sup> Результаты всероссийского опроса ROMIR и GALLUP INTERNATIONAL об отношении населения к коронавирусу // Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civifund.ru/mat/view/117> (дата обращения 18.04.2024).

<sup>13</sup> (Не)доверие к официальной информации о коронавирусе // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://covid19.fom.ru/post/nedoverie-k-oficialnoj-informacii-o-koronaviruse> (дата обращения: 18.04.2024).



17% россиян когда-либо пользовались телемедицинскими услугами, хотя уровень готовности получать те или иные услуги в формате телемедицины по сравнению с 2017 г. вырос на 19% (с 61 до 80%)<sup>14</sup>.

**Заключение.** Пандемия COVID-19, актуализировавшая заботу о здоровье на всех уровнях, заставившая государства и рядовых граждан пересмотреть привычные стратегии здоровьесбережения, сегодня является «завершенным опытом», причины которого ушли в прошлое [Козеллек, 2016]. Большинство не столкнувшихся с тяжелой формой протекания коронавирусной инфекции, перевернувшей жизнь «с ног на голову», не вписали пандемию в свою «автобиографическую память» [Brown, 2016]. Период пандемии воспринимается как «прошедший шок», а практики, релевантные ситуации высокой эпидемиологической и социальной напряженности, не находят отражения в вернувшейся «старой нормальности».

Публичный дискурс о пандемии, характеризовавшийся ожиданиями серьезных изменений после ее окончания, в т.ч. в отношении переосмысления значимости здоровья, оказал влияние на декларируемые ценности. Эмпирические данные демонстрируют консенсус различных социальных групп касательно важности заботы о здоровье, приоритета здоровья по отношению к другим аспектам жизни, признания «повышения внимания к здоровью» в качестве эффекта пандемии. Однако существенного роста самосохранительной ориентации в повседневном поведении россиян не прослеживается. Наблюдаемые изменения в поведении в сфере здоровья имеют во многом разнонаправленный характер.

Пандемия усилила определенные тренды в отношении населения к своему здоровью, наблюдавшиеся и ранее – распространение идеологии хелсизма, цифровизацию практик заботы о здоровье, рост внимания к психоэмоциональному благополучию и ментальному здоровью [Богомяжкова и др., 2022]. Так, ограничение мобильности и высокая нагрузка на систему здравоохранения дали толчок развитию телемедицины, невозможность посещения спортзалов и распространение фитнес-приложений и онлайн-платформ для дистанционного тренировок – освоению практик «домашнего фитнеса».

Несмотря на отмирание большинства специфических гигиенических практик, ориентированных на профилактику заражения коронавирусной инфекцией, их атрибуты в повседневной жизни россиян сохраняются. Причина не только в человеческой инертности, но в подсознательной настороженности («на всякий случай»), недостаточной уверенности в будущем, желании найти точки опоры в неопределенности. Пандемия COVID-19, вероятно, принципиально не сделала россиян более ответственными в отношении здоровья, но, несомненно, повлияла на их субъективное восприятие защищенности от внешних угроз.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Отношение к противокоронавирусным мерам на промышленных предприятиях (на примере Ульяновской области) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 67–77. DOI: 10.31857/S013216250020185–6. [Andreeva Ju.V., Lukyanova E.L. (2022) Attitudes Toward Coronavirus Protection Measures in Enterprises (on the Example of the Ulyanovsk Region). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 67–77. (In Russ.)]
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. [Berger P., Lukman T. (1995) *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)]
- Богомяжкова Е.С., Орех Е.А., Глухова М.Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 145–155. DOI: 10.31857/S013216250018705–8. [Bogomiagkova E.S., Orekh E.A., Glukhova M.E. (2022) Digital technologies in the healthcare practices Of St. Petersburg residents. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 145–155. (In Russ.)]

<sup>14</sup> 80% россиян готовы пользоваться сервисами телемедицины // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/80-rossiyan-gotovy-polzovatsya-servisami-telemeditsiny/> (дата обращения: 22.03.2024).

- Глазков К.П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 301–326. DOI:10.14515/monitoring.2022.3.2110. [Glazkov K.P. (2022) Chasing herd immunity: vaccination strategies of Russians in the context of various forms of enforcement to vaccination. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 301–326. (In Russ.)]
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «Горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. № 28(2). С. 149–173. [Koselleck R. (2016) The “space of experience” and the “Horizon of Expectations” are two historical categories. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 28(2): 149–173. (In Russ.)]
- Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770 [Makusheva M.O., Nestik T.A. (2020) Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 427–447. (In Russ.)]
- Ali A.S., Yohannes M.W., Tesfahun T. (2023) Hygiene behavior and COVID-19 pandemic: opportunities of COVID-19-imposed changes in hygiene behavior. *Inquiry*. Vol. 60: 469580231218421. DOI: 10.1177/00469580231218421.
- Bojanowska A., Kaczmarek Ł.D. et al. (2021) Changes in values and well-being amidst the COVID-19 pandemic in Poland. *PLoS ONE*. Vol. 16. No. 9: e0255491. DOI: 10.1371/journal.pone.0255491.
- Brown N.R. (2016) Transition theory: a minimalist perspective on the organization of autobiographical memory. *Journal of applied research in memory and cognition*. Vol. 5. No. 2: 128–134. DOI: 10.1016/j.jarmac.2016.03.005.
- Cicovacki P., Salomé Lima N. (2022) Our common post-covid-19 pandemic future: a return to “normal” or a creation of the new “normal”? *Ethical Thought*. Vol. 22. No. 1:112–123. DOI: 10.21146/2074-4870-2022-22-1-112-123.
- Corpuz JCG. (2021) Adapting to the culture of ‘new normal’: an emerging response to COVID-19. *Journal of public health*. Vol. 43. No. 2: e344-e345. DOI:10.1093/pubmed/fdab057.
- Davis N., Forbes B., Wylie-Rosett J. (2009) Nutritional strategies in type 2 diabetes mellitus. *The Mount Sinai journal of medicine*. Vol. 76. No. 3:257–268. DOI: 10.1002/msj.20118.
- Folayan M.O., Abeldaño Zuñiga R.A. et al. (2023) A multi-country survey of the socio-demographic factors associated with adherence to COVID-19 preventive measures during the first wave of the COVID-19 pandemic. *BMC Public Health*. Vol. 23. No. 1: 1413. DOI: 10.1186/s12889-023-16279-2.
- Getachew E., Adebeta T. et al. (2023) Digital health in the era of COVID-19: Reshaping the next generation of healthcare. *Frontiers in public health*. No. 11:942703. DOI: 10.3389/fpubh.2023.942703.
- Guévremont A., Boivin C. et al. (2022) Positive behavioral change during the COVID-19 crisis: The role of optimism and collective resilience. *Journal of consumer behaviour*. No. 10.1002/cb.2083. DOI: 10.1002/cb.2083.
- Hu Y., Lü W. (2022) Meaning in life and health behavior habits during the COVID-19 pandemic: Mediating role of health values and moderating role of conscientiousness. *Current psychology*. No. 6: 1–9. DOI: 10.1007/s12144-022-04020-y.
- Karakulak A., Tepe B. et al. (2023) Trust in government moderates the association between fear of COVID-19 as well as empathic concern and preventive behaviour. *Communacations Psychology*. No. 1: 43. DOI: 10.1038/s44271-023-00046-5.
- Leach M., MacGregor H. et al. (2021) Post-pandemic transformations: How and why COVID-19 requires us to rethink development. *World development*. No. 138: 105233. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105233.
- Manuti A., van der Heijden B. et al. (2022) Editorial: how normal is the new normal? individual and organizational implications of the COVID-19 pandemic. *Frontal psychology*. No. 13: 931236. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.931236.
- Metin Ö., Dolma M. (2023) How has the pandemic affected social values? From the perspective of preservice teachers, is it erosion or gain? *Shanlax international journal of education*. Vol. 11. No. 51: 109–121. DOI: 10.34293/education.v11i51-Jan.5814.
- Narasimhan M., Allotey P., Hardon A. (2019) Self care interventions to advance health and wellbeing: a conceptual framework to inform normative guidance. *BMJ*. No. 365: l688. DOI: 10.1136/bmj.l688.
- Patin A., Ladner J., Tavalacci M.-P. (2023) Change in university student health behaviours after the onset of the COVID-19 pandemic. *International journal of environmental research and public health*. Vol. 20. No. 1: 539. DOI: 10.3390/ijerph20010539.

- Schönweitz F., Zimmermann B.M. et al. (2024) Solidarity and reciprocity during the COVID-19 pandemic: a longitudinal qualitative interview study from Germany. *BMC Public health*. Vol. 24. No. 1: 23. DOI: 10.1186/s12889-023-17521-7.
- Shaver J. (2022) The state of telehealth before and after the COVID-19 pandemic. *Prim care*. Vol. 49. No. 4: 517–530. DOI: 10.1016/j.pop.2022.04.002.
- Shi L. (1998) Sociodemographic characteristics and individual health behaviors. *Southern medical journal*. Vol. 91. No. 10: 933–941. DOI: 10.1097/00007611-199810000-00007.
- Valeriani F., Protano C. et al. (2023) Analysing features of home-based workout during COVID-19 pandemic: a systematic review. *Public health*. No. 222: 100–114. DOI: 10.1016/j.puhe.2023.06.040.
- WHO guideline on self-care interventions for health and well-being, 2022 revision. (2022) Geneva: World Health Organization.

Статья поступила: 25.03.24. Финальная версия: 18.04.24. Принята к публикации: 15.05.24.

## THE (NO)IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON EVERYDAY SELF-CARE: CONSOLIDATING THE EFFECTS

LEBEDEVA-NESEVRIA N.A.\*, SHARYPOVA S.YU.\*

\*Perm State University, Russia

Natalia A. LEBEDEVA-NESEVRIA – Dr. Sci. (Sociol.), Docent, Prof. (natnes@list.ru); Sofya Yu. SHARYPOVA – Cand. Sci. (Sociol.), Senior Lecturer (sonia.eliseeva@bk.ru). Both – Department of Sociology of the Perm State University, Perm, Russia.

**Acknowledgements:** The article was prepared with the support of a grant RSF No. 23-18-00480.

**Abstract.** The article tests the hypothesis about the consolidation of self-care practices implemented by Russians during the COVID-19 pandemic in the post-pandemic period. The consensus of various social groups regarding the importance of caring for health and its priority over other values is shown based on materials from in-depth interviews with residents of three Russian megacities ( $N = 60$ ). A “more attentive attitude” to one’s own health is declared to be an effect of the pandemic. But this is not reflected in real behavioral practices. It is shown based on the RLMS-HSE monitoring panel sample (Waves 27, 29 and 31), that the dynamics of self-care practices in the post-pandemic period had a multi-vector orientation. Examples of habituation, reconfiguration and death of individual self-care practices are described. The preservation of the attributes of a number of health-preserving practices in everyday life “just in case” indicates that Russians perceive the future as risky, and the recurrence of a pandemic situation as probable.

**Keywords:** health, self-care, everyday practices, COVID-19 pandemic.

Received: 25.03.24. Final version: 18.04.2024. Accepted: 15.05.24.

Ю.Ю. БЕЛОВА

## АЛКОГОЛИЗМ, УГРОЗА ИДЕНТИЧНОСТИ И МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (по материалам экспедиции в Псковскую область)

---

БЕЛОВА Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний, доцент кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ybelova@hse.ru).

---

**Аннотация.** Псковская область характеризуется неблагоприятной алкогольной ситуацией и оттоком молодежи. Цель статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, как представления молодежи об алкоголизме соотносятся с местностью проживания, чувством принадлежности к ней и миграционными намерениями. По результатам анализа 88 интервью, собранных в ходе экспедиции в Псковскую область, выявлено, что алкоголизм местных жителей воспринимается молодежью как угрожающий их идентичности. В ответ на угрозу позитивная идентичность поддерживается: 1) через оправдание сложившейся ситуации, в которой молодежь вынуждена существовать; 2) через проблематизацию, сопровождающуюся усилением категоризации людей и мест по признаку наличия или отсутствия алкоголизма, и планирование изменения алкогольной ситуации на локальной территории; 3) через противопоставление «тех, кто уехал», «тем, кто остался» по принципу «либо остались и пьют, либо уехали». Основным выводом заключается в том, что молодые люди оберегают позитивную идентичность физическим и социальным дистанцированием от «пьющих», в том числе формируя миграционные намерения.

**Ключевые слова:** алкоголизм • потребление алкоголя • пьянство • угроза идентичности • локальная идентичность • миграционные намерения • молодежь • Псковская область

DOI: 10.31857/S0132162524060095

**Введение.** Потребление алкоголя ежегодно уносит жизни, становится причиной большого количества хронических заболеваний, травм и происшествий. В общественном мнении алкоголизм воспринимается как злободневная проблема, которая устойчиво входит в первую десятку рейтинга проблем страны на протяжении многих лет<sup>1</sup>. Одним из наиболее пострадавших от алкоголизации регионов европейской части России является Псковская область, где ежегодная заболеваемость «алкоголизмом» и «алкогольным психозом» превышает общероссийские показатели более чем в два раза<sup>2</sup>. По этим показателям исследователи относят Псковскую область к лидерам Северо-Западного федерального округа (СЗФО) [Немцов и др., 2018; Глушкова и др., 2022]. Регион также отличается сочетанием низкого индекса человеческого развития (ИЧР) и высокого уровня расходов на покупку алкоголя [Скоков, 2021]. Самими местными жителями алкоголизм воспринимается как фактор, ухудшающий их жизнь [Ефимова и др., 2018].

---

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

<sup>1</sup> Положение дел в регионе и актуальные для людей проблемы. 2020. Пресс-выпуск ФОМ. 13 Февраля. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14346> (дата обращения: 08.07.2023).

<sup>2</sup> Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизма и алкогольного психоза на 100 тыс. населения. 2023. Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41703> (дата обращения: 29.06.2024).

В свою очередь, контекст «проблематизированного места» накладывает отпечаток на идентичность людей [Hugh-Jones et al., 2009], а территориальная стигма может как способствовать, так и препятствовать привязанности к месту [Kirkness et al., 2017]. В таком случае возникает «теньевая сторона привязанности», которая характеризуется сосуществованием позитивных и негативных чувств к месту жительства [Exploring the Shadow Side..., 2013]. Сталкиваясь с распространением алкоголя и наркотиков в месте своего проживания, люди испытывают негативные эмоции, связывают городские «места страха» со «своими Другими» [Радина, 2012] и стремятся дистанцироваться от «пьющих» [Bezdek et al., 2006: 162–163]. Важно отметить, что потребление алкоголя или отказ от него являются культурными признаками категоризации, маркерами идентичности и принадлежности к той или иной социальной группе [Room et al., 2002]. Более того, на некоторых локальных территориях воспринимаемая граница между теми, кто «пьет», и теми, кто «не пьет», является индикатором легитимности «коренной идентичности» наряду с понятиями «коренного» и «некоренного», прошлого и настоящего [Prussing, 2007]. В связи с этим заслуживает внимания то, как восприятие алкоголизма и зависимых от алкоголя людей на «проблематизированной» территории соотносится с идентичностью тех, кто не причисляет себя к ним.

**Методология исследования.** Имеющийся небольшой опыт исследований идентичности в отношении алкоголизма сфокусирован преимущественно на переживаниях угрозы стигмы самими зависимыми, их самостигматизации и ее последствиях для здоровья. Меньше внимания уделяется восприятию обществом алкоголизма и зависимых от алкоголя людей. Единичными являются исследования успешных примеров коллективного отказа от алкоголя местными жителями различных локальных территорий страны, в основе которых лежит личный пример ближайшего окружения [Задорин и др., 2017]. При этом практически отсутствуют исследования угрозы идентичности тех, кто не считает себя зависимым и дистанцируется от них. Отечественные публикации о социальных аспектах «угрозы идентичности» единичны, а в отношении потребления алкоголя отсутствуют.

Как правило, зависимые от алкоголя люди стереотипно воспринимаются как опасные, ненадежные, слабые и заслуживающие порицания люди [Nieweglowski et al., 2018]. Поэтому алкоголизм считается одним из самых стигматизируемых состояний [Peter et al., 2021]. Согласно концепции Т. Шмадер и Б. Маджор, созданные стигматизированные образы способны обесценивать социальную идентичность. Нежелательные характеристики в сочетании с ситуационными сигналами и вкупе с желаемой для себя идентичностью образуют культурные репрезентации, осознание которых заставляет испытывать угрозу идентичности [Schmader et al., 2017]. Иными словами, это не что иное, как ситуационное опасение быть стигматизированным. Таким образом, ориентируясь на негативные образы, люди могут оценивать ситуацию своего существования как потенциально угрожающую их идентичности. В результате, отвечая на угрозу идентичности, люди либо дистанцируются, либо ассоциируют себя с внешними группами, запуская процессы ассоциации и диссоциации, которые зависят от типа самовосприятия [Dariusz, 2022].

Большинство исследователей фокусируются на угрозе идентичности групп самих зависимых. Как правило, ученые справедливо исходят из того, что алкогелезависимые боятся быть заклеяменными, избегая ярлыка «алкоголика» [May et al., 2019]. Считается, что зависимые от алкоголя сопротивляются распознаванию у себя проблемы с алкогелем только затем, чтобы избежать угрозы идентичности [Morris et al., 2022]. В этом смысле угрозу идентичности испытывают сами алкогелезависимые, проживающие в той или иной местности.

В то же время угрозу идентичности могут испытывать не только зависимые от алкогеля люди, но и те, кто не относит себя к ним и при этом проживает рядом с ними на одной территории. Важно отметить, что под условными «непьющими» в настоящем исследовании подразумеваются те, кто противопоставляет себя зависимым от алкогеля. Есть подтверждения, что местные жители, находясь в условиях социального давления, побуждающего к употреблению алкогеля, дистанцируются от тех, кого они считают «пьющими», ищут

поддержку идентичности непьющего, изменяют свой социальный статус и взаимоотношения с окружающими [Bezdek et al., 2006: 162–163; Prussing, 2007: 501–502]. При этом в ситуациях угрозы идентичности люди прибегают к различным способам ответа на эту угрозу, стремясь к воспроизводству позитивной идентичности [Schmader et al., 2017]. Например, они могут искать места, которые поддерживают самовосприятие индивидов, в том числе с вероятностью переезда в другую местность [Twigger-Ross et al., 1996; Manzo, 2003].

Исходя из сказанного выше, можно предположить, что, во-первых, угрозу идентичности могут испытывать не только представители группы алкоголезависимых, но и те, кто не причисляет себя к ней, проживая на одной локальной территории с теми, кого определяет как «пьющих». Во-вторых, восприятие алкоголизма и зависимых от алкоголя людей, сложившееся на локальной территории, соотносится с чувством принадлежности местных жителей к территории проживания и сопровождается чувством угрозы идентичности. В-третьих, предполагается, что в ответ на эту угрозу люди разными способами поддерживают позитивную идентичность. В-четвертых, восприятие алкоголизма и зависимых от алкоголя людей будет репрезентироваться в контексте миграционных намерений жителей локальных территорий Псковской области как способа справиться с угрозой идентичности и поддержать позитивную идентичность.

**Методы.** Статья подготовлена по материалам экспедиции в Псковскую область. Исследование проводилось методом полупоформализованного интервью, выборка – восьми-оконная [Штейнберг, 2021: 130].

Выбор Псковской области для исследования изначально был обусловлен особенностями планирования экспедиций сразу в несколько регионов разных федеральных округов страны, отличающихся друг от друга по ряду параметров, но при этом объединенных проблемой оттока молодежи (Челябинская область, Псковская область, Карачаево-Черкесская Республика и Камчатский край). Автор данной статьи руководил экспедицией в Псковскую область, состоявшейся в период с 30 апреля по 8 мая 2022 г. по программе НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново»<sup>3</sup>. Экспедицией было охвачено семь населенных пунктов Псковской области разного типа (города Псков, Печоры, Себеж и Порхов, п.г.т Пушкинские горы, п. Палкино, с. Середка).

По уровню социально-экономического развития Псковская область занимает позиции ниже средних<sup>4</sup>, по уровню заработной платы – низкие<sup>5</sup>, по уровню инновационного развития – близкие к низким<sup>6</sup>. При этом, хотя регион считается привлекательным с точки зрения туризма, уровень развития туристской отрасли и гостиничной инфраструктуры вкупе с ее доходностью, не является высоким<sup>7</sup>. Кроме того, Псковщина относится к группе регионов СЗФО с высокой естественной убылью населения [Глушкова и др., 2022], самой высокой среди регионов СЗФО<sup>8</sup> [Шабунова и др., 2023]. Смертность здесь превышает рождаемость

<sup>3</sup> Вспомогательный сбор и первичная обработка части эмпирических данных (интервьюирование, транскрибирование) осуществлялась группой студентов по проекту «Модели локальной идентичности и социально-политические практики молодежи Псковской области». Информация о проекте и участниках содержится на сайте НИУ ВШЭ в разделе «Ярмарка проектов». Автор выражает благодарность всем причастным к сбору и обработке данных.

<sup>4</sup> Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 года. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220516/630222174.html> (дата обращения: 08.07.23).

<sup>5</sup> Рейтинг регионов по зарплатам – 2022. URL: <https://riarating.ru/infografika/20221121/630232854.html> (дата обращения: 08.07.23).

<sup>6</sup> См.: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

<sup>7</sup> Национальный туристический рейтинг – 2022. URL: <https://russia-rating.ru/info/21283.html> (дата обращения: 08.07.23).

<sup>8</sup> Компоненты изменения общей численности населения // Псковстат. 2021. URL: [https://pskovstat.gks.ru/storage/mediabank/NAS220826\\_1.htm](https://pskovstat.gks.ru/storage/mediabank/NAS220826_1.htm) (дата обращения: 08.07.23).

в три раза<sup>9</sup>. Усугубляет ситуацию и высокий отток населения из региона в крупные мегаполисы (чаще всего псковичи уезжают в Санкт-Петербург, Ленинградскую область, Москву и Московскую область)<sup>10</sup>. Только за 2021 г. население Псковской области сократилось на 6,8 тыс. чел.<sup>11</sup> В этой связи важно отметить, что отрицательный прирост трудоспособного населения региона происходит в возрастных группах от 20 до 35 лет<sup>12</sup>, что в том числе указывает на миграционный отток молодежи. Существуют эмпирические подтверждения, что межрегиональная миграционная активность особенно присуща молодежи в связи с массовым получением профессионального образования и выходом на рынок труда [Кашницкий и др., 2016]. В отношении межрегиональной миграции Псковская область классифицируется как регион-донор трудовых ресурсов [Шабунова и др., 2023]. С учетом перечисленных обстоятельств, типичных с точки зрения миграционной активности и трудового потенциала, а значит, и стремления покинуть регион проживания, был определен эмпирический объект исследования – молодежь в возрасте 22–35 лет, проживающая в населенных пунктах Псковской области разного типа (города Псков, Печоры, Себеж и Порхов, п.г.т Пушкинские горы, п. Палкино, с. Середка). Нижняя граница возраста скорректирована исходя из того, что к 22 годам молодежь обычно получает профессиональное образование (как среднее специальное, так и высшее) и массово выходит на рынок труда. Верхняя граница определяется законодательством РФ.

Важно отметить, что спецификой восьмиоконной выборки является обогащение исследования рассмотрением объекта с разных позиций за счет сочетания мнений разных типов респондентов, в том числе экспертов. Поэтому помимо типичных респондентов (ТР), стремящихся покинуть место жительства, в основную выборку вошли нетипичные респонденты (НР), желающие остаться в регионе, специфические респонденты (СР), такие как «пришлые» и «возвратившиеся» и эксперты (Э), связанные с решением проблем молодежи. Следует пояснить, что в отличие от ТР, НР характеризуются стремлением остаться у себя в регионе. СР выделяются на фоне других наличием нестандартного опыта, связанного с миграцией из изучаемого региона и обратно, а также переселением из других мест. Таких респондентов условно можно назвать «возвращенцами» и «приезжими» («пришлыми»). В соответствии с правилами конструирования восьмиоконной выборки, НР и СР схожи по социально-демографическим параметрам с ТР, поэтому они также представлены современными молодыми взрослыми в возрасте от 22 до 35 лет, которые составляют костяк трудоспособного населения.

Окно Э, в свою очередь, представлено респондентами, тесно взаимодействующими по роду своей деятельности с молодежным сообществом того или иного населенного пункта и региона, знающими область молодежной политики и молодежных практик из различных источников. Однако поскольку целью данного исследования является выявление восприятия алкоголизма и зависимых от алкоголя людей молодежью 22–35 лет, то в выборку включены эксперты данного возраста. При этом, согласно правилам конструирования восьмиоконной выборки, они являются носителями разнообразных миграционных практик.

Применялся метод полужурналистского интервью, который позволяет вычленивать как позитивную, так и негативную тональность восприятия респондентами окружающих людей. Из 160 собранных интервью для анализа было отобрано 88 интервью с молодыми жителями и экспертами по молодежной политике 22–35 лет из семи населенных пунктов Псковской области разного типа (города Псков, Печоры, Себеж и Порхов, п.г.т

<sup>9</sup> Глава Псковской области сообщил о сокращении вдвое числа жителей с середины прошлого века. 2023. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20872475> (дата обращения: 29.06.24).

<sup>10</sup> За год население Псковской области сократилось больше чем на 5 тысяч человек. 2021. 10 февраля. ГТРК «Псков». URL: <https://gtrkpskov.ru/news-feed/lenta-novostej/16137> (дата обращения: 29.06.24).

<sup>11</sup> Компоненты изменения общей численности населения. Псковстат. 2021. URL: [https://pskovstat.gks.ru/storage/mediabank/NAS220826\\_1.htm](https://pskovstat.gks.ru/storage/mediabank/NAS220826_1.htm) (дата обращения: 29.06.24).

<sup>12</sup> Псковская область в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник / Псковстат. Псков, 2022. С. 23–24.

Пушкинские горы, п. Палкино, с. Середка), в которых присутствовали суждения о потреблении алкоголя местными жителями. Исследование сфокусировано на том, как молодежь, имеющей разные миграционные намерения, воспринимаются алкоголизм и зависимость от алкоголя люди с точки зрения локальной идентичности и какими способами эта идентичность поддерживается.

**Восприятие масштабов распространения алкоголизма и его источники.** В общей оценке распространенности потребления алкоголя на местности проживания респонденты руководствуются несколькими источниками: слухами (приходилось слышать или нет), наблюдениями на местности (приходилось видеть или нет), личным опытом (приходилось сталкиваться со случаями в собственном ближайшем окружении или нет), статистическими данными (приходилось ли изучать статистические данные или нет) и информацией правоохранительных органов (осведомленность об оперативных мероприятиях, штрафах и задержаных). Особенностью является то, что эксперты в своих оценках более осторожны и предпочитают доверять объективным данным (статистике и результатам тестирования). Если речь идет о личном опыте, то он проецируется и на восприятие алкогольной ситуации: *«Ну, элементарно мы сами, например, как бы не пьем, да и дома у нас никто не пьет, и знакомые у нас не пьют практически, за исключением праздников. То есть стало меньше [в поселке], раньше это было более как-то так»* (жен., Печоры, 30 лет, НР). В данном случае в оценке алкогольной ситуации респонденты ориентируются на свой личный опыт и ближайшее окружение, в котором определяется наличие зависимых от алкоголя.

В своем восприятии алкогольной ситуации наиболее устойчиво молодежь обращается к увиденному лично и услышанному со стороны. Когда эти источники сравниваются и обнаруживается несоответствие поступившей информации, то при оценке ситуации на местности проживания отдается предпочтение увиденному лично. Одновременно с помощью категоризации респонденты делят сообщество условно на «пьющих» и «не пьющих»: *«Ну, конечно, у меня те, с кем я общаюсь, так же говорят, что многие там по вечерам отдыхают [пьют]. Но я такого не вижу. Там, чтобы кто-то валялся где-то в канавах, такого не вижу»* (муж., Порхов, 30 лет, СР); *«Ну, скажем так, я об этом слышал почему-то от некоторых людей. Я слышал, что типа в Печорах много пьяниц, но лично я не встречал. Но так в целом, чтобы я вот ходил по улицам и все время видел. Нет, такого не слышал»* (муж., Печоры, 34 года, НР).

Предпочтение доверять увиденному скорее свидетельствует о том, что случаи алкоголизма легче увидеть, чем, например, случаи наркомании, поскольку в отличие от нее алкоголизм – более распространенная и менее стигматизированная практика. О наркомании, действительно, респонденты отмечали, что доверяют больше услышанному. Аналогично, с чьих-то слов, люди так же судят о преступных группировках и субкультурах, которые воспринимаются как опасные [Радина, 2012].

**Поддержание позитивной идентичности: оправдать или проблематизировать алкогольную ситуацию?** Суждения о распространенности алкоголизма на локальных территориях основаны на противоположных тенденциях восприятия, с помощью которых производится поддержание позитивной идентичности. Первый способ поддержания позитивной идентичности – оправдание сложившейся ситуации, в которой вынуждены существовать респонденты и оставаться на «проблематизированной» территории. «Оправдание», в свою очередь, осуществляется следующими способами:

1) **обесценивание** – алкогольная ситуация обесценивается и низводится до более угрожающих примеров, на фоне которых ситуация не так и страшна: *«Меньше среднего, точнее, как, это не является проблемой. У нас, там, не убивают за деньги, чтобы купить»* (муж., Печоры, 24 года, СР);

2) **обобщение** – респонденты прибегают к обобщениям, которые отражают успокоенность общественного мнения: *«Ну, то, что, как обычно, это, наверное, в каждом городе у нас есть, по-русски говоря, алкаши, наркоманы»* (жен., Себеж, 22 года, НР);



3) **отождествление пьянства с местностью** – респонденты соотносят потребление алкоголя с образом местности, защищая право местных жителей пьянствовать на конкретной территории: «У нас такая **«воинственная область»**, и у нас любят помахаться многие... это все случается на синюю голову» (муж., Пушкинские горы, 24 года, ТР);

4) **демонстрация отсутствия опасений по отношению к пьющим** – восприятие выпивших как не представляющих опасности: «Вроде все мужики страшные, так сказать, **все выпившие, а идешь, оказывается, все это знакомые, здороваешься. И не так страшно у же становится. То есть я считаю, что безопасный город отчасти** (муж., Псков, 22 года, Э).

Напротив, другая часть респондентов, оценивая масштабы алкоголизма, демонстрировала обеспокоенность сложившейся ситуацией, проблематизируя потребление алкоголя. Им характерен второй способ поддержания позитивной идентичности – **«проблематизация»**, сопровождающаяся усилением категоризации людей и мест по признаку наличия или отсутствия алкоголизма и планирование изменения алкогольной ситуации на локальной территории:

1) **гиперболизация** – характеристики явления усиливаются сравнением с чем-то большим и запоминающимся: «А там бутылок из-под алкоголя просто **мерено-немерено было...** Это кто-то выпил, а там количество алкоголя, я не знаю, можно было пятнадцать рот солдат напоить» (жен., Пушкинские горы, 22 года, ТР);

2) **выражение опасений, связанных с пьющими** – демонстрируется, что зависимые от алкоголя создают проблемы для местности и делают ее небезопасной: «Здесь точно нет [не безопасно], потому что были такие ситуации, **стычки – это такое присущее населению, которое злоупотребляет алкогольными напитками**» (муж., Пушкинские горы, 24 года, ТР);

3) **навешивание ярлыков** – пьющие местные жители категоризируются как «алкаши» («У нас либо **«алкаши»**, либо **«трудоголики»**) (муж., Пушкинские горы, 23 года, ТР). Это предполагает существование чужой для респондентов группы людей, которой дается преимущественно негативная моральная оценка. По ряду индикаторов также определяется наличие или отсутствие алкогольной проблемы на локальной территории и проводится граница между условными группами «пьющих» и «непьющих»;

4) **предложение альтернатив пьянству** – респонденты рассуждают об альтернативах алкоголю в виде развития спорта или простого общения за чаем: «Я планирую, будут у меня там дети свои... Я не хочу, чтобы они там сидели с бутылкой пива и просто пили. Я хочу, чтобы они пошли, поиграли в баскетбол, пинали мяч в ворота» (муж., Середка, 25 лет, Э); «Если бы мы с вами бы вечером всегда бы, ну, какими-то вечерами, смотрели бы фильмы и пили бы чай, а не алкоголь и ели бы пряники или что-то либо еще, это бы объединило бы нас с тобой или нет? Конечно бы да. И это было бы классно» (муж., Себеж, 35 лет, Э).

Среди признаков категоризации, помимо наблюдаемого поведения окружающих, – атрибуты (бутылки и проч.), события (мероприятия, вечеринки и т.п.) и локации разного уровня, в том числе узнаваемые места в населенном пункте (поселок, дом культуры, общепит, «домики у озера», «трубы»), «парковочная площадка» и т.д.): «**Есть такое место, «трубы» у нас в Пушкинских горах. И понимаете, мы когда туда пришли, у нас ушло мешков десять огромных, просто на то, чтобы убраться бутылки**» (жен., Пушкинские горы, 22 года, ТР); «Те же самые молодые ребята собираются в парке на той же самой сцене ее разбирают потихоньку и просто там **бутылки кидают** в эту же сцену» (жен., Порхов, 30 лет, ТР).

В последнем случае приведенным примерам «локаций пьянства» противопоставляются «локации трезвости»: «И.: А другие какие-нибудь есть места? [кроме мест, где пьянствуют]. Р.: Ну, чисто те, кто здоровый образ жизни ведет, любит погулять: **Михайловское, Петровское, Тригорское. Так – рыбку половить**» (муж., Пушкинские горы, 23 года, ТР).

Таким образом, респонденты поддерживают свою позитивную локальную идентичность через негативную характеристику «чужой» группы пьющих, обосновывая свое право проживания на той или иной местности.

**Местный алкоголизм и миграционные намерения: остаться и пить или уехать?** Важно отметить, что восприятие алкоголизма связывается местными жителями

с провинциальностью, алкоголь здесь выступает символом провинции: **«В провинциальных городках это в основном заканчивается алкоголем»** (жен., Порхов, 30 лет, ТР). С потреблением алкоголя также связываются усредненные характеристики молодых местных жителей: **«Он [средний представитель молодежи] катается на тачках, он пьет пиво около "Пробки"»** (жен., Порхов, 33 года, Э).

Респондентами упоминается, что местная молодежь практически не имеет альтернатив, кроме выпивки, особенно если она не трудоустроена. Возможно, именно здесь возникает противоречие между стандартами образа жизни и условиями развития местной культурной инфраструктуры [Зубок и др., 2020: 151], которая не только не способна отвлечь от употребления алкоголя, но и делает его чрезвычайно доступным: **«Молодежи скучно здесь, на самом деле, они либо начинают выпивать, либо начинают выживать... Здесь, если ты не работаешь, то, наверное, выпиваешь»** (муж., Пушкинские горы, 24 года, ТР); **«В принципе, в Порхове достаточно у нас молодежи "такой". У нас "пивнух", прости-те, на каждом углу»** (жен., Порхов, 27 лет, ТР).

В этом смысле место проживания как «локация пьянства» противопоставляется крупным городам, как более продвинутым в отношении проведения досуга, уменьшающего шансы потреблять алкоголь (в логике респондентов): **«Ребята, которые приезжают из Москвы, Питера сюда жить, тоже говорят, как вы тут живете, здесь скучно, ходить некуда, все пьют»** (жен., Пушкинские горы, 28 лет, ТР); **«А я не пью. А в Питере без выпивки можно развеселить себя. То есть там клубы отличаются, ну, настоящий клуб там отличается. Это ночная жизнь. Поэтому без выпивки можно там как бы круто. То есть здесь для меня ходить неинтересно [в клуб]»** (муж., Порхов, 30 лет, СР).

Таким образом, в представлениях местных жителей существует более цивилизованный мир, в котором нет нужды употреблять алкоголь, который находится за пределами места проживания. Ожидается, что «те, кто уехал», в положительном смысле противопоставляются «тем, кто остался» по принципу «либо остались и пьют, либо уехали»: **«Все моего возраста, все отсюда уехавшие, в принципе. Те, которые остались, кто тут бухают, не знаю, там, ходит пьяный каждый день и всё, работают в лесу там. Железо сдают – потом пузырь покупают»** (муж., Середка, 24 года, ТР); **«У нас либо алкаши, либо те, кто сразу после учебы уезжают»** (муж., Пушкинские горы, 23 года, ТР). Таким образом, третий способ поддержания позитивной идентичности в ответ на угрозу – «противопоставление» «тех, кто уехал», «тем, кто остался» по принципу «либо остались и пьют, либо уехали».

Проживая в своем населенном пункте, оставаясь в нем, респонденты отмечают, что из-за окружения они тоже рискуют стать алкоголезависимыми, однако не хотят походить на них: **«Контингент. То есть люди как таковые здесь они довольно агрессивны. Они довольно низкого интеллектуального уровня развития. Из каких-то их целей, которые они преследуют, – это алкоголь. То есть у меня очень много друзей, которые здесь спиваются, и, собственно, находясь в такой атмосфере, тебя тянет то же самое»** (муж., Порхов, 31 год, ТР). Недолгое пребывание в своем населенном пункте расценивается как шанс оставаться непьющим и наоборот, остаться надолго – значит спиться: **«Мне здесь нравится находиться. Но только недолго. Если долго находиться, то, может быть, я здесь начну пить»** (муж., Палкино, 28 лет, ТР).

Стигматизация членов чужой группы достигается признанием различий на основе характеристик, которыми наделяются пьющие местные жители как «неуехавшие»: **«А кто остается здесь? У них остается несколько вариантов. Это обильное употребление алкоголя и, возможно, даже каких-то средств незаконных. И, наверное, все. То есть большинство людей, которые остаются, просто спиваются»** (муж., Середка, 25 лет, Э).

Таким образом, алкоголизм – индикатор негативной идентичности тех, кто «не уехал»/«остался» и наоборот, «уехавшие» противопоставляются им, как сохранившие позитивную идентичность.

**Выводы.** В своем восприятии алкоголизма наиболее устойчиво молодежь обращается к увиденному лично и услышанному со стороны. Когда эти источники сравниваются

и обнаруживается несоответствие поступившей информации, то отдается предпочтение увиденному лично. Поэтому в своих представлениях об алкогольной ситуации молодежь опирается на собственный опыт.

Исследование показало, что с точки зрения поддержания идентичности, связанной с местом проживания, люди прежде всего оправдывают продолжение обитания в сложных условиях (в данном случае в «проблематизированном» социальном контексте), стремясь сохранить позитивную идентичность. В ответ на угрозу идентичности оправдание алкогольной ситуации обесценивает ее, а проблема алкоголизма низводится до более угрожающих примеров. Здесь респонденты прибегают к обобщениям, которые в том числе отражают успокоенность общественного мнения и готовность смириться с наличным положением («все пьют»). В том числе это соответствует выводам об амбивалентном характере восприятия местности проживания, где негативная привязанность сосуществует с позитивной, что называют «теневой стороной привязанности».

С другой стороны, молодежь сознательно проблематизирует место проживания, ссылаясь на всеобщий характер пьянства, которое грозит им самим. В этом случае проблематизация алкогольной ситуации сопровождается усилением категоризации людей и мест по признаку наличия или отсутствия алкоголизма, производится стигматизация и демонстрируется дистанцирование от пьющих и мест их обитания. Одновременно предлагаются альтернативы пьянству. Например, активно настроенная молодежь, не стремящаяся покинуть местность проживания, демонстрирует желание изменить алкогольную ситуацию к лучшему, сделав жизнь для себя и окружающих более комфортной.

В конце концов, сохранение позитивной идентичности мыслится через «миграционный» дискурс, в котором сообщество устойчиво разделяется на «оставшихся» и «уехавших» и категоризуется на «пьющих» и «непьющих». Таким образом, наряду с иными способами поддержания позитивной идентичности формируются и миграционные намерения через противопоставление «тех, кто уехал», «тем, кто остался», по принципу «либо остались и пьют, либо уехали». Этот результат имеет значение для исследований того, как негативные образы места соотносятся с миграционными установками местных жителей. Вероятно, в качестве реакции на угрозу идентичности в данном случае формируются миграционные намерения, связанные со стремлением дистанцироваться от пьющих людей, как в социальном, так и в физическом смысле.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глушкова А.В., Карелин А.О., Еремин Г.Б. Злоупотребление взрослого населения алкоголем как маркер социально-экономического неблагополучия территории // Гигиена и санитария. 2022. Т. 101. № 8. С. 985–991. DOI: 10.47470/0016-9900-2022-101-8-985-991.
- Ефимова А.А., Каменская Е.В., Степанова И.А. Жизнь псковских сельских жителей через призму благосостояния: теория и практика // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 44–52.
- Задорин И.В., Зотова В.А. и др. «Территории трезвости»: опыт принятия и обеспечения коллективных решений по ограничению производства, распространения и потребления алкогольных напитков в сельских поселениях и поселках»: аналитический отчет по результатам исследования. М.: ЦИРКОН, 2017.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов: особенности саморегуляции // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 140–156. DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11.
- Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
- Немцов А.В., Шельгин К.В. Зависимые от алкоголя явления. Ситуация в Северо-Западном Федеральном округе // Наркология. 2009. Т. 8. № 12(96). С. 44–52.
- Радина Н.К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141.

- Скоков Р.Ю. Благополучие в российских регионах и перспективы антиалкогольной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 9(492). С. 1610–1646. DOI: 10.24891/re.19.9.1610.
- Шабунова А.А., Груздева М.А., Соколова А.А. Людские ресурсы СЗФО: движение и локализация // Журнал «ЭКО». 2023. Т. 53. № 8. С. 35–56. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-8-35-56.
- Штейнберг И.Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021.
- Bezdek M., Spicer P. Maintaining Abstinence in A Northern Plains Tribe // Medical Anthropology Quarterly. 2006. No. 20(2). P. 160–181.
- Dariusz D. Association with and Dissociation from Groups in Response to Personal and Social Identity Threats: The Role of Self-Construal and Anxiety // The Open Psychology Journal. 2022. No. 15(1): e187435012208151. DOI:10.2174/18743501-v15-e2208151.
- Exploring the Shadow Side: Place Attachment in the Context of Stigma, Displacement, and Social Housing // Place Attachment: Advances in Theory, Methods and Applications / Ed. by L.C. Manzo. London: Routledge, 2013. P. 178–190.
- Hugh-Jones S., Madill A. The Air's Got to Be Far Cleaner Here: A Discursive Analysis of Place-Identity Threat // British Journal of Social Psychology. 2009. No. 48(4). P. 601–624.
- Kirkness P., Tijé-Dra A. (eds) Negative Neighbourhood Reputation and Place Attachment. The Production and Contestation of Territorial Stigma. London: Routledge, 2017.
- Manzo L.C. Beyond House and Haven: Toward a Revisioning of Emotional Relationships with Places // Journal of Environmental Psychology. 2003. No. 23(1). P. 47–61.
- Markus H.R., Kitayama S. Culture and The Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // Psychol Review. 1991. No. 98(2). P. 224–253.
- May C., Nielsen A.S., Bilberg R. Barriers to Treatment for Alcohol Dependence // Journal of Drug and Alcohol Research. 2019. No. 8(2). P. 1–17. DOI: 10.4303/jdar/236083.
- Morris J., Moss A.C. et al. The 'Alcoholic Oher': Harmful Drinkers Resist Problem Recognition to Manage Identity Threat // Addictive Behaviors. 2022. No. 124. P. 107093. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107093.
- Nieweglowski K., Corrigan P.W. et al. Exploring the Public Stigma of Substance Use Disorder Through Community-Based Participatory Research // Addiction Research and Theory. 2018. No. 26(4). P. 323–329. DOI: 10.1080/16066359.2017.1409890.
- Peter L.-J., Schindler S. et al. Continuum Beliefs and Mental Illness Stigma: A Systematic Review and Meta-Analysis of Correlation and Intervention Studies // Psychological Medicine. 2021. No. 51(5). P. 1–11. DOI: 10.1017/s0033291721000854.
- Prussing E. Reconfiguring the Empty Center: Drinking, Sobriety, and Identity in Native American Women's Narratives // Culture, Medicine & Psychiatry. 2007. No. 200731(4). P. 499–526. DOI: 10.1007/s11013-007-9064-0.
- Room R. Sato H. Editors' Introduction. Drinking and Drug Use in Youth Cultures: 1. Building Identity and Community // Contemporary Drug Problems. 2002. No. 29. P. 5–11.
- Schmader T., Major B. Stigma, Social Identity Threat, and Health // The Oxford Handbook of Stigma, Discrimination, and Health / Ed. by B. Major, J.F. Dovidio, B.G. Link. No 1, P. 85–103. Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190243470.013.3.
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D.L. Place and Identity Processes // Journal of environmental psychology. 1996. No. 16(3). P. 205–220.

Статья поступила: 11.07.23. Финальный вариант: 01.07.24. Принята к печати: 03.07.24.

## ALCOHOLISM, THREAT TO IDENTITY, AND MIGRATION MOODS (based on materials of an expedition to the Pskov region)

BELOVA Yu. Yu.

HSE University, Russia

Yulia Yu. BELOVA, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, HSE University, Moscow, Russia (ybelova@hse.ru).

**Acknowledgements:** This article is implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

**Abstract.** The Pskov region is characterized by an unfavorable alcohol situation and an outflow of young people from the region. The purpose of the article is to demonstrate how young people's ideas about alcoholism correlate with their area of residence, their sense of belonging to it, and their migration intentions. Based on the results of an analysis of 88 interviews collected during an expedition to the Pskov region, it was revealed that alcoholism of local residents is perceived by young people as threatening their identity. Response ways to maintain a positive identity are produced in several ways: 1) through the justification of the current situation in which young people are forced to exist; 2) through problematization, accompanied by increased categorization of people and places based on the presence or absence of alcoholism and planning to change the alcohol situation in the local territory; 3) by contrasting "those who left" with "those who stayed" according to the principle "either stayed and drink, or left". The main conclusion is that people, on the one hand, form migration intentions associated with physical and social distancing from "drinkers", and on the other hand, they seek to transform the area of residence, offering sobriety practices as an alternative to drunkenness practices.

**Keywords:** alcoholism, alcohol consumption, drunkenness, identity threat, local identity, migration intentions, youth, Pskov region.

### REFERENCES

- Bezdek M., Spicer P. (2006) Maintaining abstinence in a Northern plains tribe. *Medical Anthropology Quarterly*. Vol. 20. No. 2: 160–181.
- Dariusz D. (2022) Association with and dissociation from groups in response to personal and social identity threats: the role of self-construal and anxiety. *The Open Psychology Journal*. Vol. 15. No. 1: e187435012208151. DOI:10.2174/18743501-v15-e2208151.
- Efimova A.A., Kamenskaya E.V., Stepanova I.A. (2018) The life of Pskov Rural Residents through the prism of well-being: theory and practice. *Izvestiya Velikolukskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii* [Izvestiya of Velikiye Luki State Agricultural Academy]. No. 1: 44–52. (In Russ.)
- Exploring the Shadow Side: Place Attachment in the context of stigma, displacement, and social housing. (2013) In: Manzo L.C. (eds) *Place Attachment: Advances in Theory, Methods and Applications*. London: Routledge: 178–190.
- Glushkova A.V., Karelin A.O., Eremin G.B. (2022) Alcohol abuse adult population as a marker of the socio-economic problems. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation]. Vol. 101. No. 8: 985–991. (In Russ.)
- Hugh-Jones S., Madill A. (2009) The air's got to be far cleaner here: a discursive analysis of place-identity threat. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 48. No. 4: 601–624.
- Kashnitsky I., Mkrtychyan N., Leshukov O. (2016) Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Educational Studies* [Voprosy Obrazovaniya]. No. 3: 169–203. (In Russ.)
- Kirkness P., Tijé-Dra A., eds. (2017) *Negative Neighbourhood Reputation and Place Attachment. The Production and Contestation of Territorial Stigma*. London: Routledge.
- Manzo L.C. (2003) Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 1: 47–61.
- Markus H.R., Kitayama S. (1991) Culture and The Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation. *Psychol Review*. Vol. 98. No. 2: 224–253.
- May C., Nielsen A.S., Bilberg R. (2019) Barriers to treatment for alcohol dependence. *Journal of Drug and Alcohol Research*. Vol. 8. No. 2: 1–17. DOI: 10.4303/jdar/236083.
- Morris J., Moss A.C. et al. (2022) The 'Alcoholic Other': Harmful drinkers resist problem recognition to manage identity threat. *Addictive Behaviors*. No. 124: 107093. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107093.

- Nemtsov A.V., Shelygin K.V. (2009) Alcohol dependent phenomena. The situation in the Northwestern Federal District. *Narkologiya* [Narcology]. Vol. 8. No.12(96): 44–52. (In Russ.)
- Nieweglowski K., Corrigan P.W. et al. (2018) Exploring the public stigma of substance use disorder through community-based participatory research. *Addiction Research and Theory*. Vol. 26. No. 4: 323–329. DOI: 10.1080/16066359.2017.1409890.
- Peter L.-J., Schindler S. et al. (2021) Continuum beliefs and mental illness stigma: a systematic review and meta-analysis of correlation and intervention studies. *Psychological Medicine*. Vol. 51. No. 5: 1–11. DOI: 10.1017/s0033291721000854.
- Prussing E. (2007) Reconfiguring the empty center: drinking, sobriety, and identity in native american women's narratives. *Culture, Medicine & Psychiatry*. Vol. 200731. No. 4: 499–526. DOI: 10.1007/s11013-007-9064-0.
- Radina N.K. (2012) Social psychology of urban life: fear city. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. No. 1: 126–141. (In Russ.)
- Room R. Sato H. (2002) Editors' introduction. Drinking and drug use in youth cultures: 1. Building identity and community. *Contemporary Drug Problems*. No. 29: 5–11.
- Schmader T., Major B. (2017) Stigma, social identity threat, and health. In: Major B., Dovidio J.F., Link B.G. (eds) *The Oxford Handbook of Stigma, Discrimination, and Health*. No. 1: 85–103. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190243470.013.3.
- Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Sokolova A.A. (2023) Human resources of the Northwestern Federal District: movement and localization. *EKO* [ECO Journal]. Vol. 53. No. 8: 35–56. (In Russ.)
- Shteinberg I.E. (2021) *The "Long Table" Method in Qualitative Field Sociological Research*. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Skokov R. Yu. (2021) Welfare in Russian regions and the prospects for anti-alcohol policy // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. Vol. 19. No. 9(492): 1610–1646. DOI: 10.24891/re.19.9.1610. (In Russ.)
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D.L. (1996) Place and Identity Processes. *Journal of environmental psychology*. Vol. 16. No. 3: 205–220.
- Zadorin I.V., Zotova V.A., Polikashina M.A., Rud' D. S., SHubina L. V. (2017) "Territories of Sobriety": experience in making and ensuring collective decisions to limit the production, distribution and consumption of alcoholic beverages in rural settlements and towns": analytical report on the results of the study. Moscow: CIRKON. (In Russ.)
- Zubok Yu. A., Chuprov V.I. (2020) Cultural life and cultural practices of young people in small towns: features of self-regulation. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No 3:140–156. DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11. (In Russ.)

Received: 11.07.23. Final version: 01.07.24. Accepted: 03.07.24.

## Ги́линскому Якову Ильичу – 90 лет!



16 июня 2024 г. исполнилось 90 лет Ги́линскому Якову Ильичу – известному ученому-криминологу, чьи труды и идеи во многом сформировали основу современной российской социологии девиантности (девиантологии).

Яков Ильич – коренной ленинградец, выпускник юридического факультета Ленинградского государственного университета (1957), после завершения которого работал адвокатом. Если его кандидатская диссертация (1967) была посвящена юридической тематике, то доктором юридических наук он стал (1986), защитив диссертацию «Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики)». Как Я.И. Ги́линский шутит по поводу своей профессиональной специализации, «я прежде всего “уголовник” и лишь затем – социолог-девиантолог». В 1990–2000-х гг. успешно совмещал научную и преподавательскую деятельность в юридических вузах Санкт-Петербурга. До 2009 г. в питерском Социологическом институте РАН возглавлял сектор социологии девиантности и социального контроля. Активно выступал как публицист, популяризирующий либеральные взгляды на причины различных социальных отклонений и терпимость общества по отношению к ним. Работает в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры РФ<sup>1</sup>.

Профессор Я.И. Ги́линский занимается девиантологическими исследованиями с начала 1970-х гг., являясь автором более 700 научных публикаций (из них более 150 опубликованы на английском, французском, немецком, венгерском, норвежском, итальянском, японском, украинском и других языках). Его научное наследие значительно обогатило понимание девиантного поведения и социологии преступности в России. Труды Якова Ильича<sup>2</sup> многие обществоведы считают краеугольным камнем для изучения девиантного поведения в современной России. Его учебные пособия по криминологии и девиантологии являются настольными книгами для многих студентов и исследователей.

Одной из ключевых идей Я.И. Ги́линского является утверждение о социальной природе девиантного поведения. Яков Ильич подчеркивает, что отклонения в поведении являются результатом в первую очередь социальных условий и норм, а не только индивидуальных особенностей. Более того, Яков Ильич в своих работах подчеркивает, что девиантность – это реакция общества на определенные действия.

Одной из ключевых идей Я.И. Ги́линского является утверждение о социальной природе девиантного поведения. Яков Ильич подчеркивает, что отклонения в поведении являются результатом в первую очередь социальных условий и норм, а не только индивидуальных особенностей. Более того, Яков Ильич в своих работах подчеркивает, что девиантность – это реакция общества на определенные действия.

<sup>1</sup>О жизненном и научном пути Я.И. Ги́линского см., например: Я.И. Ги́линский: «...Я начинал как чистый “уголовник”» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 3–12; Ги́линский Я.И. На пороге 90-летия. Невосторженные воспоминания. Яков Ги́линский отвечает на вопросы Бориса Докторова // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 2. С. 163–182.

<sup>2</sup>Среди наиболее фундаментальных его работ постсоветского периода можно назвать, прежде всего, следующие книги: Ги́линский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб: Юридический центр Пресс, 2004; Ги́линский Я.И. Конструирование девиантности. СПб: ДЕАН, 2011; Ги́линский Я.И. Творчество как позитивная девиантность. СПб: Алеф-Пресс, 2015; Ги́линский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна. СПб: Алетей, 2017; Ги́линский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. СПб, 2017; Ги́линский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб: Алетей, 2021; Ги́линский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетей, 2024.

С точки зрения Я.И. Гилинского, с которой соглашается большинство исследователей, взаимосвязи различных форм девиантности – позитивных (например, творчества) и негативных (включая преступность) – носят сложный, противоречивый характер, часто не отвечающий обыденным представлениям. Он выводит теоретически и практически важную закономерность об «интерференции» различных форм девиантности, считая, что конкретизация ее условий и характера – дело будущих исследований.

Яков Ильич Гилинский утверждает, что девиантное поведение не существует как абсолютное явление, а является результатом социального конструирования (в утрированном виде, «преступление – только то, что выдумало государство»). Эта идея, часто подвергаемая критике в некоторых аспектах его коллегами, гласит, что общество (власть) создает и определяет, что является девиантным, через свои нормы и законы.

Другой важной идеей Я.И. Гилинского является концепция кризиса пенитенциарной системы. Рассматривая на большом историческом периоде и эмпирическом материале различные системы наказания, Яков Ильич показывает, что современная система наказаний находится в состоянии кризиса, так как не достигает своих целей реабилитации преступников и профилактики преступности. Я.И. Гилинский критически оценивает эффективность тюремного заключения, указывая на необходимость поиска альтернативных методов наказания, которые бы способствовали социальной адаптации и реинтеграции правонарушителей. Эта идея важна тем, что она предлагает гуманизировать систему наказаний, делая акцент на восстановлении социальной справедливости и снижении рецидивизма.

Еще одной важной темой исследований Я.И. Гилинского стала социальная инклюзия и эксклюзия. Он писал об «обществе исключенных», подчеркивая, что одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (inclusive/exclusive). Исключение происходит, в том числе, по причине разрыва социальных связей в обществе. К сожалению, это явление приобретает характер не просто «личной неудачи», а массового социального феномена, всё более актуального сегодня, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества. К исключенным могут быть отнесены не только преступники, бездомные, наркоманы и другие откровенно маргинализованные группы, но и более многочисленные бедные и мигранты. Я.И. Гилинский утверждает, что для полноценного развития общества необходимо создавать условия для социальной инклюзии, интеграции таких групп, предоставляя им возможности для реабилитации и нормальной жизни.

В своих исследованиях Я.И. Гилинский также касался тематики позитивных девиаций и творчества. Позитивные девиации, такие как инновации и творческие прорывы, играют важную роль в развитии общества, ведут к прогрессу и улучшению качества жизни. Яков Ильич подчеркивал, что творчество и инновации, выходящие за рамки существующих норм, могут стать движущей силой положительных социальных изменений.

В трудах Я.И. Гилинского последних десятилетий широко обсуждается тема девиантологии и криминологии (неокриминологии) постмодернизма. Анализируя общество постмодерна, Яков Ильич выделяет его главные противоречия и проблемы. Особый акцент он делает на возросшем социально-экономическом неравенстве в эпоху постмодернизма: «В эпоху глобального постмодернистского мира социально-экономическое неравенство превышает допустимые пределы, превращаясь в тормоз, а то и регресс развития общества...; вызывая недовольство, восстания, революции или же – застой».

Яков Ильич представляет научное сообщество страны на европейских и всемирных научных форумах социологов, девиантологов и криминологов. Он – участник многих международных научных мероприятий в разных странах мира. Его хорошо знают и высоко ценят отечественные и зарубежные ученые: он является Академиком Международной академии образования, членом Международной ассоциации девиантологов и других авторитетных организаций. Яков Ильич Гилинский – не только основатель ленинградской школы девиантологии, но и фигура, оказавшая влияние на формирование других



девиантологических школ в Москве, Казани, Краснодаре, Уфе, Тюмени, Красноярске и многих других городах страны.

Его научная принципиальная позиция всегда выделяла его среди девиантологов. Несмотря на критические выступления некоторых коллег, не разделяющих радикализм многих идей Я.И. Гилинского, он всегда оставался верен своим убеждениям. Его научная непримиримость и искусство научной дискуссии сделали его примером для подражания даже для оппонентов его взглядов.

Яков Ильич, коллектив сектора социологии девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН от имени всех российских девиантологов сердечно поздравляет Вас с юбилеем! Трудно переоценить Ваш вклад в развитие советской и российской социологии. Дорогой Яков Ильич, в день Вашего юбилея мы, Ваши коллеги и ученики, хотим выразить Вам глубокую благодарность за Ваш неоценимый вклад в науку. Ваши труды и идеи продолжают вдохновлять нас, и мы гордимся тем, что имеем честь работать рядом с Вами. Пусть Ваш пример научной доблести будет маяком для всех нас. Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, верных друзей рядом и надежных коллег. Пусть Ваша мудрость и опыт продолжают приносить плоды, а Ваше имя всегда будет ассоциироваться с высшими достижениями в социологической науке!

*С глубоким уважением и теплыми поздравлениями, Ваши коллеги и ученики: руководитель сектора социологии девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН М.Е. Позднякова; сотрудники сектора – В.В. Брюно, И.В. Козлова, Е.В. Ларина, Я.А. Арделянова, Н.Е. Хагурова.*

Я.И. ГИЛИНСКИЙ

## ДЕВИАНТОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

---

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, Россия (yakov.gilinsky@gmail.com).

---

**Аннотация.** Хотя социология девиантности и социального контроля активно развивается за рубежом и в нашей стране с 1960–1970-х гг., ей не хватает осмысления текущих тенденций в контексте долгосрочных изменений современного общества. Автором дан обзор последствий влияния основных особенностей общества постмодерна (социального неравенства, массовой миграции, социальной раздробленности общества и особенно виртуализации жизни) на различные проявления девиантности – на преступность, наркотизм, проституцию, самоубийства и др. Высказаны предложения о дальнейшем развитии российской девиантологии как социологии девиантности и социального контроля.

**Ключевые слова:** постмодерн • девиантное поведение • девиантология • социология девиантности

DOI: 10.31857/S0132162524060109

**Немного о девиантологии.** Социология девиантности и социального контроля (sociology of deviance and social control) – относительно молодая наука. Хотя отдельные представления (философские, экономические, психологические, социальные и др.) о нежелательных явлениях существовали, конечно, издавна [Гилинский, 2021: 64–129], почти все основополагающие работы этого направления относятся ко времени после Второй мировой войны [Akers, 1985; Downes, Rock, 1988; Higgins, Butler, 1982; Hirschi, 1969; Liazos, 1972; Schur, 1971; Sumner, 1994]. Ее объект – различные деяния людей, отклоняющиеся от «нормы», нарушающие общепринятые или установленные государством нормы поведения (преступления, потребление наркотиков, злоупотребление алкоголем, проституция, самоубийства, коррупция, терроризм, но и... творчество [Творчество как позитивная девиантность, 2015]).

В 1974 г. в рамках Международной социологической ассоциации создается 29-й исследовательский комитет по «Deviance and Social Control», с 1979 г. начал выходить специализированный международный журнал «Deviant Behavior». И только в 2001 г. опубликована первая четырехтомная «Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior» под редакцией К. Брайанта.

В России самые первые статьи по «отклоняющемуся поведению» Я.И. Гилинского вышли еще в 1971 г. Позднее в процессе развития отечественной девиантологии формируются ее подотрасли: экономическая девиантология (Р. Оленев и др.), военная девиантология (В. Вагин, С. Ворошилов, Я. Гилинский, Д. Клепиков, А. Тюриков), ювенальная девиантология (Г. Забрянский, А. Комарницкий, А. Салагаев), психология девиантного поведения (Ю. Клейберг, Е. Змановская, И. Горьковая, И. Первова и др.), пенитенциарная девиантология (И. Осинский, М. Гайдай), география девиантных проявлений (А. Габiani, Е. Демидова). Однако российской девиантологии не хватает осмысления современных особенностей отклоняющегося поведения в контексте долгосрочных – можно сказать, формационных – изменений общества в целом (примером таких подходов могут быть работы [Честнов, 2002; 2012]). Автор попытается далее дать эскиз такого подхода, который можно условно назвать *формационной девиантологией*.

**Постмодерн как среда современной девиантности.** Человечество на протяжении всей своей истории проходит различные стадии развития. Со второй половины XX в. мы погрузились в эпоху постмодерна (см., напр., [Андерсон, 2011]). Его особенности влияют на все проявления человеческой жизнедеятельности и на их понимание (подробнее см.: [Гишинский, 2017; 2024]).

Одна из основных особенностей постмодерна – появление *виртуального мира*, наряду с реальным. Мы все живем параллельно в реальном и виртуальном мире. Другая особенность постмодерна – *массовая миграция* населения, что не может не влиять на жизнь как «коренных» народов, так и мигрирующих. *Глобализация* экономических, финансовых, технологических процессов приводит к глобализации и негативных и позитивных (творчество) девиантных проявлений.

Самое главное – это изменение социальной структуры: традиционные неравенства (рабы – рабовладельцы, крепостные крестьяне – феодалы, наемные рабочие – капиталисты) сменяются новым разделением современного общества. Это – с одной стороны, меньшинство *включенных* в активную экономическую, социальную, политическую и культурную жизнь (*included*), и, с другой стороны, большинство *исключенных* из нее (*excluded*). По вполне обоснованному мнению С. Жижика, «противостояние исключенных и включенных является ключевым» [Жижик, 2011: 34]. Иными особенностями постмодерна, влияющими на бытие людей, являются технологическая революция, неопределенность всего сущего и наших знаний, фрагментаризация мышления как результат фрагментаризации бытия, консьомеризация сознания и жизнедеятельности, шизофренизация сознания и др.

Особенности современного общества постмодерна влияют на все проявления девиантности. В качестве примера сошлюсь лишь на глобализацию криминальной девиантности. Глобализация экономики, финансов, технологий сопровождается глобализацией преступности – развитием международной торговли наркотиками, оружием, людьми (включая женщин для занятия проституцией), человеческими органами и другими контрабандными товарами. Все это – широкое поле деятельности, прежде всего, международных преступных организаций и взаимодействия национальных преступных организаций разных стран.

С 1950-х гг. широко распространена международная торговля наркотическими средствами. Основные «поставщики» героина – страны «Золотого полумесяца» (Афганистан и Пакистан), кокаина – страны «Андского треугольника» (Колумбия, Перу, Боливия). Распространение гашиша и марихуаны носит более интернациональный характер, как и торговля химическими наркотиками. Что касается международной торговли женщинами (для занятия проституцией), то, по некоторым данным, во второй половине XX в. было четыре мировые «волны», соответствующие активному втягиванию в современную мир-систему ранее периферийных наций: первая волна шла из Таиланда и Филиппин, вторая – из Доминиканской Республики и Колумбии, третья – из Ганы и Нигерии, четвертая – в 1990-х из стран бывшего СССР (Россия, Украина, Белоруссия, Латвия). Наряду с этими двумя общеизвестными контрабандными промыслами, наркотрафиком и международной проституцией, есть и менее известные: нелегальная международная торговля похищенными транспортными средствами, технологическими достижениями, редкими животными, контрабанда подакцизных товаров (например, табачных изделий) и т.д.

Далее внимание будет сосредоточено в основном не на проявлениях, а на «постмодерновых» причинах девиантности.

**Социальное неравенство.** *Неравенство «включенных» и «исключенных»* – один из важнейших криминогенных и девиантогенных факторов. Так, по данным МВД РФ<sup>1</sup>, из общего числа осужденных за последние годы доля лиц, «не имеющих постоянного источника доходов», составляла 63–69%, а среди осужденных за убийства – 72–75%. Но это только лица, не имеющие постоянного источника доходов. А если имеют

<sup>1</sup> Здесь и далее при изложении статистики преступности автор ссылается на данные ежегодников «Состояние преступности в России» (М.: МВД РФ, ФКУ ГИАЦ).

постоянный источник дохода ниже официального прожиточного минимума? А если лишь немногим выше этого прожиточного минимума? Это все – «исключенные», люди без достаточного дохода, не участвующие в активной экономической, политической, культурной (где средства ходить в музеи, театры, путешествовать, покупать книги и т.п.?) жизни страны. Таких в современной России, скорее всего, большинство.

В 1970-е гг. автору приходилось изучать сотни материалов по фактам самоубийства в тогдашнем Ленинграде. Во многих материалах были предсмертные записки суицидентов. Одна из таких записок поразила меня. Простой рабочий с невысоким образовательным уровнем писал своему сыну: «Сашенька шагни дальше отца как можно дальше отца по социальной лестнице» (орфография сохранена). Как этот несчастный «исключенный» мог догадаться о том, что не всегда понимают ученые мужи?! Только продвижение вверх по социальной лестнице позволит вырваться из «исключенных» во «включенные». Но возможности «вертикального лифта» сегодня в России крайне ограничены. И максимальный коэффициент суицидального риска все так же остается именно у «исключенных» – у россиян с невысоким образовательным уровнем, с низким доходом, безработных [Ушакова, 2008; Черепанова, 2012].

Эта тенденция была хорошо видна еще в позднесоветский период. В частности, сравнительный анализ результатов эмпирических исследований тяжких насильственных преступлений, самоубийств и пьянства в Ленинграде показал, что максимальный коэффициент криминальной, суицидальной и алкогольной активности оказался у одной и той же социально-демографической группы населения – мужчины, *рабочие*, среднего возраста [Проскурнина, 1985].

**Массовая миграция.** Массовизация внутренней и внешней миграции вызывает массовый «конфликт культур», о котором писал Т. Селлин еще в прошлом веке [1966: 282–287]. Огромное количество мигрантов – людей других этносов, иных религий и культур, нежели коренное население, – не может не порождать конфликты, вызывающие взаимное неприятие, оскорбления, драки вплоть до вооруженных столкновений и террористических актов. Ситуация усугубляется тем, что приезжие, мигранты оказываются, как правило, в числе «исключенных» – основных субъектов девиантных проявлений.

Вот пример из зарубежного опыта, существенно объясняющий и некоторые российские реалии. Как известно, «новым словом» в организации терактов стал случай в Ницце в июле 2016 г., когда молодой мигрант-тунисец на грузовике врезался в толпу людей, в результате чего почти 90 человек погибли и несколько сотен получили ранения. Комментируя это, один из авторов «Живого журнала» написал, что «террористом в Ницце оказался неудачник-разведенка с целым букетом проблем и комплексов. Ницца – это солидное тихое место для солидных господ, в котором понятие “бюджетное жильё” начинается с уровня, который в любом другом месте будет считаться респектабельным и элитным... Фактически перед нами – классический свихнувшийся неудачник, реализовавший свои комплексы и ненависть к окружающему богатому и равнодушному миру»<sup>2</sup>. Другой пример – своего рода анклав квартала Моленбек в Брюсселе, известный высокой концентрацией представителей мусульман, ставший центром терроризма европейского масштаба. В этом районе сконцентрировались беднейшие слои населения, которые «притягивали бедное обслуживание, бедное образование. А бедное плохое образование выталкивает людей из общественной жизни, воспроизводит, точнее, создает заново социально-религиозную, социально-расовую дискриминацию... Конечно, такой род замкнутых кварталов – это котел, который формирует резервы террористов»<sup>3</sup>.

Сказанное – не защита преступного поведения мигрантов, а попытка объяснить происходящее. Этому мнению придерживается и такой компетентный практик, как

<sup>2</sup> Маленький человек. URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (дата обращения: 25.04.2024).

<sup>3</sup> Почему террор набирает обороты в развитом мире? Объясняет политолог и этнограф Эмиль Паин. URL: <https://evolkov.net/moodle/mod/forum/discuss.php?d=1393> (дата обращения: 27.05.2024).

вице-президент Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» А. Филатов: «Дело в том, что террористами люди не рождаются, а становятся по каким-то причинам. Надо искать эти причины и устранять их. [...] Терроризм – это средство борьбы, как правило, слабой стороны против сильной. Если мы в разы не уменьшим угрозу, если будут условия, толкающие людей на эту сторону, террористы всё равно будут просачиваться»<sup>4</sup>.

Не следует также забывать, что насильственные действия осуществляют не только мигранты, но и «коренные граждане» против мигрантов. Не говоря уже о тех условиях проживания и работы, которые, как правило, предоставляются мигрантам.

**Раздробленность общества.** Постмодерну присуща *фрагментаризация* населения. Основное деление общества постмодерна, как уже говорилось, – на включенных и исключенных. Но те и другие делятся, в свою очередь, на многочисленные *фрагменты* по возрасту, гендеру, образованию, профессии, месту жительства и другим критериям. И каждый фрагмент имеет свои представления о дозволённом и не дозволённом, допустимом и не допустимом, правильном и не правильном. Соответственно, что «нормально» для одних – то отклонение (девиантность) для других. Это существенно осложняет взаимопонимание, правотворчество и правоохранительную деятельность.

Так, представления о допустимом/недопустимом у подростков и молодежи существенно отличается от правосознания старших поколений. Такой разрыв был всегда, но сегодня он особенно велик в силу скорости изменений в мире, разнице понимания в мире реальном и виртуальном. Молодежные сети в Интернете формируют миропонимание и правосознание, существенно отличные от привычного мировоззрения старших поколений. Непонимание между родителями и детьми стало «нормой». К сожалению, возрастное взаимонепонимание находит отражение и в правотворческой деятельности. Ведь законодатели, как правило, – люди старшего возраста, и нередко результат их законодательной деятельности противоречит новаторским – и подчас более прогрессивным, более современным – представлениям молодежи.

На чьей стороне, на стороне каких фрагментов должны стоять государство, закон, правоохранительные органы? Сейчас, в частности, осуществляется противодействие гомосексуалистам, ЛГБТ. Однако сексуальные взаимоотношения – личное дело каждого, государство не должно вмешиваться в личную жизнь граждан. Другой пример – бесконечные дискуссии, можно или нельзя разрешать школьникам и студентам пользоваться смартфонами во время занятий. Но ведь виртуальная действительность охватывает сегодня всех. Есть позитивные и негативные стороны этого. Применительно к разнообразию мнений фрагментов социума, нельзя не отметить, что пользование Интернетом и смартфонами стало уже неотъемлемой частью жизни, особенно у подростков и молодежи.

**Виртуализация бытия.** В эпоху постмодерна мы все живем в двух параллельных мирах – реальном и виртуальном. Это – одна из существеннейших новаций постмодерна, идущая от смартфонов и Интернета к искусственному интеллекту.

С появлением виртуального мира преступность, наркотики, проституция быстро переходят в него. Это проявляется, в частности, в... сокращении «видимой», привычной уличной преступности (*street crime*) во всем мире с конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда стали активно развиваться интернет-сети. Так, в России, по данным МВД РФ, количество зарегистрированных преступлений сократилось с 3 855 373 в 2006 г. до 1 966 795 в 2022 г., т.е. почти в два раза. А количество зарегистрированных убийств сократилось с 33 583 в 2001 г. до 7 628 (в 4,4 раза ниже!) в 2022 г., умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – с 58 469 в 2002 г. до 17 388 (в 3,4 раза), разбойных нападений – с 63 671 в 2005 г. до 3972 (в 16 раз!!!), грабежей – с 357 302 в 2006 г. до 29 209 (более чем в 12 раз).

<sup>4</sup> «Бороться с терроризмом на входах в метро и аэропорты – неэффективно» // Известия. 10.04.2017. URL: <https://iz.ru/news/675879> (дата обращения: 27.05.2024).

Однако преступность не исчезла, а перешла в виртуальный мир. Так, количество преступлений с использованием компьютерной и телекоммуникационной техники выросло в России в 2018 г. на 92,8%, в 2019 г. – еще на 68,5%, в 2020 г. – на 73,4%. Дальнейший рост сократился, но продолжился. Количество фактов зарегистрированного мошенничества выросло с 69 346 в 2002 г. до 343 085 в 2022 г. (рост почти в пять раз). И это – при высокой латентности такого рода преступлений. Так, по данным Европейского общества криминологов, если средний уровень раскрываемости «обычных» преступлений в Европе составляет 42–46%, то киберпреступлений – всего 4–5%. Немногим отличается ситуация в России. Так что реальный рост мошенничества в России можно увеличить в десяток раз.

Все это не удивительно. Подростки и молодежь – основной субъект «уличной преступности». Но выбежать на улицу с ножом и ограбить пенсионерку на 100–200 рублей – рискованно (особенно в условиях массовости камер слежения) и маловыгодно. Зато, сидя дома за компьютером и попивая кофе, снять десяток тысяч долларов в банке соседней страны – менее рискованно и гораздо более выгодно. Правда, стать хакером всё же сложнее, чем уличным грабителем.

Интернет предоставляет невиданные раньше возможности для девиантных действий. Интернет буквально забит сообщениями о наркотиках, проститутках и порнографии. Нажатием нескольких клавиш компьютера получаешь возможность приобрести наркотики, «полюбоваться» фильмами БДСМ, получить телефон доступных девушек в своем городе. (Автор провел простой эксперимент для понимания распространенности «доступных девушек» в городе, где он живет: набрал запрос в компьютере и немедленно получил десятки фотографий с указанием возраста, роста, веса, бюста, стоимости за час и за ночь, номеров телефона.) Поэтому стала совершенно бессмысленной криминализация организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), изготовления и оборота порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ). Существенно должна меняться и антинаркотическая политика, которую нельзя сводить к криминализации всего, что хоть как-то связано с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами (!).

Но есть, как всегда, и положительные следствия ухода подростков и молодежи в Интернет. Так, по результатам исследования американских криминологов, во время пика продаж видеоигр, включая различные «стрелялки», количество преступлений снижается на 30%. Это не удивительно: играя и побеждая в «стрелялках», подростки удовлетворяют природную потребность в самоутверждении, сокращая «самоутверждение» в преступных деяниях.

Развитие современных технологий ведет к непредсказуемым как позитивным, так и негативным последствиям. Полезно замечать выполнение тяжелых физических работ роботами, но при этом сохраняется опасность получить травмы или даже погибнуть из-за робота (компьютерной программы), когда тот ошибается (такие случаи уже наблюдались). Транспорт и авиация без водителей и экипажа выгодны и удобны, но и небезопасны.

Самое опасное в развитии технологий постмодерна – когда «цифровой мир» позволяет обеспечить государству/власти тотальный контроль над каждым членом общества. Речь идет, прежде всего, об опыте программы в КНР по определению и присвоению гражданам «социального рейтинга». Она принята в 2014 г. и к 2021 г. экспериментально реализовывалась более чем в 100 городах. Известным примером внедрения этой системы стал город Жунчэн: проживающим здесь гражданам были присвоены стартовые баллы, к которым за одобряемые поступки (например, сдачу донорской крови, хорошую кредитную историю) баллы прибавлялись, а за неодобряемые (например, нарушение ПДД) отнимались. В результате законопослушный гражданин получал бонусы и выгоды (мог арендовать велосипед без залога, записаться к врачу без очереди и т.д.). Напротив, у тех, кто не исполнял, например, финансовые обязательства, возникали сложности: вводился запрет на поездки на скоростных поездах, путешествия на самолете, заселение в дорогие отели и т.д. Фактически это – попытка тотального контроля над каждым жителем страны.

Похожие меры контроля есть и в других странах. Так, в США, согласно Антитеррористическому закону 1979 г., существует возможность «превентивного ареста» без обвинения

в совершении конкретного преступления [Гуринская, 2018]. Да и в России видеонаблюдение, прежде всего в Москве, обеспечивает достаточно полный контроль над жителями.

В результате «цифровизации» населению грозит тотальный контроль государства над каждым из нас – «оруэллизация» жизни (вспомним «1984» Оруэлла), когда каждый гражданин живет «под колпаком». В современном мире безусловно растет *технологическая* свобода (быстрое перемещение по планете, молниеносная связь по смартфону, скайпу, помощники-роботы и т.п.). Но намного сложнее обстоит дело с *личностной* свободой, все более ограничиваемой «мерами безопасности». Дилемма «*меры безопасности vs права и свободы человека*» – в высшей степени актуальная и сложнейшая общемировая проблема.

Жизнь в двух мирах (реальном и виртуальном), различия в сознании представителей разных фрагментов населения, сложная жизнь «исключенных», относительно быстрые глобальные изменения всего и вся не могут не оказывать «расшатывающего» влияния на сознание людей, вплоть до «шизофренизации». Это проявляется не только в повседневно высоком уровне социальной напряженности, но и в психологических кризисах («безумствах толпы»), которые может сопровождаться вспышками немотивированной агрессии [Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014], взаимной ненависти, преступлениями ненависти (hate crimes).

**Творчество как позитивная девиантность.** Одним из видов девиантности является его позитивное проявление – *творчество* (научное, техническое, художественное, литературное и др.). Парадокс в том, что у позитивной и негативной девиантности могут быть схожие причины, к тому же общество не всегда их правильно различает.

У каждого человека, осознает он это или нет, есть потребность в самоутверждении, самореализации. Эта потребность особенно сильна у молодых людей, возможности которых весьма ограничены (нет должного образования, профессии, жизненного опыта). Потребность в самоутверждении удовлетворяется либо в творческой, позитивной деятельности, либо, в случае неудачи, невозможности – в негативной («комплекс Герострата»). Согласно теории «двойной неудачи» [Мертон, 1966], человек старается самоутвердиться сначала в творческой – полезной, позитивной для общества – деятельности. Если это не удастся (первая неудача), то возможны попытки самоутвердиться в негативных, криминальных действиях. Но если и это не удастся (родители хорошо воспитали, полиция бьется и т.д. – вторая неудача), тогда происходит «уход» – в алкоголь, наркотики, суицид.

Если творческие (новаторские) деяния и теории существенно отличаются от общепринятого, намного опережают время, то они нередко рассматриваются обществом, государством, как... негативные и преступные. Вот почему Сократ был приговорен к смертной казни, сожжены на кострах Ян Гус и Джордано Бруно, заточен Галилео Галилей. А сколько выдающихся ученых и писателей были вынуждены бежать из гитлеровской Германии, сколько были уничтожены в советских концлагерях (общезвестные примеры – поэт О. Мандельштам, экономист Н.Д. Кондратьев, генетик Н.И. Вавилов). Создателей нового, творцов, ненавидели подчас больше, чем реальных преступников.

Между тем, как свидетельствуют многочисленные исследования, чем больше людей удовлетворяют потребность в самоутверждении в творческой деятельности, тем меньше – в негативных девиациях, включая преступления. Существует, очевидно, «баланс социальной активности»: вся совокупность человеческой жизнедеятельности, с позиций оценок ее составляющих – это «правопослушная деятельность + негативные девиации + позитивные девиации (творчество)». И чем больше одного вида деятельности, тем меньше другого. Государство, предоставляя максимальные возможности для творческой деятельности, тем самым содействует сокращению негативных девиаций.

**Перспективы развития девиантологии.** Как видим, в современном мире постмодерна проблемы отклоняющегося, нормонарушающего поведения более чем актуальны. Приходится переосмысливать многие старые представления. Девиантность в некотором смысле становится «нормой», что не исключает пристального к ней внимания и необходимости разумного, хорошо обоснованного воздействия.

Между тем отечественная социология, включая социологию девиантности, переживает не лучшие времена. Любая наука – интернациональна, если она – Наука. К сожалению, Россия в целом и ее наука в частности становятся все более изолированными от быстро развивающегося мира. К тому же ликвидирован ряд бывших научных центров по изучению девиантных проявлений и разработке мер воздействия на них.

В то же время надо отдать должное научно-педагогическим учреждениям системы МВД РФ (Краснодарский университет МВД РФ, Санкт-Петербургский Университет МВД РФ), которые сегодня приняли эстафету изучения проблем девиантологии. Активно работает центр под руководством профессора Ю.А. Клейберга (Московская область). Но сегодня в России выходят только два журнала по проблемам девиантологии – это «Российский девиантологический журнал» Санкт-Петербургского Университета МВД РФ (главный редактор А.А. Реан) и «Вопросы девиантологии» (главный редактор Ю.А. Клейберг). Этого, конечно, недостаточно.

Остается надеяться на будущее – как на возвращение былой активности социологических научных учреждений страны по развитию отечественной девиантологии, так и на восстановление международных научных связей и проведение совместных исследований.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011.
- Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетей, 2017.
- Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 4 изд. СПб.: Алетей, 2021.
- Гилинский Я. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетей, 2024.
- Гурина А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. СПб.: РГПУ, 2018.
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН, 2014.
- Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
- Проскурнина Н.Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Труды по криминологии. Тарту: ТГУ, 1985. С. 84–91.
- Селлин Т. Конфликт культур // Социология преступности (современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.
- Творчество как позитивная девиантность / Под ред. Я. Гилинского, Н. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
- Ушакова Е.С. Суицидальные риски // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 106–110.
- Черепанова М.И. Суицидальные риски: основные тенденции воспроизводства в ряде территорий России. Lambert Academic Publishing, 2012.
- Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
- Честнов И.Л. Правоприменение в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭСЭП, 2002.
- Akers R. Deviant Behavior: A Social Learning Approach. Belmont, California: Wadsworth, Inc., 1985.
- Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking. 3<sup>rd</sup> ed. Oxford University Press, 1988.
- Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982.
- Hirschi T. Causes of Deviance. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Liazos A. The Poverty of the Sociology of Deviance: nuts, sluts and perverts // Social Problems, 1972. No. 20. P. 103–120.
- Schur E. Labeling Deviant Behavior: Its sociological Implication. Harper and Row, Publisher, 1971.
- Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. Buckingham: Open University Press, 1994.

Статья поступила: 9.01.24. Финальная версия: 27.05.24. Принята к публикации: 28.06.24.



## POSTMODERN DEVIANTOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS

GILINSKY Ya.I.

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russia*

*Yakov I. GILINSKY, Dr. Sci. (Law), Prof. of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia (yakov.gilinsky@gmail.com).*

**Abstract.** Although the sociology of deviance and social control has been actively developing abroad and in our country since the 1960–1970s, it lacks an understanding of current trends in the context of long-term changes in modern society. The author gives an overview of the consequences of the influencing main features of postmodern society (social inequality, mass migration, social fragmentation of society and, especially, the virtualization of life) on various manifestations of deviance – crime, drug addiction, prostitution, suicide, etc. Proposals are made for the further development of Russian deviantology as sociology of deviance and social control.

**Keywords:** postmodern, deviant behavior, deviantology, sociology of deviance.

### REFERENCES

- Akers R. (1985) *Deviant Behavior: A Social Learning Approach*. Belmont, California: Wadsworth, Inc.
- Anderson P. (2011) *Origins of postmodernity*. Moscow: Territoriya buduschego. (In Russ.)
- Cherepanova M.I. (2012) *Suicidal risks: main trends in reproduction in a number of Russian territories*. Lambert Academic Publishing. (In Russ.)
- Chestnov I.L. (2002) *Law enforcement in the postmodern era*. St. Petersburg: IVESEP. (In Russ.)
- Chestnov I.L. (2012) *Postclassical theory of law*. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.)
- Creativity as a positive deviance*. (2015) Ed. by Y. Gilinsky, N. Isaev. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.)
- Downes D., Rock P. (1988) *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking*. Third Edition. Oxford University Press.
- Enikolopov S.N., Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V. (2014) *Aggression in everyday life*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2017) *Deviance in postmodern society*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2021) *Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"*. 4<sup>th</sup> ed. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2024) *Criminology and deviantology of postmodernity*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Gurinskaya A.L. (2018) *The Anglo-American model of crime prevention: A critical analysis*. St. Petersburg: RGPU. (In Russ.)
- Higgins P., Butler R. (1982) *Understanding Deviance*. McGraw-Hill Book Company.
- Hirschi T. (1969) *Causes of Deviance*. Berkeley: University of California Press.
- Liazos A. (1972) The Poverty of the Sociology of Deviance: nuts, sluts and perverts. *Social Problems*, 1972. No. 20: 103–120.
- Merton R. (1966) Social structure and anomie. In: *Sociology of crime*. Moscow: Progress: 299–313. (In Russ.)
- Proskurnina N.N. (1985) Using the classification of socio-demographic groups of the population in criminological research. In: *Theoretical problems of studying territorial differences in crime. Works on criminology*. Tartu: TSU: 84–91. (In Russ.)
- Schur E. (1971) *Labeling Deviant Behavior: Its sociological Implication*. Harper and Row, Publisher.
- Sellin T. (1966) Conflict of cultures. In: *Sociology of crime (modern bourgeois theories)*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Sumner C. (1994) *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.
- Ushakova E.S. (2008) Suicidal risks. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2: 106–110. (In Russ.)
- Zizek S. (2011) *Reflections in red*. Moscow: Europe. (In Russ.)

Received: 9.01.24. Final version: 27.05.24. Accepted: 28.06.24.

## АКАДЕМИКУ Г.В. ОСИПОВУ – 95!

В июне 2024 г. исполнилось 95 лет Геннадию Васильевичу Осипову, академику РАН (1991), доктору философских наук, профессору, одному из самых известных российских социологов, стоявших у истоков возрождения этой дисциплины в 1960-е гг., крупному организатору науки и руководителю социологических институций.

Вся профессиональная жизнь Г.В. Осипова связана с Москвой: здесь он окончил Институт международных отношений, приобщился сначала к философии, затем к социологии, достигнув в ней больших высот. В разные годы академик Осипов был президентом Российской академии социальных наук (РАСН), членом бюро Отделения общественных наук РАН, президентом Евразийской международной ассоциации, членом Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, президентом Международной Академии социальных наук, занимал другие ответственные посты. Благодаря его деятельности социология стала важной составной частью гуманитарных и социальных наук в СССР, а также закрепила свой статус в рамках Международной социологической ассоциации. В настоящее время Г.В. Осипов – директор Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Г.В. Осипов – инициатор создания двух академических институтов: Института конкретных социологических исследований АН СССР (1968) и Института социально-политических исследований РАН (1991), которым он успешно руководил более 20 лет (1991–2002, 2006–2017). В 1960–1972 гг. Геннадий Васильевич, будучи президентом Советской социологической ассоциации, отстаивал интересы советской социологии на международном уровне, внес вклад в налаживание профессиональных отношений между отечественными и зарубежными социологами. Под руководством Г.В. Осипова в советское время было проведено несколько международных социологических исследований. По его инициативе в советское время переводились на русский язык труды современных ведущих американских и английских социологов. Благодаря его усилиям социологическая наука успешно развивалась в ряде республик СССР.

Нельзя не отметить, что академик Осипов был также среди инициаторов первого отечественного журнала по социологии «Социологические исследования», полувековой юбилей которого отмечается в июле 2024 г. Его статьи на протяжении многих лет украшали страницы этого издания.

Вклад Г.В. Осипова в отечественную науку на разных этапах ее развития трудно переоценить: он включает издания, имевшие учебно-методологическое, научное, международное значение. Под руководством Г.В. Осипова издано значительное количество научных работ, по которым учились несколько поколений советских и российских социологов. Среди них «Рабочая книга социолога» (4 издания), «Методы измерения в социологии», «Введение в социологическую науку», «Измерение социальной реальности». Г.В. Осипов – редактор, автор и соавтор более 250 научных работ по актуальным проблемам социологии и философии, включая такие, как «Техника и общественный прогресс» (1959), «Автоматизация в СССР» (1961), «Социальные проблемы труда и производства» (1969), «Социология в СССР» (1965), «Теория и практика социологических исследований в СССР» (1979), «Социология и социальное мифотворчество» (2002), «Социология и общество» (2007), «Социология и политика» (2009), «История социологии» (2009), «Возрождение социологической науки в России» (2012). Редактор многих энциклопедических изданий по отечественной и зарубежной социологии («Энциклопедический социологический словарь», «Российская социологическая энциклопедия» и др.).

За свои заслуги Г.В. Осипов получил высокие государственные и иные награды: Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2009), Орден Александра Невского (2021), Орден Почёта (2004), Орден Дружбы (2000), Золотая медаль им. М.М. Сперанского (2005) и др.

*Редколлегия и редакция журнала СоцИс, коллеги и многочисленные ученики поздравляют юбиляра со знаменательной датой и желают ему новых творческих успехов, благополучия и здоровья, надеясь на продолжение многолетнего плодотворного сотрудничества.*

# Социологическая публицистика

© 2024 г.

А.Г. ЩЕЛКИН

## СОЦИОЛОГИЯ: ПОСТМОДЕРНИЗМ И ОНТОЛОГИЯ

---

ЩЕЛКИН Александр Георгиевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (evropa.ru@gmail.com).

---

**Аннотация.** Заметно вырос интерес к онтологии в социологической науке; при этом онтология трактуется неоднозначно. С одной стороны, мы имеем традицию классической онтологии, которая представлена именами и работами Аристотеля, Парменида, Гегеля, Маркса, Хайдеггера, франкфуртской школой в социологии, Лукача, М. Лифшица. С другой стороны, появилось направление «социальной онтологии», которое скорее опирается на установки и стилистику постмодернизма. Если в классической онтологии мы имеем ориентацию на «подлинные» и «истинные» феномены общественного бытия, отличая их от «вещей» девиантных и не соответствующих своей природе, то в постмодернистской редакции такого «сущностного» различия не проводится: «все состояния равнозначны», «все суть идиократические (сугубо индивидуальные) факты». В этом случае мир социальных вещей не пронизан «категориальным», «сущностным» и «типовым» единством, и каждая «вещь» не детерминирована своей сущностью, а напротив, представлена «плюрализмом» своих произвольных вариаций, каждая из которых может считаться своего рода «подлинностью», «аутентичностью» *suī generis*, «истинным» в силу факта существования. Подобный позитивистско-постмодернистский релятивизм сводит на нет «культуру понятий», – краеугольный камень онтологии, поскольку понятие есть то, с помощью чего схватывается сущность человеческих дел, в чем присутствует аутентичность социальных артефактов и что хранит подлинность жизненных ситуаций.

**Ключевые слова:** онтология • «социальная онтология» • постмодернизм • «природа вещей» • понятие в онтологии

DOI: 10.31857/S0132162524060119

Коллега-социолог как-то спросила, куда девался постмодернизм, какое-то время тому назад шумно присутствовавший в публичном дискурсе социальной философской науки. Ответ существует, и не один. Однако искать следы постмодернистского «титаника» – это не по сыскной части социологического сообщества. На повестке дня «новый поворот». После оппортунизма и наскоков на классику со стороны постмодернизма повеяло серьезностью. Но поблагодарим и постмодернизм: было в нем что-то гальванизирующее. Тем не менее приходится выставлять встречный счет – *Hic Rhodus, hic salta!*

**Между гносеологией и онтологией.** Почти бесспорен факт – общественная и философская мысль, начиная с Нового времени, «заточена» на гносеологию в ущерб онтологии: «в классических философских системах онтология строилась не просто позднее гносеологии, но в той или иной мере “по образу и подобию” ее» [Мудрагей, Никитин, 1983: 107]. После Канта гносеологический интерес задавал тон в «науках о духе» и прочно вытеснил онтологическую тематику за пределы философских и общественных наук. Не «перешиб» влияния

кантовского гносеологизма Гегель. Заметный вклад в «теорию познания» на рубеже XX столетия оставляет Гуссерль. В дальнейшем даже экзистенциализм не отвлек европейскую философскую и гуманитарную мысль от «эпистемологического тренда» (философия языка, собственно неопозитивизм, феноменология, герменевтика, концепция деконструкции текста и прочее).

Затем «эпистемная» тематика набирает влияние и в собственно социологических науках. Характерна школа «социология знания» (К. Мангейм, П. Бергер). «Икона социологии» 1960–1980-х, работа Бергера и Лукмана «Социальная конструкция реальности», имела подзаголовок «Трактат по социологии знания». Можно и дальше задерживать внимание читателя на тезисе о том, что эпистемологическая доминанта сдерживала «онтологический пафос» философии и социологии. Но нет нужды. Большинство знает, что в современной философии это продолжалось до «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера («Бытие и время», 1927). Впрочем, и после этого дружной «онтологической весны» мы не наблюдали. В социологии «смена веков» если происходит, то почти незримо для наблюдателя. Причина тому, по-видимому, постмодернизм. Он успел на свой лад «развратить» научную публику (см., напр., «анархическую теорию познания» П. Фейерабенда).

Главная ставка постмодернистского умонастроения – кредо «множественного числа». «Всеобщее», «единое» стало предметом сарказма. Жертвой готова была пасть и самая онтология. Онтологий в философии и социологии оказалось много. В США каждый уважающий себя факультет социальных наук разрабатывает свою (нередко не одну) «онтологическую программу». Не отстают от тренда отечественные социальные философы.

«Плюрализм» онтологий на «потребу дня» – не лучший старт в онтологическую науку в классическом смысле слова. Если онтология ориентирует наши мысли на «природу вещей» (*natura rerum*), то мыслить эту «природу» («норму» вещей) во «множественном числе» – большая уступка алогизму. По поводу пресловутого «множественного числа» и релятивизма, под знаком которого начинала настраиваться оптика социальных наук первой половины XX в., сокрушался даже Гуссерль, называя эпистемологический релятивизм «наглым», и, как оказалось, устойчивым недомоганием. Через сто лет «постмодернизм» социологи идентифицируют «как популярную версию эпистемологического релятивизма» [Девятко, 2007: 35]. Но лед тронулся и в «социологических палестинах». Сегодня можно говорить об определенном заделе соционтологического теоретизирования. Всплывают имена Д. Лукача («Онтология общественно-го бытия», 1986), М. Лифшица («Что такое классика?», 2004; «В мире эстетики: статьи 1969–1981 гг.», 1985; «Об идеальном и реальном», 1984; «Диалог с Эвальдом Ильенковым», 2003). Готовы к новому прочтению работы, которые раньше были восприняты в духе советской идеологической поверхностности. Нет должной профессиональной тщательности и у отечественных социологов с репутацией «либералов» и «демократов». Речь могла бы идти об онтологическом срезе авторов Франкфуртской школы – М. Хоркхаймера («Затмение разума», 1947), Г. Маркузе («Разум и революция. Гегель и становление социальной теории», 1941), М. Хайдеггера, который обвинил в «забвении онтологии» предшествующую европейскую мысль с ее эпистемологической доминантой.

Большинство теперешних авторов ограничиваются догегелевской прописной дефиницией: онтология изучает «фундаментальные» принципы бытия, наиболее «общие» его законы etc., etc. Если этим хотят сказать, что онтология – это про «фундаментальное» и самое «общее» в мире, то над такими «абстракциями» подтрунивал один немецкий мыслитель в фельетоне «Кто мыслит абстрактно?» (намекая, что достоинства некоторых «абстракций» не отличимы от глубокомыслия бранящихся на рынке торговков). Если этим «определением» хотят сказать, что такую философскую отрасль, как онтология, надо отличать от других ветвей знания, как учение о «должном», о «прекрасном», об «истине», об «оценке», это в принципе полезно, но не попадает в цель по той причине, что «онтология» характеризует вещи окружающего мира и под углом именно перечисленных параметров. Однако теперешний смысл термина «онтология», обретя лоск моды, не обрел смысловой значимости, которую категории «бытие» и «сущее» имели у Хайдеггера, не говоря о Гегеле. Теперешняя «онтология» украшает

титуты книг, статей, диссертаций скорее в качестве бренда, чем открытия социального мира как мира «небанальностей» и «неочевидностей». Образчик такой «онтологии», подпадающий под название «веселая наука», предлагает американский профессор Б. Эпштейн [Социальная онтология]. И без комментариев: последняя жертва моды на онтологию в социальных науках звучит как чистый оксюморон – «онтология без сущностей» [Социальная философия – онтология без сущности].

Забегая вперед, для очистки совести скажем: речь идет о «классической» онтологии, как она представлена в работах Аристотеля (усиология), Г. Гегеля («бытие – сущность – понятие»), К. Маркса, М. Хайдеггера (так или иначе во «Франкфуртской школе»), в сочинениях Д. Лукача, М. Лифшица. Эту «онтологию сущностей» надо отличать от «онтологии фактов» Б. Рассела и Л. Витгенштейна, стартовой площадки постсовременных «онтологий без сущностей». Это принципиальное различие позволяет сказать, что «классическая онтология» до сих пор остается референтной для социума и верифицируемой в нем, а постмодернистская «онтология» социальным конструктивизмом не отличается.

**Онтологическое открытие: «все не так, как на самом деле», или «реальность очень правдоподобна».** В общем виде под «онтологией» понимается учение о бытии вещей – вещей в самом широком смысле этого слова. На первый взгляд это мало что дает социологу. Тем не менее такая ни к чему не обязывающая дефиниция продолжает удовлетворять невзыскательный вкус авторов многих учебников по социологии. Но неприхотливость имеет пределы. Онтология – не учение просто о бытии вещей, а о бытии «подлинном», «истинном», «настоящем», «сущностном», когда вещи соответствуют своей «природе», «сущности» и т.д. Человек, отвыкший от такой интеллектуальной традиции и покоренный (нео)позитивистским реализмом фактов (когда «что есть, то и есть» и когда «то, что есть», представляется единственной и прочной реальностью), – такой человек оказывается в замешательстве. И есть от чего. Любому субъекту, кто воспринимает реальность как данную и этой «данностью» себя «исчерпывающую», можно напомнить открытие, приписываемое Ф. Ницше: «Реальность очень даже правдоподобна». Это выражение должно означать одно – «социальная реальность» не всегда выступает как «подлинность». Часто и в лучшем случае мы имеем дело с подобием подлинности. Из этого исходили многие мыслители. Кроме Г. Гегеля, почти в этих терминах выражались И. Бенгам («Реальность – лучшая видимость самой себя»), Х. Ортега-и-Гассет («Историческая реальность прячется не хуже хамелеона, как бы провоцируя на поразительные промахи») и др. Гегель различал «реальность» и «действительность». «Реальность» неприхотлива, под нее подпадает наблюдаемое, все, что имеем в «каждодневной жизни». Это область «фактического», прежде всего. Статус «действительности» как бы на порядок выше. Здесь социальные вещи обладают достоинством «действительных» вещей в отличии от «фикций» и «номинальностей», вещей, не соответствующих своей природе, не имеющих собственной природы, сущности. Не берусь утверждать, этот ли критерий имел в виду Ю.Н. Давыдов (знавший терминологию Гегеля), когда определял социологию как «науку о действительности», не о «реальности». Эта пронизательность сегодня спустилась даже на уровень «массового сознания». Самый популярный афоризм дня – «Все не так, как на самом деле!». И это не пустая игра слов. Иначе говоря, бдительное отношение к тому, с чем мы контактируем, никогда и никому не мешало. Наученный горьким опытом, Гамлет скажет: «Бдительность – это все».

**Чем довольствовались постмодернистская парадигма и причем тут «онтологический поворот»?** В жизни неразличение подлинного и неподлинного чревато последствиями. В повседневности на обыденном уровне люди борются с этим с помощью религиозной или светской морали, прибегают к рациональным аргументам, обращаются к практике просвещения и т.д. Другое дело, когда состояния «подлинности» и «неподлинности» не различаются по соображениям «высокого» характера, «новой культурной парадигмы», как в случае с постмодернизмом. В нем прописались релятивистские «аксиомы» – «Все состояния равнозначны!», «Неподлинного нет!», «То, что называют “неподлинным”, это просто “другое”!». В этом варианте отношения к миру ставки подняты нереально высоко, что на практике может приводить к непредвиденным результатам.

Так и происходит, когда «релятивистская диалектика» подвергает эрозии корпус общественной науки социология. Едва ли достижением можно считать вывод, к которому пришли постмодернистские авторы: «социология без общества», «общество – без социологии». Это плохо вяжется с природой социологии. Социология в предельном обобщении – это то, что общество думает о себе самом. И этим знанием общество не только поддерживает себя синхронно, но и конструирует свой маршрут диахронно. Поэтому в социуме отличать «подлинность» вещей от «неподлинности» – это, сказал бы Бурдьё, род «концептуальной» предвзятости. Утрата бдительности небезопасна для социума, что дало повод М. Лифшицу выразиться с запоминающейся точностью: «релятивизм – диалектика дураков». В этом смысле науке социология должна претить «релятивистская всеядность». Если социология хочет оставаться адекватным сознанием общества о самом себе, полноценным рефлексивным знанием (а не «агентом» социума, потворствующего самому себе в «культурных практиках»), такая социология по меньшей мере должна проводить различие между социальной «нормой» и «девиацией» как отклонением от «нормы». И если этого не происходит, то, по выражению Б. Латура, возникает ситуация, когда «вещи дают сдачи».

Размеры статьи не допускают пространной оговорки о том, что постмодернистский дискурс иногда признает «норму», понимая ее не онтологически, не как «природу вещей», а как нечто «конвенциональное», «договорное». И «девиацию» постмодернистские авторы готовы признать, как спасительное средство социального «обновления» против «застоя». Но в этом случае не надо быть «постмодернистами»: эту модель «девиантности» предлагал не постмодернист Р. Мертон.

Феномен когнитивного разрелятивизма, на который «подсел» постмодернизм, не лишен своего социального коварства. Спрашивается, почему социальная мысль должна отказываться от вопроса: с чем мы имеем дело – с вещью, которая соответствует своему понятию, равна или приближается к своей сущности, или с полным «отклонением» и «девиацией»? В теоретическом и практическом планах мы ничего не выиграем, встав на путь признания «равнозначности» неодинаковых состояний, по онтологической терминологии: и «подлинных» и «неподлинных». Это граничит с терпимостью к «социальным вещам», которые подлинностью не обладают, будучи зато их реальной нецивилизованной/варварской формой.

Возникает претензия к постмодернистской «культурной парадигме» с ее некритическим отношением к «новообразованиям» и «новым» фактам, которые рассматриваются под грифом новой реальности, «нео-реальности» эпохи постмодерна. Онтологический критерий «подлинности» и «аутентичности» оказывается замененным на критерий, по которому «неподлинность» и «неаутентичность» не рассматриваются как нечто негативное, не воспринимаются под знаком отрицательной коннотации, а числятся «ДРУГОЙ» реальностью. В этом случае авторы-постмодернисты считают, что нельзя сказать: один феномен «аутентичен», а другой таким достоинством не обладает; такой феномен «просто ДРУГОЙ». С точки зрения постмодернистской логики, о «ДРУГОМ» нельзя судить в оценочных терминах. «ДРУГОЙ» реальности дают пропуск по причине ее «фактичности». Но поступать так – значит совершать принципиальную ошибку. Если социология опускается ниже онтологического минимума, ей нечего возвращать обществу, кроме того, что это общество и так имеет. Вопрос «истинности» самого социологического знания и самого социума не стоит.

Из этого вытекает один важный вывод относительно онтологии.

**«Что такое хорошо и что такое плохо?».** Язык онтологии описывает не только то, что есть. Но если это «то, что есть» оказалось там, где «подлинностью» и «природой вещей» не пахнет, то онтологические суждения имеют и оценочный смысл – это «плохо» или «нехорошо». По выражению К. Ясперса, «понимание по своей природе всегда связано с оценкой». И уточняя: оценка – инструмент ориентации социума в текущей социальной ситуации и в «исторической» навигации этого социума. Характерной иллюстрацией могла бы служить тема «хорошего общества» у ряда авторов: У. Липпман, Дж.К. Гэлбрейт, А. Этциони, российский философ В. Федотова. Если для сциентистски и позитивистски ориентированной социологии невозможно представить название «хорошее общество», т.к. оно якобы отдает

морализаторством, сегодня появление подобных концепций говорит в пользу «онтологического поворота» в социальных науках. И вот почему. «Хорошее общество» – доктрина не «этического» или утопического сорта. Эта концепция построена по принципу объективного знания. При этом в ней присутствует оценка – «хорошее общество». Почему «хорошее общество» говорит в пользу «социальной онтологии»? «Сущностное», «истинное», «достигшее зрелости», то есть достигшее «равенства с самим собой» общество по необходимости не может не обладать достоинствами общества «морального», «нравственного» и даже «эстетического», достоинствами, которые могут в просторечии обозначать социум как «хорошее общество». В этой «онтологической» связи примечательно место из работы М. Лифшица «Либерализм и демократия» «Истина, добро и красота [...] могут быть превращены в общие места, которым уже не верят, но сами по себе они остаются абсолютными ценностями, и никакие детские софизмы насчет того, что объективных критериев нет и все хорошо в свое время, не могут изменить этот факт» [Лифшиц, 1968: 32].

Известно, как много критики Гегель заполучил за тезис: «Что действительно – то разумно». Так ли «разумен» наблюдаемый мир? Сомневаются в этом многие. Социологи не исключение. Под «разумным» понимается список качеств, относящихся к синонимическому ряду «истина», «подлинность», «благо», «добро», «справедливость», «гармония» и если угодно, «эстетичность». Здесь онтологическое чутье подчас покидает даже социологов. Гегель же обращает внимание: надо различать «действительность» и «реальность». Вещи, обладающие «действительностью», – это вещи, пребывающие под знаком «истинности», «подлинности» и т.д. (см. вышеприведенный список). В «реальности» – необязательно. В «реальности» они такие, какие есть. В «действительности» (в подлинном бытии) качества из упомянутого ряда «обратимы» и «конвертируемы» друг в друга. Такова мощь Действительного.

**Социальная онтология: «истинное состояние» как «императив должного».** Замечено: люди «не от мира сего» очень проницательны по поводу «мира сего». У А. Тарковского в фильме «Ностальгия» один «не от мира сего» («городской сумасшедший») публично сокрушается и недоумевает по поводу того, почему он, сумасшедший, должен говорить простые и ясные вещи, которые отсутствуют в головах нормальных горожан. Другой персонаж – знакомый со времен М. де Сервантеса – тоже подтвердил истину, что люди с репутацией сумасшедшего неплохо рассуждают о природе и условиях безумства в «сем мире». В онтологической точности один такой диагноз уместно воспроизвести устами Дон Кихота: «Самое худшее безумие – видеть жизнь такой, какой она есть, забывая какой она должна быть». КАКОЙ ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ! «Факто-центристский» ум постмодерниста клеймит подобные суждения как морализаторство и несостоятельный утопизм. Тем не менее именно на площадке «деонтологии», на площадке «должного» разворачивается демонстрация еще одной «добродетели» онтологического видения социального бытия. Об этой стороне дела говорят исследователи, которые чутко и внимательно трактуют категорию «должного» у классиков. «Само “сущее” Гегеля как бы распадается на “разумную действительность” и просто существующее, в том числе конечное, временное, преходящее, случайное, то есть неистинное и неразумное... Первое из них («истинно-сущее») ... включает в себя ... должное, обладающее всей мощью своего осуществления» [Перов, 1991: 69]. Отделять наглухо друг от друга «должное» от «подлинно-сущего» – это вариант заблуждения, в котором оказались в свое время неокантианцы, заговорив о несовместимости «теоретического познания» и «оценки».

В самом деле, понятие «истинное, нормальное, подлинное общество» в этом смысле – «хорошее общество» (определение ряда вышеназванных социологов). Такой подход к социуму и выбор такого общества не может не восприниматься в духе императива «должного», то есть в «деонтологическом» духе. Никто не отказывался от «истинного», «подлинного», «хорошего» социума (что входит, с точки зрения онтологии, в атрибутику «действительности» в отличие от «реальности») в пользу социума «неистинного», «неподлинного», «нехорошего», «ненормального». А если помнить, что в «понятии» (вещи) схвачено сущностное, не всякое (фактическое) содержание вещи, понятно, почему мы можем сказать: «должное» органически

присутствует в самом «понятии» о том или ином предмете: «[...] Предметы приходится сравнивать с тем, чем они должны быть, т.е. с их понятием» [Гегель, 1974: 356].

**Как онтологическое знание становится доступным субъекту?** «Онтологическое знание» с точки зрения релятивизма якобы имеет ахиллесову пяту. Релятивисты готовы спросить, откуда у онтологов уверенность, что за каждой вещью стоит своя «сущность», она же и ее (вещи) «подлинность», причем в «единственном числе», и что курса на эту «сущность», подлинность надо держаться. Сами «релятивисты», например, по поводу сюжета «цивилизация» держатся за принцип «множества» – «множества цивилизаций», понятие/категорию «цивилизация в единственном числе» третируя как онтологическое суеверие. Таким образом «сущность» и «подлинность» цивилизации выбрасываются в корзину (тавимиз!), открывая дискурсу легитимацию «цивилизациям», которые под понятие/категорию «цивилизация» не подпадают. Отсюда факт, нередко наблюдаемый в современном мировом сообществе: международным организациям (Генассамблея ООН, Совет Безопасности ООН) приходится подчас прибегать к политике «принуждения к цивилизации» правительств, которые оправдывают варварство и дикость собственного режима своей «цивилизационной» спецификой (См. современную историю этнического геноцида и политических репрессий на африканском континенте – Судан, Нигерия, Уганда, Эфиопия, Сомали, Либерия, Руанда и т.д.). Если релятивизм проникает в политику, то, пишет У. Бек, «в итоге получается мир, в котором каждый то, что он есть. [Постмодернизм] способен нас увести в [сторону]: вещи следуют принимать такими, каковы они есть» [Бек, 2008: 83]. Что такое «вещи следуют принимать такими, каковы они есть», мы это знаем, «спасибо» культурному мировоззренческому релятивизму. А если бы современная социальная мысль держалась за истину не «релятивистского» подхода («множественность цивилизаций»), а «онтологического» критерия, у Ортеги-и-Гассет едва ли был бы повод сокрушаться: «У нас украли цивилизацию». Сегодня эту кражу надо воспринимать с поправкой одного отечественного писателя, который собственную аналогичную «душевную» драму прокомментировал с уточняющим реализмом: «Я думал, что продал душу дьяволу, а оказывается, я отдал ее даром».

Вернемся к вопросу: почему онтологи уверенно говорят о «подлинностях» вещей и о том, как «подлинности» выявляются. Конечно, онтологическое знание (знание о «подлинном», о «сущности», о «сущности» и т.д.) не «врожденное», «внезапно/интуитивно приобретаемое». Онтологическое знание социолога или собственно рядового субъекта социума иной породы. Безусловно, если бы общество в целом или в лице его индивидов исходно обладало онтологической оптикой, оно бы адекватно ориентировалось в мире «подлинностей» и «сущностей». В реальности люди ориентируются чаще всего «методом проб и ошибок», «методом итерации», «способом постепенных приближений». Но в социальном мире метод «проб и ошибок» (проверка выдвинутых гипотез и предположений) не действует так успешно, как в естественной науке. Онтология «социального знания» имеет, действительно, другую природу и добывается успеха другими путями. С этой точки зрения дело выглядит так, что не только (и не столько) мы движемся навстречу «сущностям» вещей, сколько сами вещи через осуществление своей зрелости выставляются перед нами «открыто» и «напоказ». К. Маркс выразил впечатления от гегелевской онтологии, сказав, что недостаточно, чтобы мысль стремилась к действительности, сама действительность должна стремиться к мысли. Это не литературный оборот, как считали иногда в советские времена. Все буквально так: действительность (включая социальную реальность) развивается навстречу «наблюдателю», потому что развивается от своего «исторического», «эмбрионального» состояния к состоянию своей «сущности» и (что то же самое) своей «подлинности», тем самым становясь «понятной» – от слова «понятие». Гегель прибегает к известному хрестоматийному описанию этого процесса: «В самом бытии обнаружилось, что оно в силу своей природы углубляется внутрь и через это вхождение в себя становится сущностью» [Гегель: 1971, 7]. Но «маэстро» онтологии выражался на эту тему подчас и менее замысловато: «Вещи нет, когда она только начинается»: когда вещь развивается до своей зрелости, только тогда она демонстрирует, что она есть «по существу», «по сущности», или, как сейчас принято говорить, «по функционалу». Другими словами, вещь демонстрирует



«истину о себе самой», причем материально осязаемо. К. Маркс в «Экономических рукописях» 1857–1859 гг. пишет: «Просветленное и самой действительностью как таковой из себя отбрасываемое отображение». Социуму остается эту «алетейю» (откровенность бытия) закрепить *идеально*. Социум закрепляет ее в виде *понятия*. Но о «понятии» как главном фигуранте социальной онтологии и о том, как сегодняшней постмодернистский релятивизм поступает с ним, – об этом ниже.

#### **Понятие о предмете как «программа», как «депозитарий» истины этого предмета.**

«Понятие» в отличие от таких субъектных форм, как «образ», «интуиция», «вера», «оценка» и проч., в этом ряду имеет принципиальное значение. «Понятие» конгениально Действительности. Оно и есть Действительность, когда «вещи соответствуют своим понятиям». Об этом можно сказать прозаичнее. С самим социумом или его элементами могут происходить в «реальности» различные метаморфозы, включая девиацию, деградацию, «застой» и т.д. В понятии истина предмета закреплена, как в «программе». Это и позволяет людям, ориентируясь на «понятия», корректировать в своих действиях-итерациях более или менее любые отклонения и ошибки. Г. Маркузе в работе, посвященной гегелевской онтологии, пишет: «Теория (читай: «понятие». – Прим. А.Щ.) будет хранить истину, даже если [...] практика отклонится от своего правильного пути. Этот абсолютизм истины [...] раз и навсегда [отличает онтологию] от последующих форм позитивизма и релятивизма» [Маркузе, 2000: 409]. Без этой «понятийной» навигации социолог, например, может искушаться и довольствоваться областью «фактического», «миром повседневности» (П. Штомпка), «самоочевидной и последней реальностью» для агентов этой ежедневности (А. Шютц, П. Бергер).

Если ограничиться «повседневным сознанием» рядовых людей, то ссылка на замечательное место у Гегеля, про которое можно сказать, что автор послекантовской онтологии как в воду глядел, будет вполне своевременной. Стилистическая замечательность этого фрагмента еще и в том, что чтение Гегеля, как согласятся читатели со стажем, «есть лучшее средство для получения головной боли». В данном же пассаже автор «Науки логики» более чем ясен, показывая последствия отсутствия в сознании «понятия» как надежного «депозитария истины». «В повседневной жизни называют *действительностью* всякую причуду, заблуждение, зло и тому подобное, равно как и всякое существование, как бы оно ни было превратно и преходяще. Но человек, обладающий обыденным чувством языка, не согласится с тем, что случайное существование заслуживает громкого названия; случайное есть существование, обладающее не большей ценностью, чем *возможное*, которое одинаково могло бы быть и *не быть*» [Гегель, 1974: 90].

**Культура понятия и ее враги.** Культура понятия покидает дискурс социальных наук. Во многом этим мы обязаны постмодернизму. Приметы этого тренда просятся в коллекцию симптомов. Объявив «гиперреальность» «единственным» и «достойным» «субститутом» «онтологической реальности», Бодриар оказал плохую услугу «культуре понятий». Дело в том, что гиперреальность «характеризует ситуацию, когда феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных и воспринимаются в качестве феноменов символического порядка» [Коротченков, 2001]. Если «онтологическую реальность» мы воспринимаем и отражаем в «понятиях», то с помощью каких «эпистем» мы ориентируемся в мире «гиперреальности»? Очевидно одно – «понятиям, с помощью которых мы ориентируемся в «природе вещей», Бодриар в подобной функции отказывает. Взамен предложен язык образов и ассоциаций, не разоблачающий эту «гиперреальность», а банально к ней «прилипший», а значит, имманентный ей. Ничего не подозревающий об этом подвохе со стороны «симулирующей реальности» (она же «гиперреальность»), Бодриар попытался один раз поработать как социолог, описывая заинтересовавшую его реальность. Речь идет о его книге «Америка» (1986), эссе, написанное на языке образов и ассоциаций, не превышающих возможности «повседневного» восприятия реальности. В этом плане, можно сказать, на фоне произведений, которые описывают американский феномен на «онтологическом» языке понятий (А. де Токвиль, «Демократия в Америке»; А. Шлезингер «Циклы американской истории»; Д. Белл. «Культурные противоречия капитализма» и проч.), постмодернистский

поиск истины об Америке Ж. Бодрияром едва ли достигает цели, что несколько не умяляет удовольствия от чтения данного опуса. Автор «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосер в XIV в. закончил свое произведение признанием, что удовольствие читателей от чтения его рассказов было-де единственным желанием автора.

Впрочем, тема «гиперреальности» достойна более «онтологичного» комментария. Дело в том, что «открытие» гиперреальности нельзя отнести к заслугам исключительно Бодрияра. Многие и до этого отмечали «обманчивую правдоподобность» социального мира. Дальше всех пошла философская мысль молодого Маркса. В отличие от облегченного постмодернистского решения вопроса о природе социальной реальности (в виде феномена «гиперреальности») была предложена онтологическая концепция: в социуме «фетишистское сознание» не обманывается, то есть оно не ложно, оно зеркально отражает «положение дел». Другой вопрос, что само это «положение дел» объективно структурировано как «фетишистская конструкция». Только так «современное» общество может существовать и функционировать. «Не сознание религиозно, религиозно само общество» (Маркс). Это – квинтэссенция социальной онтологии. При подобном онтологическом подходе/повороте приносить в жертву постмодернизму такой инструмент познания и ориентации в мире, как «понятие», было бы «усердием не по разуму».

Даже неполный список побед над «понятием» мог бы показать масштабы ментального кризиса:

- Одна из ярких фигур постмодернизма Ж. Делез призвал «забыть» о Гегеле, который, как никто другой, внес существенный вклад в понимание роли «понятий» в истории разума.

- Ж. Бодрияр, который, сделав ставку на «симулякры», пренебрег предупреждением Лейбница «не умножать без нужды сущности», придав «копиям» (из которых состоит якобы Современность) значение явного превосходства над «оригиналами».

- Ж.-Ф. Лиотар призвал ограничиться «локальными нарративами» – «малыми» повествованиями, и поспешил назвать «всеобщее» (без которого каждая вещь как некая «фактичность» предоставлена сама себе, и ничто не указывает, в чем сущность/подлинность/истинность всякой вещи), – назвать это «всеобщее» самым «смертельным врагом» постмодернистской «культуры».

- Ж. Деррида свел эпистемологию истины к «деконструкции» текста, включив и самую реальность в этот текст. Так что до реальности «деконструкция», а просто «анализ», не доходят. От настоящей работы – участвовать в реанимизме, развитии и поддержании «бытия вещей» – понятия отдыхают.

- З. Бауман вынужден был признать, что радоваться не приходится: «публичный дискурс засорен дюркгеймовскими «предпонятиями (prenotions)».

- Г. Маркузе диагностировал аналогичное: «В то время, как на карту поставлена потребность думать и высказываться в понятиях, [социуму] навязываются образы, которые препятствуют развитию и выражению понятий» [Маркузе, 2000: 238].

- Вместо «культуры понятий» господствуют «мемы», «ситуационная этика» и релятивизм «оценок» и «норм».

- Понятийное мышление уступает место позитивистскому «фактоцентризму». Существование вещей обосновывается по принципу *ipso facto* – «самим фактом существования». Требование к предмету – «соответствовать своему понятию», исчезает как избыточная роскошь. По признанию М. Хоркхаймера, «на смену интеллектуальному проникновению в феномены опыта приходит быстрое схватывание фактов». Как сказал один социолог, «мне не нужна истина, мне нужны факты!». Для сравнения вспомним слова К. Маркса, сказанные в дебюте научной карьеры: «Разве голый факт существования какого-либо состояния уже дает право на существование?» [Маркс, Энгельс, 1956, 1: 102].

Похоже, единственная область, где «понятие» как онтологический принцип сопротивляется постмодернистской эрозии и поэтому поддерживает социальную прочность соответствующей конструкции, – область права. Здесь волюнтаризм и субъективизм в «определении

понятий» не проходят. Американский правовед Г. Харт даже награбил эту добродетель юридических терминов названием «рай понятий».

Возможно, первой жертвой нагрузки на устойчивость онтологии все-таки являются «мир повседневности» и «массовое сознание». Здесь ставится современный театр «переопределенный понятий» и «пересборок стереотипов». Здесь Гегель находил массу слабых и уязвимых мест социума, который в этом случае не заслуживал, по его мнению, никакого другого названия, как «духовное царство животных». Но вот что интересно.

**Язык сопротивляется девальвации «понятия».** В поисках «археологических свидетельств» учения о понятии Гегель обращается к языку «повседневной жизни» людей. И памятник уважения к «понятию» как вместилищу истины и подлинности вещей оказывается «экстерриториален» в том смысле, что «авторитет понятия» не знает национальных границ и признан в народных языках многих стран мира. Иллюстрацией служат примеры и на русском.

Возьмем за исходное: «Истина ... состоит в согласии предмета с самим собой, т.е. со своим понятием» [Гегель, 1974: 357].

Как легко заметить, мы употребляем выражения: «По идее ...», то есть «по сути», «по существу», «понятия не имею», «без понятия» (когда не знаем о «сущности»). «Согласно понятию этой вещи» (и говорим о «природе» этого феномена). «Называть вещи своими именами» (после чего предлагается другое название, которое точнее и адекватнее отражает суть ситуации или явления). «В принципе» (например, «В принципе он прав» – то есть «прав «по существу», «сущностно»). «По определению» (имеется в виду по «определению понятия» о той или иной вещи). Например: «Этого не может быть по определению»). «Подмена понятий» (когда говорят об искажении истины о предмете).

Опору на «понятие» как критерий того, с чем мы имеем дело (истинность – неистинность) и соответственно оцениваем (добро – недобро), – мы находим в лексике «повседневного опыта» и в чисто «научных суждениях». Пример – К. Маркс: «Противоречие между понятием и существованием [...] Различие между сущностью и существованием» [Маркс, Энгельс, 1956: I, 47, 53]; «рассматривать явления в [...] соответствующем их понятию виде» [Маркс, Энгельс, 1961: XXV, ч. I, 208]; «[...] в Англии буржуазное общество существует не в чистом виде, не соответственно своему понятию, не адекватно самому себе» [Маркс, 1980: 5]. «Общество либо погибнет, либо станет равно себе, своему понятию» [Лифшиц, 2004: 143]. И проч., проч.

\* \* \*

Может ли стать обозначенный поворот в социологии трендом в пользу социальной онтологии, понимая под онтологией ее классический корпус идей, собранных на историческом протяжении от Античности до Нового времени? Дело не так просто, как может казаться на первый взгляд. Да, постмодернизм «куда-то исчез». Деклараций и программ, какие мы наблюдали в 1970–1980-е годы, больше не видим. И не увидим. Но нельзя сказать, что «интеллектуальная поляна» стала вакантной. Прежде всего, онтология как социально-философский жанр испытала на себе «методологическое» воздействие постмодернизма и стала напоминать постмодернистский проект, тиражироваться в стилистике: «онтология без сущности», «плюрализм» онтологий, «бессубъектная онтология», она же «онтология вещей» и проч. и проч. Откуда ждать обнадеживающего развития настоящей онтологии? Все становится более или менее ясно, когда постмодернизм заявляет о себе не столько как концепт, сколько как реализованная на практике материализация этого концепта. Результат сокрушительный. Релятивизм и отказ от «нормы/нормальности» мстят за себя. С этой точки зрения интересен словарь синонимов и терминов, которыми характеризуется «наша» эпоха. Самый обобщающий и точный вариант, возможно, предложил Ю. Хабермас: «новая непрозрачность (die neue Unübersichtlichkeit)». Часто употребляется в качестве характеристики теперешних реалий термин «мутный». В этом же ряду образов бодрияровская «симуляция». Кроме эпитетов из «оптического ряда» используются аналогии с ощущениями – «токсичный». Из часто употребляемых характеристик – «неадекватный». И т.д., и т.д.

Переодевание в постмодернистские одежды не единственное препятствие для «онтологического поворота». Есть препятствия на глубине социальной практики, социальных структур и социального бытия. Здесь результат оказывается малоутешительным. Постмодернистское сознание со всей неизбежностью стало материализоваться в поведенческие паттерны и институциональные структуры сегодняшнего общества. Социологи заговорили об «деонтологизации социума». Собственно, на онтологическом языке вся эта «сокрушительная» результативность – «ненастоящность», «неподлинность», «неравенство и несоответствие своему понятию» – рядом авторов называется «деонтологизацией социума», утратой обществом своей сущности.

Объяснение этого феномена укладывается в силлогизм П. Бурдьё: «Слова социолога способствуют производству социального. Социальный мир все более и более населяется реифицированной социологией. Социологи будущего (это относится и к нам) все больше будут открывать в изучаемой ими действительности осадочные продукты своих предшественников» (П. Бурдьё, 1994). Иначе говоря, если мы имеем «социологию без онтологии», если мы имеем и «массовое сознание», свободное от категорий «истины», «красоты», «нормы» и «должного», то «деонтологизация общества» не за горами. И если говорить о социальном профиле «общества без сущности», есть основание сказать, что оно представлено – на концептуальном уровне – «веселым» словарем постмодерна («шизо-анализ», «общество спектакля», «фаллоцентризм» Дерриды, и проч.), а в массовой психологии – мемами, конспирологиями и проч.

Подобный тип сознания обуславливает тот вид социальности, который – в отличие от «сущностного», «онтологического» существования – называется часто «повседневностью» – во всем диапазоне ее характеристик: «темная и отупляющая» (Т. Лейтхойзер), «религия повседневности» (К. Косик), «патология распада жизни» (Б. Ванденфельс), «страшный простор отсутствия» (А. Герцен), «скорбная тирания повседневной жизни» (М. Фуко)). Одним словом, (со)знание без, выражаясь по-кантовски, «регулятивного принципа» онтологии реифицируется скорее в общество «самопотворства» и «оппортунизма», чем «самодисциплинирующееся» сообщество. Результат: «деонтологический социум» предстает той стороной, для обозначения которой подходило бы выражение «децивилизация в условиях цивилизации». И поскольку речь идет не о «брутальности» «нового варварства», а о тенденции примитивизации и деградации культуры, то уточняющий диагноз мог бы звучать как «повседневная децивилизованность». Именно эта тема привлекает сегодня многих социологов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: ЦИПИО, 2008.
- Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
- Гегель Г. Наука логики. Т. 3. М., 1972.
- Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974/
- Девятко И. Состояние и перспективы развития социологической теории в мире и России // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 35–37.
- Коротченко Е. Гиперреальность // Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
- Лифшиц М. В мире эстетики. М.: Изобразительное искусство, 1985.
- Лифшиц М. Либерализм и демократия // Вопросы философии. 1968. № 1. URL: [http://scepsis.net/library/id\\_3538.html](http://scepsis.net/library/id_3538.html) (дата обращения: 20.04.2024).
- Лифшиц М. Что такое классика? М.: Искусство XXI век, 2004.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 г. Ч. II. М.: ИГЛ, 1980.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: ИГЛ, 1955–1974.
- Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Мудрагей Н., Никитин Е. Проблема взаимоотношения гносеологии и онтологии в немарксистской философии // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.: Наука, 1983.
- Перов Ю. Судьба моральной философии // Логос. Разум, духовность, традиции. Л.: ЛГУ, 1991.
- Социальная философия – онтология без сущности (круглый стол). URL: <https://philos-urgi.urfu.ru/ru/novosti/7223/> (дата обращения: 20.04.2024).
- Эпштейн Б. Социальная онтология / Пер. с англ. М. Стениной. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/social-ontology> (дата обращения: 20.04.2024).

## SOCIOLOGY: POSTMODERNISM AND ONTOLOGY

SHCHELKIN A.G.

*Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia**Alexander G. SHCHELKIN, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (evropa.ru@gmail.com).*

**Abstract.** There is a noticeable interest for ontology in sociological science. At the same time, ontology itself is being interpreted ambiguously. On the one hand, there is the tradition of classical ontology represented by the names and works of Aristotle, Parmenides, Hegel, Marx, Heidegger, the Frankfurt School in sociology, G. Lukács, M. Lifshitz. On the other hand, the theme of "social ontology" has emerged basing on the attitudes and stylistics of postmodernism. If in classical ontology there is an orientation towards "authentic" and "true" phenomena of social existence, distinguishing them from "things" that are deviant and do not correspond to their nature, in the postmodern version such an "essential" distinction is not made, for "all states are equivalent", "everything is idiocratic (purely individual) facts." In this case, the world of social things is not permeated by "categorical," "essential," and "typical" unity. Each "thing" is not determined by its essence, but, on the contrary, is represented by a "plurality" of its arbitrary variations, each of them might be treated as a kind of "authenticity" *sui generis*, "true" already by virtue of the fact of its existence. Such a positivist-postmodernist relativism nullifies the entire "culture of notions" that constitutes the cornerstone of any ontology, since the «notion» is what is used to grasp the essence of human affairs, where the authenticity of social artifacts is present and what preserves the authenticity of life situations.

**Keywords:** ontology, "social ontology", postmodernism, "nature of things", concept in ontology.

## REFERENCES

- Beck W. (2008) *Cosmopolitan worldview*. Moscow: CIPIO. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1994) *Beginnings*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
- Devyatko I. (2007) State and prospects for the development of sociological theory in the world and Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 35–37. (In Russ.)
- Epstein B. *Social ontology*. Transl. from Eng. by M. Stenina. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/social-ontology> (accessed 20.04.2024). (In Russ.)
- Hegel G. (1972) *Science of logic*. Vol. 3. Moscow. (In Russ.)
- Hegel G. (1974) *Encyclopedia of Philosophical Sciences*. Vol. 1. Science of Logic. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Korotchenko E. (2001) Hyperreality In: *Postmodernism. Encyclopedia*. Comp. by A.A. Gritsanov, M.A. Mozheiko. Minsk: Interpresservis; Knozhnyi Dom. (In Russ.)
- Lifshits M. (1968) Liberalism and democracy. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 1. URL: [http://scepsis.net/library/id\\_3538.html](http://scepsis.net/library/id_3538.html) (accessed 20.04.2024). (In Russ.)
- Lifshits M. (1985) *In the world of aesthetics*. Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo. (In Russ.)
- Lifshits M. (2004) What is a classic? Moscow: Iskusstvo XXI vek. (In Russ.)
- Marcuse G. (2001) *Reason and revolution. Hegel and the formation of social theory*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Marx K. (1980) *Economic manuscripts 1857–1861*. P. II. Moscow: IPL. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955–1974) *Coll. Works*. Moscow: IPL. (In Russ.)
- Mudragei N., Nikitin E. (1983) The problem of the relationship between epistemology and ontology in non-Marxist philosophy. In: *Epistemology in the system of philosophical worldview*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Perov Yu. (1991) The fate of moral philosophy. In: *Logos. Reason, spirituality, traditions*. Leningrad: LGU. (In Russ.)
- Social philosophy – ontology without essence* (round table). URL: <https://philos-urgi.ufru.ru/novosti/7223/> (in Russ.)

Received: 23.04.24. Final version: 05.05.24. Accepted: 20.06.24.

© 2024 г.

А.К. СПИРКИНА

## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИК МОЛЧАНИЯ

---

СПИРКИНА Анастасия Константиновна – старший лаборант Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (spirkina.ak@yandex.ru).

---

**Аннотация.** В статье раскрываются эвристические возможности и анализируются результаты применения концептуального аппарата социологии повседневности к пониманию практик молчания. Социологические теории повседневности представлены в статье концепциями феноменологической социологии А. Шюца, драматургической социологии и фрейм-анализа И. Гофмана и этнометодологическим подходом, включающим в себя как этнометодологию Г. Гарфинкеля, так и разговорный анализ, родоначальниками которого считаются Х. Сакс и Э. Щеглофф. Таким образом, предметом рассмотрения в статье выступает комплекс концепций, объединенный качественной парадигмой исследования. Этот выбор обосновывается приспособленностью указанного комплекса теорий к анализу наблюдаемого и «звучащего» молчания как реального феномена, данного в непосредственном опыте человека. Употребленное в обыденном социальном опыте, молчание включается в процессы повседневного мира и становится частью механизмов (вос)производства социального порядка на микроуровне.

**Ключевые слова:** молчание • социальная практика • социология повседневности • этнометодология • фрейм-анализ • А. Шюц • И. Гофман • Г. Гарфинкель • разговорный анализ

DOI: 10.31857/S0132162524060122

**Введение: социологические представления о молчании.** Проблема «теоретического обеспечения» исследований молчания выходит за рамки просто удовлетворения любопытства и испытания собственных сил в теоретико-социологических упражнениях. Поскольку кино, художественная литература, поэзия, философия уже предлагают множество способов думать о нашем или чужом молчании, от социологии как от «реинтерпретатора» этих смыслов и значений не ожидается ничего хорошего, в том числе потому, что она приобрела репутацию «очернителя» того душевного и романтического, что можно найти в обществе. Достаточно вспомнить, что сделал М. Мосс с практиками взаимного дарения, П. Бурдьё с искусством и фотографией, а Г. Беккер с любовными (брачными) отношениями. С не меньшей холодностью социологическое мышление, вероятно, «расправится» с практиками молчания, дарящими людям спектр эмоций и возбуждающими вереницу мысленных образов в разных социальных ситуациях.

Ученому трудно взглянуть в глубину пустоты и найти в ней вдохновение, какое находят в ней писатели и философы. Направленное на молчание социологическое воображение всегда находит в нем что-то другое – во-первых, осмысленность и, во-вторых, действие социальных сил [Подвойский, Спиркина, 2022]. Социолог всегда сомневается

в принятых интерпретациях и осмысленность молчания видит там, где другие люди ее не видят, и находит совсем другие значения даже в «молчаниях», которые обычные люди склонны называть «многозначительными».

Многие варианты молчаливого поведения отличаются не тем, что имеют приятные следствия для человека. Это скорее темная зона социальной жизни, потенциально рождающая злоупотребления одних людей и мистификацию со стороны других. Чаще молчание становится источником неполного понимания, недоразумений и умолчаний, за счет которых отдельные люди «выигрывают», приобретают и поддерживают более выгодное положение, одурачивая остальных. При этом образуется особый социальный порядок умолчания и тайны. Молчание становится причиной неравномерного распределения знания в обществе из-за того, что молчание редко что-либо проясняет. Такое понимание будет присутствовать скорее там, где есть место истине, получающей в придачу свою «обратную сторону» в виде иллюзии [Simmel, 1906]. Но и такие явления, как соблазн и флирт, могут присутствовать только там, где есть тайна, неполное владение информацией. «“Молчание золото”, “истина в молчании”, “мысль изреченная есть ложь” и другие подобные сентенции обыгрывают многозначительное молчание как инструмент соблазняющего интеллекта» [Ильин, 2003: 8].

Молчание может быть выражением права говорить, которого человека насильно лишают [Pagis, 2010]. Таким образом, социолог раскрывает властную (иерархическую) структуру общества, где одни обладают определенными правами, другие – нет [см. напр., Zerubavel, 2006]. Понимание конструктивного смысла молчания как механизма консенсуса, согласия, а не социального расслоения и конфликта – предлагает, например, лингвистический анализ. Таким образом, молчание выполняет во взаимодействии и диалоге определенные функции и осмысливается в качестве важной составной части социального порядка, механизмов поддержания определенной социальной структуры, отражения стратификации.

Молчание, стоящее между «природой» и «культурой», между *речью* и *эмоциями*, мещется между загадочностью и осмысленностью, между отчуждающим необщественным и «направленным на Другого». С одной стороны, молчание склоняется к «эмоциональному» полюсу, так как там, где есть место сильным эмоциям, там нет места словам, связанным с рассудочной деятельностью. С другой стороны, его «срединное состояние» определяется «невывражением» себя – ни в словах, ни в эмоциях – неким замираньем, которое покрывает весь внутренний мир молчащего тайной и иногда даже священной трепетом. Такое невыражение часто достигается с помощью осознанного самоконтроля и используется во многих религиозных и мистических практиках, а также в качестве «испытания» в некоторых играх<sup>1</sup>.

Однако молчание не всегда связано с переживанием эмоций, а говорение – с рациональной холодностью. Т. Шефф в одной из статей предлагает описание поведенческого паттерна «молчания/насилия», свойственного прежде всего мальчикам, воспитанным в европейской культуре. Социализируясь в обществе, они быстро учатся тому, что все выраженные чувства, не считая гнева, являются проявлением слабости. Из-за этого у них формируется особый эмоционально-поведенческий паттерн: либо молчать, либо выражать гнев. Хотя они могут особенно не хотеть ни первого, ни второго, они чувствуют, что эмоциональный ассортимент у них не велик. Это приводит к тому, что мужчины чаще женщин молчат или прибегают к насилию. Молчание становится универсальным рутинным поведением, замещающим негативные и позитивные эмоции и распространяющимся не только на ситуацию, когда мужчине может что-то угрожать, но и на многие другие.

<sup>1</sup> Помимо очевидной «молчанки», молчание в игровой форме используется педагогами и спортивными тренерами как элемент учебной деятельности или игры, призванный приобщить к самоконтролю вербальных проявлений, к фокусировке внимания на невербальных (обычно визуальных, и других внешних) аспектах игровой/учебной ситуации. Например, в командных видах спорта такая практика может служить повышению вовлеченности в игровой процесс и усилению невербальной ситуативной коммуникации между участниками команды.

Со своими партнерами большинство мужчин реже женщин говорят о чувствах обиды, унижения, смущения, отторжения, радости, гордости, утраты и беспокойства. В описываемых Шеффом случаях молчание демонстрирует подавление эмоций, а говорение – спокойный неагрессивный способ их «проработать» [Scheff, 2006].

Благодаря Дж.Г. Миду мы знаем, что человеческое взаимодействие происходит посредством значимых символов<sup>2</sup>. Носители языка способны опознать значение слов, употребленных в некотором контексте. Но улавливание значения разных «молчаний» более затруднительно, потому часто лингвисты характеризуют молчание как *нулевой знак* [Солодовникова, 2017; Копылова, 2015].

Интерес к тому, *что и как* говорят простые люди, возник у социологов около полувека назад и связан, как считается, с т.н. лингвистическим поворотом в социальных науках. В результате его социологическая методология перестраивается для анализа речи-здесь-и-сейчас в контексте ее употребления, в данных конкретных обстоятельствах. Такую методологическую трансформацию принято связывать с идеями «позднего» Л. Витгенштейна. Их влияние на социальные науки оказалось достаточно велико, чтобы открыть целые прежде «темные» области социологических исследований. Под влиянием философии «языковых игр» Витгенштейна социологи, во-первых, обратились к повседневным рутинным практикам (в том числе, к практике речевой коммуникации), и, во-вторых, установили их неотрывность от собственного контекста. Контекст и есть объект исследования, так как место, ситуация, другие сопровождающие практики наделяют смыслом изучаемую практику, которая сама по себе собственного смысла не имеет [Волков, Хархордин, 2008]. Так как общество предлагает нам коллективно поддерживаемые правила поведения – не только в виде «культурных норм», но и в виде непроговариваемых «повторяемостей» в социальном опыте, – наши действия, подчиненные этим правилам или нарочно идущие в разрез с правилами, можно считать «обращенными к обществу», социальными [Витгенштейн, 2019].

Невербальные проявления, сопровождающие речь, также создают контекст этой речи. С техническим прогрессом и появлением портативных магнитофонов в 1960–1970-е стал возможен анализ разговоров, учитывающий паралингвистические параметры речи. В рамках этнометодологических исследований такое направление получило название «конверсационного анализа». Его основоположники – Х. Сакс и Э. Щеглофф – подвергали детальному разбору фрагменты записей «живой» речи и выделяли структурные элементы, создающие упорядоченность (правилосообразность) коммуникации. Методы исследования «живого» молчания тоже опираются в основном на наблюдение и аудио-, видеофиксацию ситуаций взаимодействия. При этом невербальные компоненты коммуникации не игнорируются, а принимаются во внимание как важный ресурс, анализ которого может сделать текстовые данные более точными. Например, Б. Гаммерль (в сфере устной истории) проводил качественные интервью с геями и лесбиянками, учитывая все вздохи и паузы и отмечая их в транскриптах. Он считал, что воспоминание правдоподобно, когда то, что рассказывается, соответствует тому, *как* рассказывается [Плампер, 2018: 469–470].

Важно отметить, что социологическое понимание молчания (несмотря на психологическую содержательность данного феномена), опирается не на личное переживание молчащего человека, а на связь молчания как наблюдаемого или подразумеваемого феномена с макро- или микроуровневыми контекстами ситуации, воспринимаемыми человеком

<sup>2</sup> Прагматическая социология Миды говорит об использовании символов, среди которых могут быть не только слова, но и экстралингвистические особенности речи. Не все из них «отправляются» и воспринимаются как сообщения. Иногда молчание интерпретируется как осмысленное действие (самим молчащим и тем, на кого молчание направлено), а иногда ни одна сторона взаимодействия не желает замечать, что молчание как событие состоялось. В последнем случае обратить внимание на (структурную) роль и значение молчания можно только приняв особую форму сознания (т.е. «вынести за скобки» само собой разумеющийся ход событий) или нарушив его привычную длительность и изменив сопровождающие его фоновые практики.



как объективные данности или «условия», в которых молчание становится возможным вариантом уместного типичного действия.

**Молчание – исследовательский объект социологии повседневности.** Хотя социология повседневности сегодня представлена множеством имен и авторских концепций (М. де Серто, Л. Болтански и Л. Тевено, Э. Зерубавель, Б. Латур, Т. Шефф, Х. Эссер, П. Бурдьё... и др.<sup>3</sup>), основателями субдисциплины – А. Шюцем, Г. Гарфинкелем, И. Гофманом, П. Бергером и Т. Лукманом, а также представителями символического интеракционизма – были очерчены ее рамки и сформулированы основные концептуальные положения. Как указывает Т.В. Бурак, «в качестве активного элемента современных теорий повседневности (с конца 1980-х гг.) используются понятия и элементы концепций феноменологии, этнометодологии и фрейм-анализа» [Бурак, 2010: 105]. Таким образом, в анализе повседневного молчания мы будем опираться на работы указанных «актуальных» представителей социологии повседневности, так как в их разработках сформулированы базовые понятия и концепты, предоставляющие удобный инструментальный анализ широкого спектра «здесь-и-сейчас» взаимодействий. Имеются в виду понятия «фрейм(инг)», «интерсубъективность», «практика», «режимы вовлеченности», «интенциональность», «транспонирование (переклочение)», «жизненный мир», «ритуал взаимодействия», «индексность (индексность)», «отрезок», «обстановка» и «внешний вид», «реплика» и др. Некоторые из них являются скорее общими, другие – более специфичными и частными. Однако при помощи и тех, и других становится возможным смысловое «этнографическое» описание ситуаций мира повседневности.

Здесь нужно отметить, что хотя А. Шюц предложил важнейшие в этой области понятия, социология повседневности и ее концептуальный и методический аппарат после Шюца приобретают более эмпирически ориентированный характер, в чем можно видеть не столько ее принципиальную пересборку, сколько приспособление ее к решению эмпирических задач. Например, представителями разговорного анализа была составлена система письменного кодирования устной речи, позволяющая фиксировать на бумаге интонации, ударения, громкость произношения, настроение, паузы и другие важные особенности речи, ставшие теперь необходимыми для отображения в научной статье.

*Феноменологическая социология А. Шюца.* Наше стартовое понимание феноменов повседневности связано с концептуальной оптикой А. Шюца. Хотя австро-американский ученый уделял много внимания процессам рутинизации и типизации, сопровождающим обыденную социальную жизнь, это не означает, что исследование мира повседневности является исследованием унылого однообразия. «Бессмысленность», «имманентность», «обыденность» повседневности – это образ, ратующий за невнимание к живой области бытия<sup>4</sup>. Покуда «ничего важного» для социологов в повседневности не происходит, исследование рутины и повторяемости по меньшей мере скучно, по большей – бесполезно или невозможно [Вахштайн, 2009].

Однако дело не в том, что повседневность – это обыденность, рутинность, нерелексивность и повторяемость. Ключевым свойством мира повседневной жизни, на наш взгляд, являются его эмпирический и познавательный аспекты: это мир, к которому можно прикоснуться непосредственно – услышать, увидеть, почувствовать. Такой мир мы делим с другими людьми – они тоже его слышат, видят, чувствуют. Поэтому в рамках феноменологии мир повседневности если и нельзя назвать объективным, то во всяком случае

<sup>3</sup> В российской и советской социологии проблематике повседневности посвящены работы В.И. Ильина, Н.Н. Козловой, И.А. Бутенко, А.Н. Алексеева, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и других исследователей.

<sup>4</sup> Проблема понимания повседневности, с одной стороны, как сферы «опустошенности», «дегероизации», а с другой – как пространства жизни, где «витают мысли и чувства, зреют замыслы, порывы и устремления», поднимается в [Голофаст, 2002].

он является *интерсубъективным*, общим. И не всегда, как показывают этнометодологи, этот мир бывает устойчив<sup>5</sup> и привычен.

Повседневность может требовать от нас фокусированного внимания и бывает увлекательной. Ее интерессубъективная фактичность «бьет по глазам», отрезвляет. «Культурные нормы», если и существуют, то «где-то там», а ситуация разворачивается здесь и сейчас, отчасти по собственным имплицитным законам, требует правильных, практичных, уместных действий. К тому же, для начала надо понять, что за ситуация разворачивается, какие именно – надежные или ненадежные, знакомые или незнакомые – игроки в ней участвуют, а ситуация может меняться, преобразоваться на ходу! Подготовленные выступления, тексты научных статей, литература могут содержать отсылки к «культурно-значимому» содержанию «молчаний». Но в повседневном взаимодействии это большая редкость, так как подобная «театральщина» зачастую воспринимается не в соответствии с «высоким смыслом», а как странность и дурновкусие. Даже если мир повседневности – не всегда мир «труда» и практичности (повседневность полна игр и праздности), то, по крайней мере, молчание и повседневный разговор часто отмечены простой и исполняемой молчанием функцией, хотя не всегда явной.

«Мир труда» А. Шюца, как и «чувственный мир» У. Джемса, имеют первостепенное значение, так как наше тело характеризуется чертами постоянства в своей локализации в мире повседневности среди других людей. Это самый сильный опыт, из которого сложно вырваться [Шюц, 2003]. «Шюц искал процесс, посредством которого интерессубъективность возникает в “живом опыте”. Сосредоточив внимание на проблеме других сознаний (как одно сознание понимает переживания другого), его теория начинается с ситуаций, когда два человека (или более) находятся в одном и том же пространстве и времени и имеют один и тот же объект внимания» [Pagis, 2010: 314]. Интерессубъективность, чувство общности, социальность рождаются в совместном опыте людей, разделяющих одно и то же время и пространство. Исследование молчания-здесь-и-сейчас означает исследование точки «стыка» индивидуального и социального, выраженного в теле и речи (или ее отсутствии).

Шюц подчеркивал, что схема интерпретации индивидами их взаимных действий сформирована здравым смыслом и практической жизнью среди других людей. Разумеется, сформированные нашими предшественниками значения молчания могут влиять на нашу его интерпретацию, но если они не будут поддерживаться и воспроизводиться в реальных практиках, то скоро отомрут или не будут ассоциироваться с повседневным миром. В любом случае, взаимодействие в этом мире основано на допущениях общности опыта и взаимозаменяемости точек зрения. А потому даже в совместном молчании люди могут достигать понимания друг друга, хотя и часто приблизительного, так как в случаях непонимания они тут же обращаются к уже приобретенным ими в культуре или собственном социальном опыте конструктам типичного поведения. «Пребывание с кем-либо в общем пространстве означает, что определенный сектор внешнего мира, содержащий объекты, представляющие интерес для нас обоих, равно доступен как мне, так и моему партнеру. Наблюдению каждого партнера непосредственно доступны тело, жесты, походка и выражение лица другого, не только как предметы или события во внешнем мире, но и в их физиогномическом значении, т.е. как симптомы мыслей другого» [Шюц, 2004: 19].

*Фрейд-анализ И. Гофмана.* Социология повседневности И. Гофмана дает представление о молчании не как о том, что делают люди, когда сами захотят, когда у них будет соответствующее настроение и если они обладают определенным характером, но как

<sup>5</sup>Например, утверждает О.Б. Божков: «...повседневность – это нормальное, привычное, ничем не нарушенное состояние и окружающей действительности, и, соответственно, поведения людей. Хотя повседневность обычно не фиксируется нашим сознанием, её начинаешь замечать, когда сталкиваешься с другими культурами» [Божков, 2014: 140]. Путешествие, особенно в страну с другой культурой, заставляет обратить на повседневность внимание, однако этого можно добиться и никуда не выезжая, так как процесс осознания повседневности связан не столько с самой культурой, сколько с субъективным режимом вовлеченности и направленности внимания.

о действии, включенном в общекультурный и локальный смысловой контекст – рутинный и типизированный.

Картина мира Гофмана выглядит следующим образом. *Люди живут в ситуациях, а эти ситуации имеют «определения», которые устанавливают социальный порядок.* Люди сами занимаются подобными определениями, но, однажды установившись, уже имеющееся определение оказывает на людей принудительное действие. Часто они сначала что-то делают (логично и успешно), *практикуют социальное поведение*, а уже после думают, интерпретируют, объясняют для себя смыслы и мотивы [Гофман, 2003]. Именно разделение текущего хаоса мира на смысловые единицы анализа – ситуации – является первым и ключевым шагом к пониманию молчания как социальной практики – одновременно индивидуальной и социальной.

Термин «фрейм» (рамка) означает определение ситуации, которое складывается в зависимости от субъективной вовлеченности в события и их социальной организации. Фреймы «говорят» только о субъективном «понимании» события, не об объективной социальной структуре. Однако они часто являются общими для участников ситуации (если речь не идет об обмане). Для «рамки» существуют более или менее четкие характеристики времени, места, обстановки, внешнего вида и ролей. Иногда на определение основного фрейма существенное влияние оказывают институциональные структуры – расписания и графики работы заведений и учреждений, маркеры начала и окончания события – звонки, объявления, стены и двери... В коридоре говорить можно, в кабинете нельзя или только по разрешению учителя; с началом представления разговоры умолкают, в антракте – оживляются. Однако молчание не только подчиняется определению ситуации, но и наоборот, – молчание, не соответствующее данному фрейму, может переопределить ситуацию.

Социальные действия имеют два пласта существования: физический и смысловой. Молчание в эмпирическом изучении – действие физическое. Однако в мире людей оно редко остается значимым просто как отсутствие звуков, но приобретает особое значение как «ход в игре», стратегическое или контекстное действие. Но мы не можем игнорировать то обстоятельство, что у всякого действия есть его «физическая» сторона. В этом разница между молчанием «вживую» и молчанием, например, в переписке. Разумеется, молчание глухонемого человека не воспринимается как социальное действие, а рассматривается как естественное обстоятельство и приписывается континууму фоновых «событий» (в отличие от «действий»). То, что внешне кажется одним и тем же (человек молчит), по смыслу может различаться. Таким образом, все, что не рассматривается буквально, является переключением. Описывая любую ситуацию, люди обычно используют конечную (смысловую) схему интерпретации. То же самое они пытаются обнаружить, столкнувшись с молчанием человека. Однако если в процессе взаимодействия они найдут признаки физических препятствий для «нормальных» речевых действий или молчания, они сразу же переопределяют прошлые и текущие действия в физических, или, что бывает часто, медицинских терминах [Гофман, 2003: 255–258].

В играх стратегическое молчание попросту необходимо как элемент данного взаимодействия, иначе не будет интереса и эффекта развлечения. Это относится ко множеству игр, где требуется умолчание (сохранение в тайне) своих игровых позиций от противника.

Некоторые виды деятельности приобретают удачное социологическое описание посредством драматургической метафоры: лекции, выступления на конференциях, сольные номера, показательные состязания, инструктажи, свадьбы, похороны (и другие «церемонии»), специально открытый для наблюдения чей-то рабочий процесс... Между участниками «одного плана бытия» происходит взаимодействие, между исполнителями и зрителями – нет, так как последние скорее наблюдают, а не действуют. Но у аудитории есть свой набор задач: прежде всего, это выражение заинтересованности и эмпатии [Гофман, 2000]. Если зрителей нет, от человека в большинстве случаев требуется молчание. Таким образом люди «присваивают» себе чужой разговор вслух – если он присутствует, значит,

он должен быть обязательно для кого-то. Если приватность пространства, в котором человек разговаривает сам с собой, будет нарушена, это заставит его самого и свидетелей испытывать стыд [Гофман, 2003: 303].

Ситуация обычно обрамляется скобками и содержит их внутри себя. Скобки маркируют пространство и время и разделяются на *внешние* (отделяют событие от остальной жизни) и *внутренние* (паузы и перерывы во время самого события). Диктору, ведущему аудиотрансляцию концерта, необходимо чем-то заполнять пустоту между действиями, он не может просто замолчать. Почему? Это делается для вновь подключившихся слушателей, которые должны правильно считать фрейм концертного антракта и не перепутать его с полкомой радио или неполадками «на том конце провода». Даже повторяя много раз одно и то же в этой ситуации лучше, чем молчать [там же: 340]. Такие «заполняющие паузы», иногда состоящие только из протяжных звуков, могут считаться удобной стратегией даже для людей, не говорящих в микрофон «профессионально». Таким образом создается непрерывность речи, демонстрирующая вовлеченность в собственный монолог.

Гофман приводит пример действия ожидающего молчания из практики группового психотерапевта: «В назначенное время члены моей группы начинают прибывать. Люди недолго переговариваются между собой, а затем, когда набирается определенное их количество, в группе наступает молчание. Через некоторое время бессвязные разговоры возобновляются, затем опять следует молчание. Мне ясно, что я нахожусь в центре внимания группы. Более того, я испытываю тяжелое чувство, что от меня ждут чего-то» [там же: 508]. Конечно, в сценарии жизненного спектакля регламентируется далеко не все, по крайней мере, гласным образом. Тактичность обычно подразумевает молчаливое мастерство правильного считывания контекста и знание, как именно в нем следует себя вести. Умение «вовремя замолчать» относится к такому типу «социального навыка». Правильно употребленное молчание может не просто сложить приятное впечатление о человеке, но придать этому человеку более высокий (в некоторых случаях, как, например, молчание в ответ на оскорбления – более низкий) статус, а в общем смысле представить его как «своего» или «чужого» в глазах других людей [Гофман, 2009].

Анализ фреймов дает нам понимание многослойности и многоканальности повседневности, позволяет выделить главные и второстепенные взаимодействия, а также те, которые не относятся к взаимодействию вообще (внешние). Таким образом, достижение Ирвинга Гофмана, которое делает его разработки полезными для исследования практик молчания – это введение в социологический оборот понятий и концептов, при помощи которых стала возможна продуктивная работа по описанию смысловой структуры ситуации взаимодействия. Тем же преимуществом перед другими теоретическими конструкциями повседневности обладает этнометодология и конверсационный анализ.

*Этнометодологический подход: Г. Гарфинкель, Х. Сакс, Э. Щеглофф.* Этнометодология известна прежде всего необычными «социальными экспериментами», которые проводил сам и побуждал проводить своих учеников Гарольд Гарфинкель. Они были направлены на то, чтобы показать, что социальная норма есть нечто подвижное, формирующееся в контексте взаимодействия. Если дезорганизовать привычное течение социальной жизни, люди не перестанут вести себя упорядоченно, а будут искать упорядоченного (объяснимого) поведения партнеров по взаимодействию, даже если те пытаются дезорганизовать ситуацию, следуя не общепринятым, а собственным правилам или вовсе не подчиняясь никаким правилам [Гарфинкель, 2002; 2003].

В наших повседневных попытках интерпретировать молчание партнера мы мысленно примеряем, как бы сказал Гофман, наиболее подходящие к ситуации «определения», тем самым пытаясь включить данное поведение в некую интерпретативную схему, упорядочивающую действительность. Смысл «практического» молчания (как конкретного действия) не дан нам тем, что называется «культурой» (мы уже указывали на бесчисленное число таких смыслов), но формируется в ситуации взаимодействия здесь и сейчас с помощью окружающих его практик, являясь поэтому *индексичным*.

В логической загадке о «трех мудрецах» иллюстрируется значение контекстного молчания. Три мудреца, дабы разрешить, кто из них мудрее, пришли к четвертому. У того были три белых и два черных колпака. Он попросил всех закрыть глаза, и надел на каждого по белому колпаку. Кто первый поймет какого цвета на нем колпак – тот и мудрее. Спустя какое-то время один из мудрецов воскликнул: «на мне белый!». Нам же предлагается узнать, как он догадался. Классическое решение этой задачи основано на цепочке умозаключений, которые делает мудрец из того, какие колпаки он видит на товарищах, и том, что они, в свою очередь, не угадывают цвет своего колпака моментально, т.е. не могут дать ответ сразу, а потому – молчат. Молчание оппонентов в данном случае (поскольку они являются мудрецами, а не глупцами) интерпретируется как незнание, неочевидность правильного ответа. Это незнание помогает одному из мудрецов получить представление о перспективе, которую имеют перед собой два других, то есть посмотреть на ситуацию «их глазами». Такие выводы о молчании партнера возможны только в условиях контекста и условий такой логической задачи (мы делаем скидку на то, что логические задачи обычно подчиняются не реализму и точности используемой логики, а изяществу собственного решения). И хотя ни в какой настоящей жизненной ситуации четкие и ограниченные условия никогда не встречаются, мы точно так же стараемся интерпретировать чужое молчание в контексте своих и чужих практических целей (см. [Гарфинкель, 2009]).

В этнометодологической перспективе практики молчания в зависимости от контекста могут как разрушать текущий социальный порядок (и создавать тем самым новый), так и поддерживать его. Молчание для практикующих его людей является многофункциональным инструментом речевого взаимодействия, выступающим структурирующим элементом речи, ключевым компонентом «молчаливых» порядков интеракции. Анализ этой роли и функции молчания во взаимодействии – важный аспект этнометодологического подхода к молчанию. Например, в детской игре «молчанка» молчание является конституирующим элементом игры, проговариваемым в правилах, – соревнование в длительности молчания нескольких игроков составляет суть такого взаимодействия и полностью определяет ход и итог игры [Спиркина, 2023]; в то же время паузы в диалоге часто не замечаются говорящими, хотя имеют особый микросоциологический смысл и выступают в качестве «отправных пунктов» для смены очередности в разговоре, придания драматизма сказанной фразе или становятся «местами коррекции» реплики и т.д.

Одним из «ответвлений» этнометодологии, позволяющим сделать анализ молчания, «включенного в речь», более точным, является т.н. конверсационный анализ. «Э. Щеглов и Х. Сакс использовали некоторые идеи этнометодологии и концепции фреймов в качестве теоретической базы конверсационного анализа (conversational analysis), цель которого – выявление способов конструирования реальности и приемов поддержания социального порядка в структуре речевых интеракций» [Бурак, 2010: 113]. Данный исследовательский метод использует аудио- и видеозаписи взаимодействий, а также технику их детального транскрибирования на письме, учитывающую паралингвистические характеристики речи, места пауз в речи, их длительность, характер интонаций, жесты, мимику. Но самое важное – конверсационный анализ оказывается способен анализировать контекст их появления и структурную роль в разговоре.

**Заключение.** Разумеется, социология повседневности, порождение интеракционизма и социальной феноменологии, берет в качестве отправной единицы анализа субъективный опыт людей, живущих в обществе. Доступ к данному индивидуальному опыту и способы его интерпретации часто обнаруживаются в способности людей говорить о своем опыте и, кроме того, в некотором желании это делать. Такое желание появляется не всегда. Особенно мало его в случаях, когда сам смысл молчания заключается в создании умолчания, тайны, недосказанности, иллюзии или информационного вакуума. В этом проблема исследования опыта молчания, о котором ничего не сказали, ничего не хотят говорить и даже считают необходимым сохранить его смысл в тайне. Единственное, на что приходится надеяться в данном случае, что молчание – это неслучайный,

«правилосообразный» элемент социальной жизни, возникающий то здесь, то там в социальном опыте в силу определенных обстоятельств, – потому что для этого складывается ситуация, это предполагает сложившийся ритуал или потому что именно с молчанием и его (ключевой или второстепенной) ролью связаны организация структуры взаимодействия и социальный порядок<sup>6</sup>.

Феноменологическая социология, символический интеракционизм, фрейм-анализ и этнометодология вместе и по-отдельности могут служить теоретико-методологическим ресурсом анализа молчания как явления микроуровня социальной жизни. Данные концепции хоть и считаются некоторыми авторами несовместимыми, так как раскрывают разные перспективы теоретического описания ситуации, кажутся нам если и не во всех случаях взаимодополняемыми, то, по крайней мере, почти всегда взаимозаменяемыми для задач социологического описания смысловой и физической структуры социальной ситуации, так как они имеют целью выявление социальной организации человеческого опыта и достигают этой цели похожим образом, хотя и подходят к ней каждая со своим особенным взглядом. Однако без значительной потери смысла скажем, гофмановские концепты «переводятся» на язык этнометодологии, и обратно. Но даже там, где такую конвертацию совершить проблематично, использование одной из названных концепций для задач социологического понимания ситуации на микроуровне не имеет принципиальных преимуществ перед использованием других. Их использование можно применять параллельно, что способствует более полному анализу ситуации. Ключевое сходство этнометодологии, социальной драматургии и социальной феноменологии состоит в практически идентичном исследовательском объекте – повседневных практиках в их непосредственной структуре в наблюдаемом взаимодействии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Божков О.Б. Понятия повседневности и практик: к уточнению социологического смысла // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 133–154. DOI: 10.19181/socjour.2014.20.4.242.
- Бурак Т.В. В поисках повседневности: обзор новых концепций в социологии // Социология: Научно-теоретический журнал. 2010. № 2. С. 105–115.
- Вахштайн В.С. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 61–70.
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: ЕУ в СПб., 2008.
- Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 41–69.
- Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 10–51.
- Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 3–25.
- Голофаст В.Б. Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Т. 1. № 1. С. 67–74.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2003.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
- Ильин В.И. Драматургия повседневности // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 2. С. 2–8.
- Копылова Т.Р. Молчание как термин: проблема многозначности // Вестник УдГУ. Сер.: История и филология. 2015. Т. 25. № 5. С. 7–11.

<sup>6</sup> Короткие типы молчаний (паузы, заминки) могут интерпретироваться участниками ситуации в терминах психофизиологической случайности (нужно время набрать в грудь воздуха, подобрать ответ...), но это не означает, что для логики протекания ситуации они так же являются случайным и бессмысленным «выбросом» (см. [Сакс и др., 2015; Schegloff, Sacks, 1973]).

Плампер Я. История эмоций. М.: НЛО, 2018.

Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7.

Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202.

Солодовникова Н.Г. Эмоциональная поливалентность нулевых знаков в лингвоэкологическом аспекте (на примере слова молчание) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 67–80.

Спиркина А.К. Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice // *Ethnography*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.

Scheff T. Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern // *Irish Journal of Sociology*. 2006. Vol. 15. P. 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.

Schegloff E.A., Sacks H. Opening up closings // *Semiotica*. 1973. Vol. 8. No. 4. P. 289–327.

Simmel G. The Sociology of secrecy and of secret societies // *American Journal of Sociology*. 1906. Vol. 11. No. 4. P. 441–498.

Zerubavel E. *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. N. Y.: Oxford University Press, 2006.

Статья поступила: 03.04.24. Финальная версия: 29.06.24. Принята к публикации: 08.07.24.

## SOCIOLOGICAL THEORIES OF EVERYDAY LIFE AS A TOOL FOR RESEARCHING SILENCE PRACTICES

SPIRKINA A.K.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

Anastasiya K. SPIRKINA, Senior Assistant, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (spirkina.ak@yandex.ru).

**Abstract.** The article reveals heuristic possibilities and analyzes the results of applying the conceptual apparatus of the sociology of everyday life to understanding the practices of silence. Sociological theories of everyday life are presented in the article by the concepts of social phenomenology of A. Schutz, dramaturgy and frame analysis of E. Goffman and an ethnomethodological approach, which includes both the ethnomethodology of H. Garfinkel, and conversation analysis, the founders of which are considered to be H. Sacks and E. Schegloff. Thus, the subject of the article is a wide range of concepts united by a qualitative research paradigm. This choice is justified by the high adaptability of this set of theories to the analysis of observed and «sounding» silence as a real phenomenon given us in the direct human experience. Used in everyday social life, silence is included in the processes of the everyday world thus becoming a part of the (re)production mechanism at the micro level social order.

**Keywords:** silence, social practice, sociology of everyday life, ethnomethodology, frame analysis, A. Schutz, E. Goffman, H. Garfinkel, conversation analysis.

## REFERENCES

- Bozkov O.B. (2014) Everyday life and practices: towards clarification of the sociological sense of notions. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. No. 4: 133–154. (In Russ.)
- Burak T.V. (2010) In search of everyday life: a review of new concepts in sociology. *Sociology: Scientific and theoretical journal* [Sociologija: Nauchno-teoreticheskij zhurnal]. No. 2: 105–115. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2002) Study of the habitual foundations of everyday actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 41–69. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2003) What is ethnomethodology? *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 3. No. 4: 3–25. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2009) A conception of, and experiments with, “trust” as a condition of stable concerted actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 10–51. (In Russ.)

- Goffman E. (2000) The presentation of Self in everyday life. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo pole (In Russ.)
- Goffman E. (2003) Frame analysis: an essay on the organization of experience. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Goffman E. (2009) Interaction ritual: essays on face-to-face behavior. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Golofast V.B. (2002) Conceptualizing Everyday Life. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 1. No. 1. P. 67–74. (In Russ.)
- Ilyin V.I. (2003) Drama of everyday life. «Teleskop»: *nabljudeniya za povsednevnoj zhizn'ju peterburzhcev* [“Telescope”: observations of the daily life of St. Petersburg residents]. No. 2: 2–8. (In Russ.)
- Kopylova T.R. (2015) Silence as a term: the problem of polysemy. *Vestnik UdGU. Ser. Istorija i filologija* [Bulletin of UdSU. Ser. History and Philology]. Vol. 25. No. 5: 7–11. (In Russ.)
- Pagis M. (2010) Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice. *Ethnography*. Vol. 11. No. 2: 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.
- Plamper J. (2018) The history of emotions. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Podvoyskiy D.G., Spirkina A.K. (2022) In the quiet..., between people...: silence as a subject of sociological study. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7. (In Russ.)
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G.A. (2015) Simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1: 142–202. (In Russ.)
- Scheff T. (2006) Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern. *Irish Journal of Sociology*. Vol. 15: 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.
- Schegloff E.A., Sacks H. (1973) Opening up Closings. *Semiotica*. Vol. 8. No. 4: 289–327.
- Schutz A. (2003) On multiple realities. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 3. No. 2: 3–34. (In Russ.)
- Schutz A. (2004) *Selected works*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Simmel G. (1906) The Sociology of Secrecy and of Secret Societies. *American Journal of Sociology*. Vol. 11. No. 4: 441–498.
- Solodovnikova N.G. (2017) Emotional polyvalence of zero signs in linguoecological aspect (on the example of the word silence). *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [World of linguistics and communication: electronic scientific journal]. No. 1: 67–80. (In Russ.)
- Spirkina A.K. (2023) «Silence game» as a form of social interaction. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9. (In Russ.)
- Vakhshayn V.S. (2009) Between «practice» and «deeds»: the unbearable lightness of theories of everyday life. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 61–70. (In Russ.)
- Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *The theory of practices*. St. Petersburg: EU v SPb.. (In Russ.)
- Wittgenstein L. (2019) *Philosophical investigations*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Zerubavel E. (2006) *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. New York: Oxford University Press.

Received: 03.04.24. Final version: 29.06.24. Accepted: 08.07.24.



© 2024 г.

## ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Под таким названием 20 марта 2024 г. прошел методологический семинар в Якутске с целью сохранения и развития традиций научного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», организуемого Институтом философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН) с 1995 г. в сотрудничестве с коллегами из сибирских регионов. Мероприятие было посвящено 50-летию со дня образования лаборатории социологических исследований Института языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР, основанной и возглавляемой **И.А. Аргуновым**. Семинар ознаменовал новый этап взаимодействия новосибирских и якутских этносоциологов, которое в свое время было начато по инициативе директора ИИФиФ СО АН СССР акад. **А.П. Окладникова** и изначально осуществлялось под руководством **В.И. Бойко** (зав. отделом социологии этого института) и **И.А. Аргунова** (со стороны ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР).

Нынешний семинар призван скоординировать традиции новосибирской научной этносоциологической школы и якутской социологической школы, объединив их с партнерским потенциалом дальневосточных ученых, изучающих трансформации российского общества и динамику этносоциальных процессов в регионах. Он выступил платформой для кооперации, сопряжения социологических подходов и методов, обмена результатами исследований сибирских и дальневосточных ученых. В его работе приняли участие представители научных и образовательных учреждений многих регионов Дальнего Востока: ИГиИПМНС СО РАН и СВФУ (Якутск), СВГУ (Магадан), КамГУ (Петропавловск-Камчатский), ДВФУ и ИИАЭ ДВО РАН (Владивосток). Сибирская исследовательская часть представлена сотрудниками ИФПР СО РАН (Новосибирск), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), ХГУ им. Н.Ф. Катанова (Абакан).

С установочными докладами на семинаре выступили его инициаторы, основные организаторы и модераторы: **Е.Г. Маклашова** (ИГиИПМНС СО РАН) и **Ю.В. Попков** (ИФПР СО РАН). Е.Г. Маклашова представила результаты теоретических и эмпирических исследований, полученных на основе скорректированной в отделе методологии изучения социального самочувствия населения с учетом полиэтничного характера и этнокультурной направленности государственной национальной политики Республики Саха (Якутия). Подчеркнута важность использования на принципах дополнительности установок примордиализма, строящегося на историко-культурных основаниях «групповости», и конструктивизма, исходящего из субъективной картины мира представителей разных этнических групп. Выявлены параллельные траектории социального развития: население Якутии выбирает для себя перспективы самовыражения, но традиционные ценности продолжают заполнять смысловые ориентиры, особенно в ситуации, возникшей во время пандемии COVID-19. Позитивная оценка межнациональной ситуации сопровождается новым трендом в этнической структуре региона и редкими всплесками конфликтности. В целом исследование показало, что этнокультурные ресурсы, среди которых важное значение имеют этническая идентичность, ориентация на сохранение этнической культуры и языка, а также этническая консолидация, выступают основой позитивной социальной адаптации, прежде всего, коренных народов Якутии.

Доклад Ю.В. Попкова был посвящен фундаментальным вопросам отечественной этносоциологии как самостоятельного научного направления, перед которой, по его мнению, стоят серьезные вызовы, связанные с доминированием западных научных традиций и подходов. Многих, в том числе этносоциологов, поразил вирус конструктивизма и вирус «этничности-идентичности», которая воспринимается в качестве основного предмета исследований. По мнению докладчика, этничность оказывается по сути бессубъектной и беспочвенной. В отличие от этого, исходное отечественное народоведение, а также этнография и этносоциология являются почвенными науками, изучающими конкретные народы и их взаимодействия в конкретных условиях существования. На его взгляд, предметную спецификацию этносоциологии конституируют этносоциальные процессы, понятые в их субъектной определенности, комплексности, системности, диалектичности. Элементарной единицей научного анализа на локальном уровне в рамках такого подхода выступает межэтническое сообщество как продукт взаимодействия этнически маркированных субъектов. Автор отстаивает идею необходимости рассмотрения городского межэтнического сообщества в качестве особого объекта государственной национальной политики, поскольку именно здесь концентрируются ее основные проблемные зоны, а также болевые точки современных этносоциальных процессов.

**Р.А. Старченко** (ИЭА РАН) заострил внимание на актуализации этнической проблематики, подчеркнув, что власть и общество заинтересованы в новых направлениях этносоциологических исследований. Сохраняя свой фокус на межэтнических отношениях, этнической идентичности, миграции, ценностях, этносоциология призвана устанавливать специфику и влияние разнородности в этих феноменах на единение и солидаризацию народов России.

**О.В. Васильева** (ИГИИПМНС СО РАН), анализируя специфику процессов индивидуализации в России и за рубежом, сделала вывод, что многонародность России – уникальный позитивный опыт, выступивший, в том числе, барьером для стремительного процесса индивидуализации. Современную национальную политику России можно охарактеризовать как стратегию мягкого вовлечения этнических групп в общее поле социального и культурного развития. **Е.А. Ерохина** (ИФПР СО РАН) основной акцент сделала на редко анализируемых источниках противоречий этносоциального развития России, выделив, в частности, противоречия: ориентации на специфические социальные преобразования и жесткой вестернизацией; сырьевой специализации экономики и ее реальной многоукладностью; ценности коллективной собственности на землю и практикой ее купли-продажи и др. Негативными являются также дисфункции образовательной системы и недооценка со стороны федеральной власти роли сибирского макрорегиона в развитии страны. **А.В. Михайлова** (СВФУ) посвятила свой доклад весьма неординарной теме – развитию креатосферы, связанной с изучением стремления к творчеству и инновациям, формирования инновационных и креативных идей, проектов под влиянием геокультурных и социокультурных факторов, разработок научно обоснованных решений в области устойчивого развития Дальневосточного региона и Российской Арктики.

Два выступления касались проблем семьи и семейных ценностей как важных составляющих развития человека и общества в фокусе трансформации национальных традиций народов России. **М.А. Абрамова** (ИФПР СО РАН) представила анализ статистических данных о составе семей в разных регионах России и пришла к выводу, что значительное количество многодетных семей свидетельствует о сохранности многодетности как этнокультурной ценности. Даже регионы с отрицательным приростом населения, в последние годы получив социально-экономическую поддержку, демонстрируют положительную динамику увеличения количества многодетных семей. Данный факт позволяет предположить, что большим демографическим потенциалом могут обладать группы регионов, где на данный момент сохраняется отрицательная динамика естественного прироста. **Н.Д. Елисеева** (СВФУ) обозначила тему семьи, как основу стабильности менталитета

во времени и на основе регионального материала с привлечением методов психологии, выделив особенности структуры семьи в якутском менталитете.

Дальневосточный вектор представленных на семинаре результатов конкретных исследований открыла **О.П. Коломиец** (СВКНИИ ДВО РАН) докладом о динамике численности и этнической структуры населения Чукотского автономного округа. Происходит рост городского населения региона на фоне уменьшения общей численности населения, доля коренных жителей в регионе растет. Неутешительным является ее вывод о малоэффективности существующих программ развития округа и слабой представленности полноценного стратегического планирования. Ряд проблемных вопросов обозначила **А.В. Винокурова** (ДВФУ): продолжающийся отток населения во многих регионах Дальнего Востока, отсутствие масштабных результатов в реализации программы «Дальневосточный гектар», рост нагрузки на социальную сферу, нестыковка запроса на рабочую силу и миграционной политики, отсутствие реальных ресурсов для решения проблем депопуляции. Молодежный взгляд на проблему межнациональных отношений в условиях новой внешнеполитической стратегии поворота на Восток представила **Г.Г. Ермак** (ИИАЭ ДВО РАН), отметив, что лишь половина опрошенных студентов Владивостока положительно оценили влияние данной стратегии на межнациональные отношения в Приморском крае. На этом фоне четверть респондентов допускают возможность конфликтов на межнациональной почве. **Д.Д. Бадарев** и **В.Г. Жалсанова** (оба – ИМБТ СО РАН, БГУ) посвятили свой доклад проблемам межнационального согласия в Бурятии, сделав акцент на том, что согласие – это и готовность к диалогу, и доверие, и способность слушать и слышать друг друга.

На семинаре обсуждался также значимый для этносоциологии Сибири и Дальнего Востока вопрос об устойчивом развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В частности **В.В. Доржеева** (СВГУ) представила анализ социокультурного положения представителей коренных народов локальной территории Магаданской области. Фиксируется реальный риск потери ими родного языка на фоне манифестации его высокой значимости для этнической идентификации. Сохраняется устойчивость объективных факторов этнического единения в сознании представителей местных сообществ – территории, языка, национальной культуры. Аналогичные процессы наблюдаются и среди некоторых территориально локализованных групп малочисленных этносов в Якутии. В выступлении **А.А. Сорокина** (КамГУ) поднят вопрос о трансформационных трендах в национальной культуре под воздействием современных процессов, о сохранности материальных и духовных традиций коренных малочисленных народов Камчатского края в форме неотрадиционализма.

Участники высоко оценили семинар как важную форму взаимодействия этносоциологов и обсуждения результатов проведенных исследований в крупном макрорегионе, объединяющем Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Позитивно воспринята его ориентация на рефлексию итогов не только эмпирических, но также теоретических, методологических и методических разработок коллег. Это особенно значимо в ситуации, когда этносоциологические изыскания проводятся силами небольших коллективов или в рамках индивидуальных инициативных проектов, что связано как с малыми объемами финансирования, так и нехваткой квалифицированных научных кадров. Но даже столь ограниченными ресурсами удается зафиксировать важные тенденции в социально-экономической и этнокультурной жизни народов региона. Конкретные знания об этом востребованы со стороны власти и общества, хотя работа исследователей не всегда получает адекватную оценку и не имеет продуманной и эффективной системы финансовой поддержки. Участники мероприятия выразили пожелание сохранить возможность периодической «сверки» научных планов и результатов на макрорегиональной специализированной площадке.

---

МАКЛАШОВА Елена Гавриловна, д.соц.н., гл. науч. сотр., зав. отделом этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия (maklashova@mail.ru); ПОПКОВ Юрий Владимирович, д. филос. н., проф., гл. науч. сотр. Института философии и права СО РАН, проф. Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (yuripopkov54@mail.ru).

---

## ETHNOSOCIAL PROCESSES IN SIBERIA AND THE FAR EAST

DOI: 10.31857/S0132162524060136

---

*Elena G. MAKASHOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Ethnosociology, Chief Researcher of Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia (maklashova@mail.ru); Yuri V. POPKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher of Institute of Philosophy and Law SB RAS, Prof. of Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (yuripopkov54@mail.ru).*

---

© 2024 г.

## СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Одноименная VIII Всероссийская научная конференция с международным участием состоялась 19–20 апреля 2024 г. в рамках юбилейной программы 115-летия педагогического образования в Иркутской области. Организатором выступила кафедра социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета (ИГУ). В работе конференции приняли участие специалисты научно-исследовательских организаций и вузов центральной части России, Сибирского федерального округа, Дальнего Востока, Кузбасса, Дагестана, Луганской народной республики, а также республик Беларусь, Узбекистан и Китайской Народной Республики.

Социальные процессы в российском обществе характеризуются сложностью и неоднозначностью оценок. Нарастающая неустойчивость экономических и политических отношений определяет деструктивный характер социальных связей, влияет на типы межличностных и межкультурных взаимодействий, качество жизни населения регионов и государства в целом. Тематика пленарного заседания и секций конференции значительно актуализируется в связи с текущими изменениями социально-политического диалога, дискурса социокультурного пространства в России и мире.

На торжественном открытии с приветственными словами к участникам мероприятия обратились: советник С.М. Миронова, депутат Законодательного Собрания Иркутской области **Л.И. Егорова**; главный консультант по работе с фракцией политической партии «Справедливая Россия – За Правду» аппарата Законодательного Собрания Иркутской области **А.А. Половинский**; зам. министра образования Иркутской области **Е.В. Апанович**; проректор по научной работе и международной деятельности ИГУ **К.В. Григоричев**; директор педагогического института ИГУ, проф. **А.В. Семиров**. В приветствиях отмечена высокая ценность научного дискурса в обсуждении проблем новой социальной реальности и ее вызовов.

Открыл пленарное заседание проф. **И.И. Осинский** (БГУ) докладом «Философия и ее роль в культурно-образовательном пространстве», рассмотрев особенности и этапы

становления определяющей роли философии в духовной жизни человека. Автор обращается к спорным оценкам советского периода и пересмотру функций философии в современном мире. Обосновано губительное влияние постмодернистской рациональности на отношение к философской мысли, ее вкладу в развитие человечества. Критически оцениваются вопросы девальвации философской подготовки в современной системе образования.

Проф. **М.И. Добрынина** (БГУ) анализирует динамику рождаемости в общероссийском и региональном контекстах с позиции репродуктивных установок, влияния социокультурных норм и ценностей. Отмечены изменения ценностно-функциональной значимости семьи. Ее отсутствие, ограничение или исключение деторождения свидетельствуют о качественных изменениях семейного института и его репродуктивной функции.

В особую группу выделены доклады, посвященные вопросам морали и проблемам формирования и развития традиционных ценностей. В сообщении **В.Н. Коньшева** (СПбГУ) рассматривается утилитарный подход к морали, согласно которому мораль становится средством, а значит, подчинена политике, что обуславливает большую часть деструкций социально-политического дискурса. **В.П. Ополев** (ОГПУ) актуализирует роль общественного сознания и национальной аксиосферы в концептуализации традиционных ценностей. Обоснованы антагонистичность, бинарность, историчность, персоналистичность ценностных максим в рамках национальной аксиосферы. **О.Б. Истомина** (ИГУ) анализирует общественные реакции на вызовы новой социальной реальности. Нестабильность, выстроенная на иррациональной рациональности, масштабно продуцирует деструкции всего социального, среди которых автор выделяет кризис идентичности, психологическую усталость, аморфность морали и маргинальность, манифестацию неврозов, «ценностное блуждание», отказ от привычных, традиционных императивов, разрастание инвективы, пейоративов и лексики негативной коннотации в отношении российского народа. Обоснована опасность квазисоциальных связей их потенциальными укоренения и усиления отчуждения человека, его напряженности в оценках действительности, «ценностного блуждания», отказом от привычных, традиционных императивов.

Значительный интерес вызвал доклад **С.Г. Дорониной** (ИФ НАН РБ, Минск), в котором были озвучены размышления о редко актуализируемом в отечественном социально-гуманитарном дискурсе феномене «эпистемическая несправедливость», тесно связанном с вопросами стереотипизации детей, способами формирования значений детства в обществе и культуре. Обоснована актуальность философских попыток осмысления феномена детства, интенции которых направлены на переоценку онтологического, социально-культурного, этического статуса детей, позволяющих выявить дополнительные аргументы в пользу философско-педагогических практик с детьми.

Проблемы формирования управленческих кадров в региональной системе образования обсуждались в докладе **Г.И. Зимирева** (ИРО Забайкальского края). Анализируются такие профессиональные характеристики, как высокий уровень образования, значительный опыт педагогической работы, возрастной и гендерный дисбаланс. Определены проблемы в работе: многозадачность, отсутствие четких критериев оценки работы, неустойчивый социально-правовой статус, дисбаланс в объемах компетенций и ресурсов, высокий уровень конфликтности, прессинг со стороны контрольно-надзорных органов. Предложен набор мер для совершенствования работы с управленческими кадрами, в основе которых социологический мониторинг управленческого корпуса Забайкальского края.

В продолжение темы модернизации образования и совершенствования системы управления выступила **Н.С. Баранова** (ИРО Иркутской области) с обзором факторов резильентности современной школы. Выводы основаны на результатах экспертного интервью, проведенного в рамках исследования условий получения качественного образования в логике социологического подхода.

**А.А. Звонок** (ЛГПУ, Луганск) предложил к обсуждению байесовский подход к организации и анализу результатов социологических исследований. Автор представляет

историю формирования традиционной (частотной) и байесовской познавательных парадигм как в математике, так и в философии науки.

В секции «Новые тенденции в развитии политологии и социологии» вызвали интерес доклады **В.В. Буханцова** (ИГУ), **М.В. Комаровой** (ИГУ), **Н.Д. Вавилиной** (РАНХиГС), **Ю.М. Шпигуновой** (РАНХиГС), **М.О. Агишева** (РАНХиГС). Актуальное видение современных проблем философии и культуры представлено в научных сообщениях **С.Ж. Нишонова** (Национальный ун-т Узбекистана), **О.Ю. Юрьевой** (ИГУ) и других участников.

Проблемы, анализируемые на площадках конференции, являются дискуссионными, что определило разнообразие подходов и точек зрения в их решении. Значимость результатов работы конференции обусловлена поливариантностью предложений решений социальных вопросов и проблем, число и масштаб которых возрастают в связи с текущими изменениями геополитики и социокультурного пространства в мире.

О.Б. ИСТОМИНА

---

*ИСТОМИНА Ольга Борисовна, д. филос. н., доц., зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия (olgaistomina@mail.ru).*

---

## SOCIAL PROCESSES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

DOI: 10.31857/S0132162524060141

---

*Olga B. ISTOMINA, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Department of Socio-Economic Disciplines, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia (olgaistomina@mail.ru).*

---

© 2024 г.

## ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

В апреле 2024 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) состоялась XXV Международная теоретико-методологическая конференция «Общественный договор: формы участия интеллигенции в его реализации в России». В работе юбилейной конференции приняли участие специалисты академических институтов и университетов России, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и Африки.

Пленарное заседание открыл член-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ) докладом «Интеллигенция в общественном договоре». Он подчеркнул, что общественный договор – это не документ – это состояние (явное и латентное) взаимодействия большинства народа и политической власти, а также показатель уровня устойчивости и стабильности государства, который характеризуется такими показателями, как доверие, согласие, желание сотрудничать и наличие баланса интересов. Интеллигенция является составной частью народа, активным участником общественного договора. Среди главных опасностей для сохранения общественного договора, которые сегодня видит интеллигенция, являются сомнения в обоснованности экономического курса, решение проблемы с СВО, снятие этнической напряженности в ряде регионов.

Продолжил тему общественного договора декан социологического факультета **Р.И. Анисимов** (РГГУ). События последних десятилетий показывают, что прогнозы, которые делают интеллектуалы, не оправдываются. Определенные экономические и политические процессы в обществе не прогнозировались. На сегодняшний день существует проблема понятийного аппарата при трактовке современного общества и происходящих

в нем изменений. Необходим поиск новых недихотомичных определений реальности и именно интеллигенция должна включиться в этот процесс. **Т.Г. Цыбиков** (ФАДН) подробно рассмотрел роль межнационального согласия в обеспечении стабильности и целостности России через синергию государства и общества.

Акад. НАН РК **З.К. Шаукенова** (Казахстан) в своем докладе обозначила общественный договор как идейную смысловую конструкцию, какими должны быть отношения между обществом и государством и на каких принципах они должны выстраиваться. Скрытые концепциями общественного договора взаимоотношения личности и государства, народа и власти становятся структурой самосознания, носителем которого выступает особый социальный слой, который называется интеллигенцией.

**Л.В. Калимуллин** (Росстат) отметил, что детальная информация об экономическом состоянии регионов позволяет политической власти совершенствовать налоговую, инвестиционную и таможенную политику, определять отрасли для поддержки и развития. Статистические данные помогают государству осуществлять свою прямую функцию, основанную на принципах теории общественного договора, развивать страну и общество на благо жителей России, руководствуясь интересами граждан.

Проф. **Н.А. Омуралиев** (ИФ НАН КР, Кыргызстан) рассмотрел в своем докладе специфику формирования кыргызской государственности, проблемы межэтнических конфликтов и революционные движения на территории современного Кыргызстана, обусловившие необходимость укрепления единства и усиления межэтнического согласия с помощью такой формы общественного договора, как концепция развития гражданской идентичности «Кыргыз жараны» (гражданин Кыргызской Республики).

**М.С. Цапко** (Аналитич. центр при Правительстве РФ) и **А.В. Пичурин** (РГГУ) на основе результатов первой волны онлайн-мониторинга о социально-политических установках россиян показали особую роль интеллигенции в контексте изучения качества жизни как индикатора успешности гражданского договора. Российский подход к обеспечению общественного договора реализуется через концепцию «государства для людей», клиентоцентричного государства с целью обеспечения максимального удовлетворения потребностей граждан и конвертируется в доверие власти и результаты голосования на выборах.

Традиционный участник конференции проф. **А.В. Яковенко** (ЛНУ им. В. Даля, Луганск) рассмотрел общественный договор в условиях милитарной политики. Исторически теория общественного договора тесно связана с военной составляющей общественной жизни как внутреннего (гражданская война), так и внешнего характера (интервенция или же ведение войны за границами государственных формирований – уже сложившихся и/или лишь формирующихся). От того, насколько военно-техническая интеллигенция будет включена в обсуждение сложившейся ситуации, будет зависеть успешность общественного договора.

Работа конференции продолжилась на двух секционных заседаниях «Страницы истории: участие интеллигенции в общественном договоре» и «Социальные группы интеллигенции: особенности участия в реализации общественного договора».

Доклады секции «Страницы истории: участие интеллигенции в общественном договоре» охватывали различные аспекты теоретических и прикладных проблем по обозначенной тематике с учетом многочисленных социально-исторических фактов (защиты и обеспечения прав, экологии, социологического образования, цифровизации, популяризации науки и пр.). Особое внимание обращалось на реальное состояние, тенденции и перспективы современного общественного договора в России. Работа секции представляла собой теоретико-методологическую площадку, обеспечившую участникам возможность апробировать результаты их научных изысканий, обсудить и получить ответы на актуальные и злободневные вопросы, став плацдармом для дальнейших научных поисков в изучаемой ими проблематике (**Н.Н. Мещерякова**, **Г.А. Цветкова**, **М.Ю. Милованова**, **С.А. Батищев** и др.).

В работе второй секции «Социальные группы интеллигенции: особенности участия в реализации общественного договора» были поставлены вопросы о роли теоретической

социологии в осмыслении проблематики общественного договора в современном российском обществе; в ряде докладов были представлены характеристики различных групп интеллигенции – гуманитарной части научной служилой интеллигенции, цифровой интеллигенции в контексте общественного договора; кроме того, были рассмотрены различные аспекты реализации общественного договора в сфере культуры (медиапотребление, музыка и кино, туризм). В докладах преподавателей РГГУ (**И.О. Шевченко, М.Б. Буланова, М.С. Короткова, Н.И. Белова, Е.А. Колосова, Г.К. Уразалиева**) были охарактеризованы особенности реализации общественного договора в таких сферах социума, как сельское хозяйство, воспитание и образование, здравоохранение.

По итогам конференции опубликован сборник «Общественный договор (ОД): формы участия интеллигенции в его реализации в России» (М., РГГУ. 2024. 342 с.). Сборник содержит результаты эмпирического исследования, позволяющего выявить особенности социально-политических установок россиян применительно к важным аспектам актуального общественного договора, а также анализу участия различных социальных групп интеллигенции в реализации общественного договора.

Е.А. КОЛОСОВА

---

*КОЛОСОВА Елена Андреевна, к. социол. н., доц., Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (the\_shmiga@mail.ru).*

---

## INTELLIGENTSIA AND THE SOCIAL CONTRACT

DOI: 10.31857/S0132162524060158

---

*Elena A. KOLOSOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (the\_shmiga@mail.ru).*

---

© 2024 г.

## III ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

26 апреля 2024 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция «Герценовские чтения». Мероприятие по традиции прошло в Институте истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А.И. Герцена. В этом году внимание организаторов и участников было сосредоточено на вопросах развития социологического и демографического образования в России и ближнем зарубежье, рассматривались вызовы и возможности реформирования образовательных программ, научная и внеучебная деятельность студентов как составляющие их профессионального становления и мотивации к исследовательской работе.

Конференция открылась приветственным словом проф. **А.В. Воронцова** (РГПУ им. А.И. Герцена), отметившем важную роль социологии в жизни общества и подчеркнувшем необходимость ее включения в перечень обязательных предметов на фоне сокращения числа кафедр в стране и недопущения потери интереса к этому важному предмету. Проф. **А.О. Бороноев** (СПбГУ) подчеркнул, что социология необходима для понимания структуры науки и жизни в целом, призвал повышать престиж социологии, стимулировать научные публикации и возрождать социологические чтения. Первый проректор РУДН



**Ю.Н. Эбзеева** обозначила пути укрепления и расширения социологического образования в стране.

Одна из секций конференции была посвящена проблемам социологического и демографического образования. Проф. **И.В. Образцов** (МГЛУ) затронул проблемы реформирования отечественного социологического образования, рассказал о связанных с ними вызовах и рисках. В частности, была рассмотрена реформа социологического образования, ожидаемая с сентября 2025 г., основная проблема которой – отсутствие социологии в качестве самостоятельной укрупненной группы специальностей в разделе наук об обществе, и опасность включения ее в политическую УГСН, а остальных направлений подготовки – в сферу обслуживания. Проф. **Т.К. Ростовская** (ИДИ ФНИСЦ РАН) остановилась на проблемах демографического образования в составе укрупненных групп специальностей и направлений подготовки. Она отметила значимость развития профессионального образования демографов, а также необходимость решений формально-нормативных проблем. В настоящее время обучение на уровне вузов в этой области не ведется, однако интенсивная работа в этом направлении уже проводится.

Большое внимание на конференции уделялось методологическим вопросам социологии и изучению общественного мнения. Проф. **Н.Л. Захаров** (РГПУ им. А.И. Герцена) проанализировал значение теории социальных регуляторов, отметил сильное влияние общественного мнения на ответы респондентов, возрастающее влияние социальных сетей и связанную с этим необходимость разработки инструментария для их оценки и формирования непредвзятого мнения. Проф. **П.И. Смирнов** (РГПУ им. А.И. Герцена) представил свой взгляд на проблемы сближения методологии социологии с методологией естественных наук, подчеркнув важность построения «большой» социологической теории и создания строгих теорий в обществоведении, аналогичных естественнонаучным. Понятия «дискурс» и «социальный дискурс» рассмотрела в своем докладе **Н.А. Мартынова** (РГПУ им. А.И. Герцена).

Часть докладов конференции была посвящена практическим аспектам социологии как науки и ее прикладному значению. Так, **Н.А. Наточий** (РГПУ им. А.И. Герцена) анализировал вопросы эффективного управления рабочими процессами для создания конкурентоспособных продуктов на примере гибкой методологии Agile и ее использование для трудовой мотивации. Он рассмотрел факторы, влияющие на трудовую мотивацию, такие как автономность, вариативность, значимость, обратную связь и компетентность, способы мотивации сотрудников и наиболее эффективные модели организации коллективной работы. **М.В. Шутова** (СПбГЭТУ «ЛЭТИ») проанализировала профессиональные ценности как фактор формирования репутации, отметив, что в современном обществе представление о репутации более сложное и объективизированное, включающее такие критерии, как онлайн-отзывы, оценки, комментарии и другие формы обратной связи, «двойная» репутация, авторитет, сила влияния, статус, ценности.

Важные аспекты соблюдения прав инвалидов в госуправлении РФ рассмотрела **Я.С. Рочева** (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»). Она предложила разграничить понятия «социологический мониторинг» и «социальный мониторинг». По мнению автора, именно социологический мониторинг выступает значимым компонентом государственного мониторинга соблюдения прав инвалидов в сфере государственного управления. Были отмечены и проблемные моменты, в частности, отсутствие социологических исследований и четкой структуры мониторинга соблюдения прав инвалидов с упором на правовой, статистический, социологический элементы.

На примере Республики Казахстан **С.Б. Курманова** (КАТИУ им. С. Сейфуллина, Казахстан) описала динамику ценностных ориентаций молодежи в сфере образования, отличия системы образования в стране, способы повышения и стимуляции интереса к социологии среди молодежи (увеличение финансирования, системы грантов).

В ходе Чтений участники также смогли принять участие в круглом столе и послушать выступления представителей журналов «Вестник СПбГУ. Социологические исследования» и «Социологические исследования».

М.А. СУХАНОВА

СУХАНОВА Марья Андреевна, асп. Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия (marya.sukhanova@mail.ru).

### III HERZEN READINGS

DOI: 10.31857/S0132162524060165

Marya A. SUKHANOVA, Postgraduate Student of the Herzen University, St. Petersburg, Russia (marya.sukhanova@mail.ru).

© 2024 г.

## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ РГСУ О ПРОБЛЕМАХ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

На ежегодных социологических чтениях, проводимых Российским государственным социальным университетом (РГСУ) 24 апреля 2024 г., обсуждались проблемы российской семьи.

Открыла Чтения проф. **Д.К. Танатова** (РГСУ), подчеркнув, что 2024 г. объявлен Годом семьи, и главной задачей собравшихся является обсуждение традиционных семейных ценностей, проблем семьи, материнства, отцовства и детства. События последних лет в мире актуализировали необходимость исследований современного института семьи. С приветственными словами выступили: первый проректор РГСУ **Д.Ф. Алиев**, проф. **В.А. Мансуров** (РОС, ИС ФНИСЦ РАН), проф. РАН **А.Л. Маршак** (ИС ФНИСЦ РАН).

Научная часть Пленарного заседания началась выступлением проф. **Г.Г. Силласте** (Финансовый ун-т), которая рассмотрела вопросы формирования мирового гендерного порядка в качестве конфликтного фактора социальной и духовной безопасности института семьи, а также обозначила задачи, которые должна решать социология, в частности критически анализировать прошлое и прогнозировать будущее. Институт семьи трансформировался в ходе нескольких смен норм гендерного порядка, и в настоящее время западными странами предпринимается шестая попытка переключить социогендерный ландшафт за счет войны с Россией. В ходе СВО резко увеличивается число мужчин-инвалидов, которым требуется работа с особыми условиями, растет число вдов и сирот. Эти и другие проблемы предстоит решать не только государству, но и научному сообществу.

Проблемы семей, воспитывающих ребенка с инвалидностью в арктическом городе, отразила в своем докладе **Ю.А. Афонькина** (МАУ). В ходе полуформализованных интервью с женщинами, воспитывающих детей с ментальной инвалидностью в возрасте от 4 до 13 лет, удалось выявить характеристики и факторы, препятствующие семье адаптироваться в арктическом городе. В совместном докладе проф. **Г.И. Осадчей** и проф. **Т.Н. Юдиной** (обе – ИДИ ФНИСЦ РАН) были представлены результаты опросов, проведенных в 2022–2023 гг. среди кыргызстанцев – трудовых мигрантов, вернувшихся из России. Наряду с оценкой социально-экономического положения мигрантов, был проведен сравнительный анализ семейных ценностей россиян и кыргызстанцев. На основе

исследований в городах Таджикистана проф. **А.Ш. Шоисматуллоев** (НАНТ, Душанбе) показал состояние и проблемы и особенностей таджикских семей, одной из которых является многоженство.

Проф. **Н.А. Барышная** (РГСУ) представила результаты четырехлетнего исследования в Кабардино-Балкарии на тему семьи как элемента воспроизводства территориальной идентичности. Выбор данного региона обусловлен активной социальной, образовательной политикой, направленной на сохранение и редуцирование традиционной культуры, языка и межэтническую взаимодействия. Полученные данные показали, что семья является основным видом социального капитала региона, а территориальная идентичность базируется на темпоральных и межпоколенных связях.

В докладе **И.А. Грошевой** (Ин-т деловой карьеры) были представлены результаты анкетного опроса тюменцев ( $N = 925$ ), показавшие низкую востребованность института семьи, сопряженную с отсутствием объективно и визуально определяемого благополучия и материального достатка в представлениях респондентов. Для мужчин социальная роль родителя определяется статусными, а не процессными маркерами: наличие детей, авторитет личности отца. Достижение взаимопонимания с ребенком и удовлетворенность от пребывания в статусе родителя в большей степени характерны для женщин. Тенденция сокращения доли родительства в субъективном статусном представлении в значительной мере сопряжена с увеличением внимания к профессиональной реализации.

Проф. **Н.Г. Хайруллина** (ТИУ) обозначила проблемы, возникающие при уходе за престарелыми родителями. Опросы тюменцев показали ухудшающееся отношение к пожилым людям, особенно к тем, которые не могут себя обслуживать и становятся обузой детям и внукам. **К.А. Галкин** (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН) представил результаты исследований среди петербуржцев пожилого возраста. **О.А. Немова** (НГПУ им. К. Минина) обратила внимание на значимость опыта старших поколений в обеспечении преемственности базовых ценностей, передачи накопленного опыта подрастающему поколению. Проф. **О.Г. Прохорова** (МГППУ) осветила опыт межпоколенческого взаимодействия на примере московских семей.

В ходе Чтений участники смогли познакомиться с результатами исследований и молодых ученых, занимающихся семейной проблематикой. Так, **О.Е. Образцова** (МГЛУ) представила интересный доклад по итогам опроса столичной молодежи ( $N = 623$ ), в ходе которого выявлены отношение к браку, сожительству, разводам и личные брачные установки.

Д.К. ТАНАТОВА, Н.Г. ХАЙРУЛЛИНА

---

*ТАНАТОВА Дина Кабдуллиновна, д. социол. н., проф., зав. кафедрой социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета, Москва, Россия (dktanatova@mail.ru); ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна, д. социол. н., проф. Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия (nutsafa@inbox.ru).*

---

## SOCIOLOGICAL READINGS IN THE RSSU ON THE PROBLEMS IN RUSSIA FAMILY

DOI: 10.31857/S0132162524060176

---

*Dina K. TANATOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow, Russia (dktanatova@mail.ru); Nursafa G. KHAIRULLINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia (nursafa@inbox.ru).*

---

# Размышления над новой книгой

© 2024 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

## НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

---

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

---

**Аннотация.** В статье анализируется процесс возникновения, формирования и функционирования региональной полевой социологии, рожденной в современной России в результате появившихся новых экономических, политических и социальных потребностей. На основе рассмотрения коллективной книги (2022), посвященной деятельности организаций этой отрасли социологии, показывается, как из разрозненных, не всегда адекватных в научном отношении, стихийно возникающих единиц сформировались значительные и влиятельные научно-прикладные образования, которые постепенно обрели обоснованную методологическую и методическую базу, позволившую им удовлетворять запросы общественно-политических и коммерческих структур по решению перспективных, но в основном текущих, краткосрочных проблем. В рецензируемой книге выделены и подвергнуты анализу такие ключевые компоненты исследовательской и одновременно ярко выраженной прикладной деятельности этих организаций, как соотношение качества и количества, характеристика клиентов (заказчиков) и сложность взаимоотношений с ними. Важны и размышления авторов книги о респондентах: какие проблемы и вопросы возникают в процессе контактов с ними в самых разнообразных ситуациях, как находились способы общения и привлечения людей к работе по получению необходимой информации. Привлекает внимание раздел, в котором описывается внутренний мир людей, решивших работать в этих социологических службах: формы их комплектования, способы обучения, пути взросления и обретения профессиональной зрелости. Не обойдены и проблемные ситуации: приобретение навыков общения с людьми, видение того, как некоторые результаты их работы реализуются в практике управления. Не забыт и такой болезненный вопрос, как профессиональное выгорание. Украшает этот труд присутствие иронии и казусов в процессе изложения самых разнообразных ситуаций в жизни социологов, в том числе применение такого приема, как «бусинки», когда излагаются самые различные ситуации, которые, по мнению редактора-составителя А.Л. Романовича, подходят под рубрику «Нарочно не придумаешь».

**Ключевые слова:** социология • региональная полевая социология • качество и количество в социологии • респонденты • клиенты • кадры социологии

DOI: 10.31857/S0132162524060182

После прочтения рецензируемой книги<sup>1</sup> можно с полной уверенностью утверждать, что в отечественной социологии сформировалась новая страница, которую ее создатели именуют по-разному: «полевая», «региональная», эпизодическая и даже «экстремальная» (как пишет один из авторов этой книги). Я тоже затрудняюсь дать определение, хотя очевидно, что мы имеем дело со специфическим и в то же время важным явлением в жизни современной российской социологии. Наглядным выражением этого процесса стало появление уникального произведения, вышедшего под редакцией известного воронежского (и не только воронежского) социолога А.Л. Романовича. Ознакомление с книгой позволяет сделать вывод, что история российской социологии обогатилась – и по существу и по форме – еще одним значительным и поучительным трудом, который по неведомым причинам остался малозамеченным и даже проигнорированным в конкурсе ВЦИОМ по одной из номинаций 2023 г.

Могу утверждать, что в этой книге изложена глубинная суть работы ныне практикующих, в основном в регионах, социологов, в деятельности которых самым причудливым образом переплелись и методологические, и методические, и организационные поиски истины во всем их многообразии – от научных и прикладных до эпизодических и маркетинговых исследований. Не только по-моему, но и по мнению самих участников этих исследований, – это качественно новая страница в отечественной социологии.

**Предыстория.** Прежде чем давать оценку книге или ее отдельным сюжетам, напомним о возникновении этого явления у нас в стране. В конце 1950-х гг., когда началось второе рождение социологии (или возрождение, как считают другие коллеги), наряду с теоретическим осмыслением объекта и предмета социологии появились первые ростки эмпирических исследований. Мои поиски привели к тому, что первые опыты их проведения в эти годы связаны с именами М.Н. Руткевича и Л.Н. Когана, хотя по сегодняшним меркам они были довольно примитивны (см.: [Коган, 1959]). Уже потом были исследования социальной структуры рабочего класса, осуществленные под руководством Г.В. Осипова [Рабочий класс..., 1965], а затем рабочей молодежи в группе, возглавляемой В.А. Ядовым и А.Г. Здравомысловым [Человек и его работа..., 1967]. Одновременно осуществлялись попытки проведения эмпирических опросов энтузиастами, увидевшими в социологии принципиально новые возможности изучения общества во всех его ипостасях. Я не буду пересказывать их содержание и многолетнее осмысление самых различных сторон советской действительности (об этом подробнее см.: [Горшков, Тощенко, 2018; Вехи российской..., 2010]). Подчеркну только одну важную сторону, касающуюся организационной и финансовой стороны проведения этих исследований: все они в эти годы были частью официальной программы работы научных учреждений, финансировались ими и контролировались.

Отмечу, что эти исследования в большинстве случаев искренне поддерживались самими опрашиваемыми при активном содействии общественных – партийных и комсомольских – организаций. Уже первые результаты работы социологов, особенно после инициативы ленинградского производственного объединения «Светлана», показали эффект применения и использования результатов этих исследований, что постепенно привело к тому, что наиболее творчески мыслящие хозяйственные руководители увидели в использовании данных социологов способ повышения эффективности производства и производительности труда. В результате появился новый источник финансирования этих исследований, возможность создавать научные коллективы и проводить самостоятельное изучение проблем, которые волновали руководителей этих организаций. Иначе говоря, возникла достаточно обширная сеть хозрасчетных единиц (лабораторий, групп), которые выполняли широкий круг обследований, чему в немалой степени способствовал возникший институт заводских социологов (подробнее см.: [Кравченко, Шербина, 1998]).

<sup>1</sup> А вы точно – социологи? Нетолерантные истории о становлении социологии в регионах России / Ред.-составитель А.Л. Романович; Ассоциация исследовательских компаний «Группа 7/89». М.: Перо, 2022. 332 с. Далее по тексту ссылки на страницы рецензируемой книги приводятся в круглых скобках.

Приведу и личный пример. В конце 1960-х гг. я организовал социологическую лабораторию в Красноярском (ныне Сибирском федеральном) университете, которая через несколько лет насчитывала почти 50 сотрудников, содержащихся за счет долговременных хозрасчетных договоров с предприятиями края, среди которых наиболее крупными были Красноярский алюминиевый завод, Главкрасноярскстрой, Сибтяжмаш, сельскохозяйственные организации, а несколько позже и официальные учреждения советской власти – Красноярский горсовет, краевое правительство. Отмечу, что наши исследования в поле носили характер опроса работников и/или интервью со специалистами во время их рабочего дня при содействии руководителей на производстве. Эти количественные опросы при соответствующей выборке дополнялись анализом статистических данных, изучением документов и неким прообразом будущих фокус-групп – собеседованием с группой рабочих или инженерно-технических работников. К слову: мы практиковали потом собрания по цехам, на которых озвучивали полученные данные и наши рекомендации, что позволяло уточнить, дополнить и даже корректировать наши выводы. Особенность этих исследований – они походили в той или иной степени на прежние академические исследования с хорошим запасом времени для обработки и анализа (тем более что инструментальная база была достаточно примитивна – от перфокарт до работы на ЭВМ-520). И такая практика продолжалась довольно долго, хотя она совершенствовалась, обогащалась и уточнялась, в том числе и потому, что в социологию приходили люди из самых различных профессий.

1980-е гг., годы перестройки, ознаменовали приход новых времен и требований. В обществе происходили неоднозначные изменения. Возникла острая потребность (и она только увеличивалась) в оперативной, неотложной информации, к тому же имеющей отношение не столько ко всему обществу, а к конкретному процессу или событию, к определенной территории. Сначала эти новые потребности стали испытывать общественные и политические организации и лица, что особенно проявилось во время избирательных кампаний, в которых свобода выбора была проявлена во всех ее противоречиях. Затем потребность в такой информации стали испытывать и хозяйственные единицы, хотя это уже относится к 1990-м гг.

В этой изменившейся ситуации оказалось, что работать прежними методами и академическим стилем стало невозможным, но потребность надо было удовлетворить. В результате появились десятки и даже сотни инициативных групп, которые объявляли себя социологами, считая, что анкету по любому поводу сочинить не трудно – лишь бы она удовлетворяла заказчика и давала возможность «срубить бабло». Эта стихия была столь велика, что разобраться в ней на первых порах было невозможно, многие такие группы неведомо как возникали, а потом внезапно исчезали. Правда, одновременно начали формироваться и такие группы, которые, начав с примитивного решения прикладных задач, желали овладеть научными основами методологии и методики эмпирических исследований.

Поэтому рассматриваемый мной труд является плодом во многом стихийного отбора лиц и групп, сумевших овладеть требованиями новой для них науки, применить их и суметь принципиально по-новому организовать.

**Основные положения.** Остановлюсь на достойных внимания характеристиках этой книги. Причем подчеркну, что об этой работе должны знать в первую очередь те, кто решил стать социологом, так как она позволяет видеть всю сложную сущность этой профессии в так называемых полевых условиях.

**Начну с качества.** Оно трактуется в книге в двух смыслах. Во-первых, как качество всей проводимой работы, которое, по мнению Н. Романович, включает в себя всю совокупность вопросов, начиная от уточнения проблемы, осмысления цели и задач исследования, подготовки инструментария, организации и проведения опроса и завершая анализом и выработкой рекомендаций (с. 63). Во-вторых, качество рассматривается в плоскости различий качественных и количественных исследований. Привлекает образное утверждение редактора книги: «количественное исследование – это когда от каждого из многих

людей мы получаем понемногу информации, а качественные – это когда от каждого из немногих мы поучаем всю информацию, которую возможно получить» (с. 103). Возможно это сравнение продиктовано тем, что для получения информации часто используются фокус-группа или индивидуальные интервью, но авторы не ограничиваются этим общим утверждением. В. Токарев (Волгоград) аргументирует классификацию фокус-групп, которые он различает по тематике, по требованиям к рекрутингу, по организации, по методике, по критериям отбора (с. 106). Кстати, он же подчеркивает важность качественных методов и для совершенствования количественных исследований: если первые дают понять, *каковы* возможные варианты, то вторые – узнать, *насколько часто* встречается каждый из выявленных вариантов (с. 126). При этом идет углубление представлений о том, каковы должны быть критерии отбора в фокус-группы (с. 107).

**Об источниках информации.** Вполне естественно, что в книге описывается ситуация с респондентами, которых называют еще информантами, ответчиками, реципиентами или интервьюируемыми. И это исключительно важная сторона, ведь они – источник информации и без них наша работа во многом потеряла бы смысл, особенно когда мы включены в решение насущных – как перспективных, так и текущих задач. Как справедливо утверждают авторы, «без них не было бы нас» (с. 229).

Стоит особо отметить, что представители полевой региональной социологии первыми поняли разницу между опрашиваемыми в советское и постсоветское время. И недаром один из них вопрошал: «Где теперь те заводы? Бригады? В конце концов токари, фрезеровщики, сборщики?» и показывал наглядно и убедительно, что основным субъектом, дающим информацию, стал человек по месту жительства с соответствующими заданными характеристиками. Поэтому появились принципиально новые правила работы. Кстати, отмечают, что произошло существенное изменение во взаимоотношениях людей и полевикув: от практически всегда доброжелательного в советское время к нередко проявляемому настороженному, отрицательному и/или уклончивому поведению к проводимым опросам в последующий период.

В книге красочно описываются различные варианты общения с информантами, включая даже влияние природно-климатических условий, непредвиденные ситуации по выполнению задания и поиску необходимой личности согласно выборке. Правда, авторы больше пишут о непредвиденных и даже казусных ситуациях и как они выходили из них. И это не просто случаи из жизни, а выполнение служебного поручения. Сложно учесть специфику в процессе общения с интервьюируемым да еще с учетом окружающей среды. Это умение авторы постоянно демонстрируют на примерах: будь то обострение отношений со средой (например, в отношении правоохранительных органов – с полицией) или просто с «бдительными» гражданами и просто конфликтными личностями (О. Крылова, с. 113).

Особо обращается внимание на то, каким языком социолог разговаривает с респондентом. Чего греха таить, в опросах нередко социолог употребляет понятия, которые в повседневном разговоре мало или совсем не используются. Например, просить объяснить в фокус-группе слово «экстремизм» или спрашивать у молодых людей о падении Берлинской стены, что для них является давно ушедшей и плохо знакомой историей. Вот почему отбор, шлифовка и уточнение того, какие понятия и/или термины употреблять или само несовершенство формулировок вопросов, полемично рассматриваются на страницах книги (см., напр., комментарии Д. Шмидт, с. 110–113).

**Раздел о клиентах** повествует о тех, кто заказывает «музыку». Этот аспект в академической литературе практически не рассматривался в комплексном изложении. Обычно в социологических публикациях, начиная от монографий и завершая статьями в научных журналах и периодической печати, о них ничего не пишется. В лучшем случае, заказчик упоминается, но в виде некоего абстрактного представителя, заинтересованного субъекта в получении информации. В книге дается характеристика нескольких типов заказчиков, начиная от организаций международного уровня до региональных, особенно

маркетинговых служб, заинтересованных нередко в специфических данных по конкретным товарам или услугам.

Перед нами предстают многие лики этих клиентов (заказчиков). Так, дается описание деятельности, которую выполняла социологическая служба МГУ по заказу таких международных организаций, как Университет Дьюка, Колумбийский университет и ряд других. Как замечает В. Токарев (Волгоград), это был одновременно и процесс роста компетенций тех, кто выполнял задание (с. 65–70), когда участники проходили обучение, начиная от использования программы и ознакомления с анкетой и завершая инструкциями, маршрутными листами и правилами ввода данных. То есть это поле включения в сугубо научные исследования, опирающиеся на представительные данные по изучаемому процессу.

Наряду с ними – и это описывается в книге – происходило и взаимодействие со стольными, в том числе и академическими и университетскими исследовательскими центрами. Также дается характеристика особых представителей заказчиков – органов власти (от федеральных до местных, от политических партий и организаций до специфических заказов от бизнес-структур). И они не просто называются, описываются особенности их заданий, их реакция на полученные результаты, преодоление их претензий и амбиций и попыток диктовать условия, вмешательство в процесс исследования и даже желание навязать свое видение проблемы еще до проведения исследования (А. Романович, с. 141; А. Коннов, с. 149).

Авторы не обошли вниманием и таких клиентов, которые заказывали темы с проблемными и даже авантурными целями в расчете на специфические задачи, а также такие ситуации, когда заказчики нередко так же исчезали, как и появлялись на общественном или бизнес-пространстве.

Особую категорию составляют такие клиенты, как СМИ – радио, телевидение, газеты. Как показывает практика, они нередко подвержены конъюнктуре, желанию использовать данные социологов для рекламных целей или в борьбе за слушателя/читателя/зрителя. Кстати, это давний спор социологов и журналистов. Как с этими заказчиками или потребителями информации надо взаимодействовать, наглядно показано в книге, даже при весьма пикантных обстоятельствах. В этой связи хочу обратить внимание на мнение А. Романовича (с. 151) о сборе информации по оценке слушателей передачи «Внимание! Секс» радиостанции Би-Би-Си и о том, как решалась эта задача.

Не обошлось без рассказа о заказчиках, о которых говорится как о «группах влияния», которые применяют различные методы участия в избирательных кампаниях – от «далеко предвыборных исследований» с целью выявить потенциал тех или иных кандидатов и сделать ставку на более предпочтительных, до прямого подкупа и подготовки выдуманных, произвольных данных (с. 170–172).

Все эти случаи в полевой практике важны, потому что описывают, как социологи выходили из проблемных ситуаций, как применяли не столь известные методики, и буквально изобретали новые подходы и приемы, чтобы не погрешить против истины и в то же время выполнить свой профессиональный долг.

**Призвание – социолог?** Интересен ответ на вопрос, который поставлен в названии книги. А кто эти люди, которые называют себя социологами? Даже беглый анализ рассказов о том, как они стали заниматься социологическими и маркетинговыми исследованиями, показывает, что в эту сферу деятельности они пришли из самых разных наук и профессий – из инженеров, из экономистов, педагогов, физиков, экологов. Впрочем, процесс включения в социологию практически не отличается и от советских времен. Когда я стал вице-президентом Советской социологической ассоциации в 1983 г., был проведен анализ 15 тысяч ее членов. Оказалось, что в социологию пришли люди почти из всех имеющихся в стране профессий – от астрофизика до воспитателя детского сада. Конечно, в настоящее время эти ряды пополняются молодым поколением, в том числе социологами и маркетологами, закончившими соответствующие учебные заведения. Важно



другое – что их объединяет, что привлекает, что укрепляет веру в важность и необходимость этого вида занятости.

Постараюсь перечислить то, о чем пишут авторы книги. Во-первых, может, это самое главное и исходное качество, это понимание, что социология, как справедливо отметила литературный редактор книги Е. Куриленок, – «четко человеко-ориентированная наука» (с. 15). Конечно, сведения и информацию можно получать и в библиотеке, и в архиве, и дома, читая книги, журналы, газеты. Но это опосредованное, часто «причесанное» знание, которое никак и ни при каких обстоятельствах не может заменить непосредственное общение с источником информации.

Во-вторых, с этой характеристикой или базовой чертой социологии, ее качеством связана убежденность, что эти исследования важны для науки, что этими опросами обогащается представление об обществе, в котором мы живем, что они позволяют открыть новые грани общественного, группового и индивидуального сознания. Именно из этого знания выросли многие социологические концепции как за рубежом, так и в нашей стране. Ведь немногие знают о том, что теоретические и методологические идеи Т. Парсонса или Н.И. Лапина выросли, исходя из их многолетнего практического участия в решении прикладных производственных задач. Могу сказать и на личном опыте, что мои идеи о парадоксальном человеке, о кентавр-проблеме, о фантомах, о прекарariate основаны на данных социологических исследований, когда остро вставал вопрос: как объяснить те или иные противоречия, которые никак не могли быть решены посредством формально логического анализа, на основе линейного рассмотрения тенденций развития и изменения тех или иных процессов и явлений. И то, что здесь прослеживается четкая взаимосвязь, что занятия эмпирикой позволяют выходить на научные высоты, говорит тот факт, что именно из этой среды выросли такие известные российские социологи, как Г. Градосельская, В. Звоновский, инициатор этой книги А. Романович и многие другие, в том числе участники этой книги.

В-третьих, для жизни в науке социология важны личностно-профессиональные качества: умение разговаривать с людьми, находчивость, настойчивость. Прочитайте любой рассказ или заметку и вы увидите огромный спектр самых различных жизненных ситуаций, которые заранее не придумаешь – их рождает сама жизнь, непосредственное общение с интервьюируемым (например, рассказ о такой интересной реализованной задумке, как «бусинки» – краткое изложение одного из казусов в жизни полевого работника – они в большом количестве «рассыпаны» на многих страницах книги). И особенно важно, как говорит О. Кузьмина (Ставрополь), что «каждый выезд с опросом лично для меня – праздник», ради которого «я стараюсь надеть самый красивый наряд, самую красивую обувь» (с. 138), или описание примерно такой же ситуации у И. Муратовой (Красноярск) (с. 140). Эту влюбленность, приверженность профессии социологи демонстрируют по-разному, но суть остается такой же – занятие этой работой приносит радость, удовлетворение от сделанного, желание общаться с людьми ради их пользы. Правда, авторы не обошли и проблему профессионального «выгорания», когда было не всегда понятно, как ее решать.

В-четвертых, не менее важна глубокая убежденность, что эти исследования реально влияют на практику, помогают ее совершенствовать, потому что большинство опросов имели практико-ориентированные установки, становились основанием для принятия управленческих и маркетинговых исследований. В этом отношении показателен рассказ Н. Романович об изучении отношения крестьян к аренде, которую внедряли сверху, не разъяснив участникам ее суть, что естественно привело к краху инициативы (с. 24–29).

В-пятых, не меньшее значение имеет и умение выносить тяготы полевой работы (а они регулярно встречаются и это убедительно показано в книге). Поэтому я бы с определенной степенью поправки сравнил бы эту работу с полевой работой геологов, которые имеют дело с природой. В то же время практически в такой же ситуации в высокой степени неопределенности находятся и социологи, но в общении с гораздо более

сложным объектом исследования – с человеком с его нередко трудно и даже совсем не предсказуемым поведением.

В книге есть и другие примечательные страницы, которые посвящены сотрудникам, проблемам их становления как профессионалов, конфликтным случаям и специфике взаимоотношений, взаимной ответственности за качество выполняемой работы.

**Заключение.** Все изложенное позволяет мне утверждать, что с этой книгой необходимо познакомиться всем, кто решил общаться с «полем». Это важно знать студентам – будущим социологам и маркетологам, особенно при усвоении курса «Методы социологических исследований», что дополнит, оживит и украсит формально логический текст «кровью и плотью» впечатлений тех, кто имеет опыт применения этих методов в повседневной работе.

Завершить свои рассуждения хочу тем, что данная «региональная полевая социология» – свершившийся факт, что без этой отрасли социального знания уже невозможно представить дальнейшее развитие нашей науки и ее признание в качестве созидющего участника новых общественных отношений. А то, что эта отрасль социологии крепнет, говорит и убежденность, что «мы готовим товар только высшего качества» (с. 327) и факт ее организационного оформления – они на заре своего становления объединились в Ассоциацию «Группа 7/89», которая в июне 2024 г. провела в Перми свой очередной XXX съезд.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А вы точно – социологи? Нетолерантные истории о становлении социологии в регионах России / Ред.-составитель А.Л. Романович; Ассоциация исследовательских компаний «Группа 7/89». М.: Перо, 2022. 332 с.
- Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010.
- Горшков М.К., Тощенко Ж.Т. Основные вехи в развитии отечественной социологии (конец 1950-х – 2010-е гг.) // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 3–16.
- Коган Л.Н. Опыт социологического исследования на промышленном предприятии // Вопросы философии. 1959. № 8. С. 92–97.
- Кравченко А., Щербина В. Социология труда и производства // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998. С. 211–139.
- Рабочий класс и технический прогресс: Исследование изменений в социальной структуре рабочего класса. М.: Наука, 1965.
- Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В. Ядова и др. М.: Мысль, 1967.

## A NEW PAGE IN THE HISTORY OF RUSSIAN SOCIOLOGY

TOSHCHENKO Zh.T.

*Russian State University for the Humanities. Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

*Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Prof., Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhanotosch@mail.ru).*

**Abstract.** The paper offers an analysis of emergence, shaping and functioning of so-called regional field sociology born in contemporary Russia as a result of new economic, political and social requirements. Based on a collective efforts aimed at the activities of organizations in this branch of sociology, it is shown how from disparate, not always scientifically adequate, spontaneously emerging units, significant and influential scholarly and applied formations were built up, which gradually acquired a well-founded methodological and methodological basis that allowed them to satisfy requests from socio-political and commercial structures to solve both promising, but mostly current, short-term problems. It is noted that the book under review highlights and analyzes such key components of the research and at the same time clearly expressed applied activities of these organizations, such as the ratio of quality and quantity, the characteristics of clients (customers) and the complexity of relationships with them. Also important are the thoughts of the authors of this book about the respondents, about what problems and questions arise in the process of contacting them in a wide variety of situations, how they found ways to communicate and involve people in the work of obtaining necessary information. The section that describes the inner world of people who decide to work in these sociological services also attracts attention: the forms of their recruitment, methods of training, ways of maturing and gaining professional maturity. Problematic situations such as acquiring communication skills with people and seeing how some of the results of their work are implemented in management practices are not ignored. Such a painful issue as professional burnout has not been forgotten. This work is also decorated with the presence of irony and incidents in the process of presenting a wide variety of situations in the life of sociologists, and even the use of such a technique as “beads”, where a variety of situations are presented, which, in the opinion of the editor-compiler, fit under the heading “You can’t invent it on purpose”.

**Keywords:** sociology, regional field sociology, quality and quantity in sociology, respondents, clients, sociological personnel.

## REFERENCES

- Gorshkov M.K., Toshchenko J.T. (2018) The main milestones in the development of Russian sociology (late 1950s – 2010s). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 6: 3–16. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1959) The experience of sociological research in an industrial enterprise. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 8: 92–97. (In Russ.)
- Kravchenko A., Shcherbina V. (1998) Sociology of labor and production. In: *Sociology in Russia*. Ed. by V.A. Yadov. Moscow: IS RAN: 211–139. (In Russ.)
- Romanovich A.L. (ed.) (2022) *Are you sure you're sociologists? Intolerant stories about the formation of sociology in the regions of Russia*. Association of Research companies “Group 7/89”. Moscow: Pero. (In Russ.)
- The working class and technological progress: A study of changes in the social structure of the working class*. (1965) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Toschenko J.T., Romanovsky N.V. (eds) (2010) *Milestones of Russian sociology. The 1950s-2000s*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G., Yadova V.A. (eds) (1967) *Man and his work: a sociological study*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2024. Т. 30)

- № 1.** Попов Е.А. Поиск оснований социологии страданий: между экзистенциальным и социальным опытом; Быков А.В. Когнитивная и аналитическая перспективы в новой социологии морали: основания различения и ключевые особенности; Попов Д.С., Шестакова Д.А. Человеческий капитал в изменчивом кризисном обществе: стратегия социологического анализа; Игумнов О.А. Концептуальная схема и эмпирическая проверка операционализации социального капитала организации; Дудин И.В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы; Нефедова А.И., Дьяченко Е.Л. Эффекты участия в международной мобильности для российских ученых; Козлова М.А., Симонова О.А. Мадфес О.Н. Социальные партнерства современной российской школы как инструменты формирования насыщенной образовательной среды и преодоления неравенства; Докторов Б.З. Памяти Б.М. Фирсова (1929–2024). Малоизвестный Б.М. Фирсов.
- № 2.** Котельникова З.В. Эволюция подходов к концептуализации потребления в западной социологии; Ним Е.Г. Неуловимый фэндом: проблемное поле зарубежных фан-исследований; Миронова А.А. Родственная помощь как фактор субъективного благополучия пожилых людей; Терников А.А., Шевелева Д.А. Спрос и предложение на рынке труда: поиск источников конфликта; Колодий Н.А., Иванова В.С. Сборка города в современных дискурсивных практиках; Малинкин А.Н. Социология и метафизика техники Н.А. Бердяева. К 150-летию русского мыслителя; Согомонов А.Ю. «Игры» Просвещения: о вкладе исторических штудий в социологическую теорию раннего Модерна в России; Я.И. Гилинский, Б.З. Докторов. На пороге 90-летия. Невосторженные воспоминания. Яков Гилинский отвечает на вопросы Бориса Докторов / Интервью подготовил Б.З. Докторов.

## МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2024. Т. 33)

- № 2.** Зудина А.А. «Поколение локдауна»: динамика молодежного рынка труда в условиях пандемии COVID-19; Колесник Н.В., Бояркина С.И. Рабочая нагрузка учителя в постпандемический период; Сталинов Г.А. Самоорганизация атомизированных мобильных работников: практики воспроизводства трудовой солидарности среди дальнобойщиков; Казун А.Д. «Обложиться информацией, чтобы хоть что-то понимать»: индивидуальные и социальные основания думскроллинга; Мухаметов Р.С. Почему граждане доверяют СМИ? Истоки доверия к телевидению в современной России; Луликян А.А., Жучкова С.В. Почему женщины убивают? Эмпирическая типология убийств, совершенных женщинами в России; Ходжаева Е.А. Институциональный дизайн рабочих групп расследования уголовного дела: на примере районных судов малых городов и сельской местности; Бадмацыренов Т.Б., Дамдинов А.В., Цэцэнбилэг Ц., Бадараев Д.Д. Российское образование: востребованность среди выпускников монгольских школ.
- № 3.** Лисицын П.П. Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть I: разногласье; Бляхер Л.Е., Леонтьева Э.О. Существует ли социальная группа «мигранты» в Хабаровском крае? (Очерки мифологии миграции); Парфенова О.А., Петухова И.С. Противоречивая роль государства и агентность пожилых в продлении занятости старшего поколения: реконструкция экспертных представлений; Спиридонов Д.В., Полякова И.Г. Феномен отложенного материнства и вспомогательные репродуктивные технологии: социально-экономические и демографические аспекты; Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска); Макарова Г.И. Стратегии акторов городского развития и целевой образ нестольких промышленных городов Татарстана; Лобанов М.М.; Лобанова Е.З., Звезданович М. Климатический дискурс в России: от дихотомии климатического сознания к четырем формам климатической политики.

## ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2024. Т. 27)

- № 1.** *Масловский М.В.* Интерпретации российской цивилизационной идентичности в российской социальной науке; *Ярошенко С.С.* Трудовые отношения в трансформации: векторы развития идей ИСИТО; *Чеглакова Л.М.* Роль наставничества в формировании трудовой культуры и солидарного поведения рабочих на российских промышленных предприятиях; *Плотникова Е.Б.* *Маркова Ю.С.* Мотивы и барьеры участия граждан в проектах промышленных предприятий: опыт ООО «Лукойл-Пермь» в развитии муниципальных сообществ; *Демчук Н.В., Бурнышева Т.В., Исакова Е.В., Бурнышев К.В.* Сценарии изменения региональной системы профессиональной подготовки кадров Кузбасса на период до 2050 года; *Жучкова С.В., Бойченко А.Е., Смирнов Н.М.* Сила и сладость: динамика репрезентации гегемонной маскулинности в русскоязычном рэпе; *Василенко Л.А., Молчанова О.И., Богданова Л.В.* Креативность и субъектность как феномены цифрового общества; *Зборовский Г.Е.* Типология научно-педагогических работников: социологический подход; *Косыгина К.Е., Уханова Ю.В.* Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной публичной политики; *Тулаева С.А., Немировская А.В.* «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и социологическая мобилизация в российских регионах; *Антонова Н.Л., Абрамова С.Б.* Модели восприятия тела: эмпирическая концептуализация и интерпретация.
- № 2.** *Эфендиев А.Г., Кожанов А.А.* Пути модернизации социологической идентичности: опыт теоретического поиска; *Сизова И.Л.* Стратегии поддержания занятости и профессионализма российскими работниками; *Лыткин Д.Н.* Рабочее время и творчество: опыт практического исследования; *Недосека Е.В., Ненько А.Е., Порошина С.Е.* Привязанность к месту в контексте убывающего города: анализ дискурса жителей в городском онлайн-сообществе; *Рахманова Л.Я.* «Паттерн удаленности» и потенциал руин: неопределенности и ресурсы туризма в Томской области; *Пивоваров А.М.* Формы телесного капитала: анализ социологических концептов; *Михайлова О.Р., Фомичева Е.В., Жасмин Жыргылбек Кызы.* Факторы доверия цифровым платформам оказания психологической помощи: обзор литературы; *Ткач С., Бурдина О.И., Одинокова В.А.* Факторы и предикторы обращения к психологической помощи в религиозные организации; *Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Русанова Е.И.* Осужденные женщины, пребывающие в исправительных колониях: социально-демографическая структура и проблемы социальной адаптации.

## СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2024. Т. 23)

- № 1.** *Куракин Д.* Катектические механизмы культуры. Часть 2. *Маслов Д.* Я, которое есть Мы, и Мы, которое есть Я: В защиту методологического холизма и онтологической первичности коллективной агентности. (На англ.). *Григорьева К.* Расовое профилирование как разновидность надзора и секьюритизированная практика; *Шарифпур С., Нури Х., Голами Мохаммад Реза.* Государство и класс в Иране эпохи Каджаров, 1794–1925 гг. (На англ.); *Васькин И.* Совет экспертов Исламской Республики Иран: социально-демографические и политические факторы рекрутирования (1983–2024); *Яркеев А.* Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка; *Мирошниченко М., Коростиченко Е., Ноздрачев Д.* Особенности мировоззрения врачей паллиативной помощи детям: интерпретативный феноменологический анализ; *Шевцова А., Симонова И.* Пока ребенок спит: репертуар «нематеринских» практик российских матерей; *Деминцева Е.* Социализация и выбор жизненных стратегий мигрантами «второго поколения» в России; *Соколов М., Сафонова М.* Экономисты и их фан-клубы: распределение признания в российской экономической науке.
- № 2.** *Волкова Н.А.* Градостроительная реформа: (не)правовое регулирование в российских городах; *Чернышева Л.* «Убирай или убирайся». (Само)управление, сообщество и гражданство в новых жилых комплексах в российских городах; *Бендерсон В.Д., Минаева Э.Ю.* Свои люди – сочтемся: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере; *Тыканова Е., Шевцова И., Желнина А.* Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах; *Семенов А.В.* Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России; *Джонг А.* Мультиполяризация или космополитизация? На пути к неопределенному миру. (На англ.). *Шкурко А.* Социальная рандомизация: могут ли лотереи быть общим подходом к решению общественно-значимых проблем? (На англ.); *Троцук И.* «Социетальное сообщество» Т. Парсонса в теоретико-эмпирической

трактовке Дж. Скортино; *Дмитриев Т.* Был ли Макиавелли поклонником демократии? *Михайловский А.* Вернер Зомбарт как критик техники; *Смигельски А., Соколов Б., Немировская А.* Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей; *Наумов И.* На пути к общему миру. Композиционизм Бруно Латтура как средство преодоления климатического кризиса; *Ушкин С.* Социальные медиа: фейковые новости и совещательная демократия.

### ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2024. Т. 15)

- № 1.** *Аксенова О.В.* Исследование постглобализации в России: методы и результаты; *Зубок Ю.А., Карпова А.Ю., Савельев А.О.* Практическая сетевая топология в исследовании процесса онлайн-радикализации молодежи: возможности и ограничения; *Волков А.Д., Аверьянов А.О., Рослякова Н.А., Тишков С.В.* Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне; *Сиразетдинова М.Ф.* Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств; *Киреева Е.В., Куква Е.С., Шадже А.Ю.* Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экстренный ответ; *Москвин А.С., Кушова И.А.* Социально-культурные истоки пивного нейминга в Кировской области; *Балакина Г.Ф., Анайбан З.В.* Этносоциальный портрет молодежи Тувы; *Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А., Куликова А.А.* Баланс работы и личной жизни в восприятии государственных служащих столичного мегаполиса; *Чирикова А.Е.* Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов; *Жаворонкова О.Р., Короленко Ю.Н.* Трансформации системы образования в контексте пространственного развития региона (на примере Республики Крым); *Матвеев В.В., Большаков А.Ю.* Воспроизводство неравенства в российском образовании: состояние и перспективы исследований.
- № 2.** *Аксенова О.В.* Традиция в российской современности; *Смирнов М.Ю.* Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода; *Балабейкина О.А.* Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов; *Широкалова Г.С., Дулина Н.В., Пронина Е.И.* Особенности религиозного сознания нижегородского студенчества; *Скорик А.П., Шадрин А.В.* Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества; *Ивченкова М.С., Буханский И.И.* Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриатизма в современной российской социологии; *Андреев А.Л., Андреев И.А.* Россия в современном мире: потенциал мягкой силы; *Дорофеева З.Е., Козырева П.М.* Вовлеченность современных родителей в практики, связанные с детьми; *Фатенков А.Н., Ситникова И.В.* Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования (на примере вузов Нижнего Новгорода); *Селиверстова Н.А., Сорокин О.В., Ооржак С.У.* Жизненные позиции тувинской молодежи: вариативность социокультурной субъектности; *Круглик П.А., Кобзеева А.С., Кашпур В.В.* Репрезентация традиционных повседневных практик коренного малочисленного народа Эвенков в социальной сети «ВКонтакте».

### МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

(2024)

- № 1.** *Зудина А.А.* Субъективная отдача от когнитивных навыков на российском рынке труда: на примере удовлетворенности работой; *Видясова Л.А., Григорьева И.А., Кривошапкина А.С.* Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России»; *Крупец Я.Н., Балацюк Е.С., Кравцова А.Н.* «Потому что я не могу сидеть на месте»: анализ агентности современной российской молодежи на примере крафтовых предпринимателей Санкт-Петербурга; *Логинов Д.М.* Россияне в период «коронакризиса»: как изменилась жизнь за пределами мегаполисов? *Ходжаева Е.А.* Оценка достоверности официальной статистики преступности посредством независимых виктимизационных опросов (RCVS2018, 2021): случай «удаленных» имущественных преступлений; *Скобелина Н.А.* Система долговременного ухода в представлениях и оценках студентов и получателей услуг в форме домашнего обслуживания в волгоградской области; *Колосицына М.Г., Золотарева А.* Влияние внешних шоков на нездоровое поведение: пандемия COVID-19 и потребление алкоголя; *Варшавер Е.А., Хабибуллин А.М., Самосудова А.Д., Шульц А.В.-Е.* «По отцу» или по «обоим родителям»? Вариации десцендного классификаторного правила, регулирующего членство в этнических категориях в современном Дагестане; *Ким А.В., Мальцева Д.В.* Стабильность струк-

туры онлайн-сообщества российских социологов: 2011–2018 гг.; Желизнык М.Н. Опыт использования метода неоконченных предложений в изучении образов «героя» и «антигероя» нашего времени.

- № 2.** Петрова Е.В. «Интернет там, где у меня пожар»: как молодые люди относятся к интернету и какое значение ему придают; Мирошниченко И.В., Кольба А.И., Самаркина И.В., Бориско О.А. Молодежные лидеры в Краснодарском крае: профили, стратегии успеха и ресурсный потенциал; Афанасьева Ю.А., Соколов Б.О., Широконова А.А. Изменчивость ковид-скептических установок в России: результаты анализа двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе»; Парвадов С.О. Связь субъективной религиозности с антииммигрантскими установками в Европе: анализ на основе данных Европейского социального исследования (ESS); Григорьева К.С. Расовое профилирование цыган: операция «Табор» как непреднамеренный результат политизации безнадзорности и секьюритизирующая практика; Помигуев И.А., Алексеев Д.В., Зарипов Н.А. «Не делом, а словом»: дискурс-сетевой анализ парламентских обсуждений закона о повышении пенсионного возраста в России; Анкудинов И.А. Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г.; Богомякова Е.С. Блогеры в сфере здоровья в оценках горожан: практики, коммуникация, доверие; Башева О.А., Гоманова С.О., Ермолаева Ю.В. Место волонтеров в системе реагирования на чрезвычайные ситуации: результаты анализа дискурса российских СМИ; Казун А.Д. Потребление новостей в повседневной рутине думскроллеров; Сапан И.Е., Шарипов И.Р. Серая зона социального: к вопросу о концептуализации в рамках системно-коммуникативного подхода; Вередюк О.В., Черных Е.А. Качество занятости работников в России: измерение на основе индексного подхода.
- № 3.** Бирюкова С.С., Синявская О.В., Бочавер А.А., Нагерняк М.А. Дисциплинарное и концептуальное многообразие исследований жизненных выборов; Никишина Е.Н., Иванов В.В., Маркова О.А. Поведенческая аномалия экономических решений и возможности их преодоления; Монахова Э., Городничева Ю.М., Морозова А.Н., Шестакова А.Н., Моисеева В.В., Ключарев В.А. Доверие к манипулятивной информации: от восприятия к принятию решений; Макаренцева А.О. Суждения о допустимости аборта: роль порядка вопросов в анкете и влияние других факторов; Андреевкова А.В. Жизненные выборы на разных этапах жизненного пути – автобиографии одного поколения; Даутова Т.Е., Рождественская Е.Ю. Репертуар биографических выборов ветеранов Афганской войны; Первушин Н.С. Моральные дилеммы в период пандемии COVID-19: виды, способы решения, последствия; Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Сенина Н.А. Решение семей о смене школы: контексты выбора; Романенко К.Р. «Особого выбора не было: институциональные условия и культурные нарративы образовательного выбора в моногородах; Симонова И.А., Шевцова А.В., Кривощёкова М.С. «Родила и решила...»: механика выбора предпринимательских стратегий в среде российских матерей; Вачкова С.Н., Ермолаева М.В., Истомина А.Г., Климов И.А., Салахова В.Б., Скорик А.А., Соболева Н.В., Филиппов В.Э. Пенсионный возраст как веха в жизни: опыт желаемого будущего и опыт планирования своей жизни.

Подготовил А.А. ЗОТОВ

## INTERNATIONAL SOCIOLOGY

2024

- № 2.** Дэвис С. Вводная статья. Кровавый, могильщик и новая мелкая буржуазия. Рецензии: Лоуренс Т. Николс, рецензирует: Шмидт П. Донкихотская гонка за новой наукой в Гарварде. Взлет и падение отделения социальных отношений; Бенц П. рецензирует: Кором Ф. Звезды социологии – анатомия одной дисциплинарной элиты. Рецензии на тему Социальная теория. Бордони К. рецензирует: Реквиц А., Роза Х. в переводе А. Пакиса: Поздний модерн в кризисе. Почему нам нужна теория общества. Рецензии: Фрингмант М. рецензирует: Вакан Л. Изобретение «андеркласса»: этюд о политике знания; Алясали Ш. рецензирует: Говайед Х. Беженец – как государство формирует человеческий потенциал; Кливер А. Дж.Т. рецензирует: Дельпьер А. Служить богатым? Прислуга больших состояний; Гейдаров А. рецензирует: Томпсон Б. Цифровые кочевники, живущие на краю: удаленные предприниматели с ноутбуками в gig-экономике; Абхирам А. рецензирует: Калискан К. Data-деньги: внутри крипто-валют, их общностей, рынков и блокчейнов; Лю Ан рецензирует: Ку Р. Догоняемая экономика: понять и преодолеть вызовы новых реальностей для передовых экономик; Датта А. рецензирует: Бхаттачария С. Потребительские встречи – флирт с вещами и образами; Зарицки Т. рецензирует: Санторо М. Политика мафии; Мунк Р. рецензирует: Фонтана Л. Политика признания: права туземцев и этнический конфликт в Андах; Абдельразек-Альсьефи А. рецензирует: Дхуиб Д. (редактор)

Философия при диктатуре: современные дебаты в арабо-язычной философии; *Альфред Х.* рецензирует *Гхалюн Б.* Вопрос судьбы: два века борьбы арабов за суверенитет и свободу; *У. Эдди* рецензирует: *Уолдер Э.* Гражданская война в Гуанси: культурная революция на южной периферии Китая; *Бурр Т.* рецензирует: *Родрик Б., Гринин Л., Коротаев А.* От большого взрыва до галактических цивилизаций: антология большой истории (в 3-х тт.); *Луо Чжин* рецензирует: *Цзян Ли, Духан Ван.* Новый эксперимент в пекинском районе Цзин; *Мей Тяо* рецензирует: *Чжан Лихуань.* Жить с болезнью: опыт пациентов-хроников одной китайской деревни.

- № 3.** *Олейник А., Паниотто В.* Каналы пропаганды и их относительная эффективность: кейс войны России на Украине; *Лопес-Родригес Ф., Гутьеррес Р.* Социальный обмен или наращивание образовательных преимуществ женщин? Влияние подбора партнеров по образованию на подбор партнеров по профессии для семейных пар в Испании; *Накамур М., Акиёши М.* Эффективные аспекты родительства и их межпоколенные влияния на фертильность. Тематический раздел. *Ди Марко Э.М., Доусон М.* Феминизм – устойчивая социальная проблема; *Ди Марко Э.М., Сандберг С.* Страх, бессилие, боль, злоба: рассказ об эмоциях тех, кто совершал интимные убийства женщин в Латинской Америке; *Доусон М. и др.* Идентификация феминизма с использованием статистики ООН: проверка вероятности связанных гендером/сексом мотивов и индикаторов для выработки мер предотвращения; *Вега С.М., Каргило М.* Добыча данных о феминизме в Мехико; *Абрахамс Н. и др.* Сексуальный и не-сексуальный феминизм в Южной Африке: сравнение двух исследований – 2009 и 2017 гг.

## CURRENT SOCIOLOGY

(2024)

- № 2.** *Санчес-Капдеки Ч., Берийн Х.* Креативность, трансценденция и социальные констелляции; *Хиль-Химено К., Агилюс-Ибаргуен М.* О социологической генеалогии трансценденции; *Берга Х.А.* Креативность и коллективный ренессанс: герменевтический-воображаемый подход; *Карчель Х.А., Карретеро Пасин А.Э.* От эстетического индивидуализма к растворению селф: опыт социологического подхода к религиозному символизму небоскребов Чикаго и Нью-Йорка; *Мадиган Т.* Прощай жанр: сюжет, смысл и эвдемонические пути в социальных нарративах; *Лосада Х.З.* Очерк истории китов в современной Бразилии: очерк сообщений в СМИ о смерти китообразных; *ЖинТин Жан, Чао Джа.* Трагедия не умирает: креативность, эмоции и метафора революции в контексте китайской революционной драмы.
- № 3.** *Ларег Ж.* Приговор для социальной психологии: наука о девиации и диффузия правил статистики; *Браун А.* Экологическая аномия и разрыв физических норм во время катастрофы; *Галкин К., Парфенова О.* Сетевое общество в «новые нормальные времена»: кризисная цифровизация и адаптация организаций культуры при COVID-19; *МакКэнн Х.* «Очень не уверена в будущем»: Опыт COVID-19 работника в салоне, Австралия 2020 г.; *Ан С. и др.* Пандемийные расизм и сексизм в Австралии: реакция и рефлексия азиатских женщин; *Пен И.* Сотрудничество в расширенной семье в уходе за детьми во время коронавирусной пандемии; *Роттман А., Саар А.* Антиконсюмеризм как классовая практика: инвестиции родителей в частный детский сад в Израиле; *Саббах-Каркаби М.* Различия гендерных неравенств по домохозяйствам: кейс палестино-арабских семей в Израиле; *Адамс Т.* Ввоз для сравнения как аппарат: премьер-министры Израиля и их политические стратегии в мемориализации; *Пирккалайнен П. и др.* «Я больше не верю никому из них»: институциональное недоверие к практике коррекции среди финских активистов, поддерживающих право убежища; *Демарт С.* Афро-бельгийские активисты против исследовательских процедур: рефлексия эпистемного принуждения и деколонизальные интервенции в социологических исследованиях.

## AMERICAN SOCIOLOGICAL REIVIEW

(2024)

- № 1.** От редакции: 2024–2026: Ориентиры на У. Дюбуа; *Картер П.* Доклад Президента АСА 2023 г. Нереализованная интеграция в образовании, социологии и обществе; *Статьи.* *Чайлдресс К.* Символизация и ее долгосрочные последствия: данные с литературного поля; *Хоман К.* Понять соперничество в социальном пространстве: религиозные общины Манхэттена, 1949–1999; *Лерч Дж. и др.* Социальные основания академической свободы: разнородные институты в мировом обществе, 1960–2022; *Рейч А.* От кортэги к рыночной дисциплине: политическая экономика тюремного труда, 1974–2022; *Чжао Л., Папахристос Э.* Угрозы голубым сетям: влияние ранений партнера на нарушение норм полицией.



- № 2.** *Нельсон Кан У.* Надежный как дом: финансиализация, лишение права выкупа имущества и прекарное владение домом в США; *Холлетт Т., Гогерти М.* Учиться думать как экономист, не становясь им: амбивалентное воспроизводство и политические контакты в кандидатской программе по гражданским делам; *Мойрис И., Мерлуцци Дж.* Скрытый барьер для диверсификации? Наказуемое признание исполнителей претендентов на работу в профессиях, где доминируют мужчины; *Иоув Т. и др.* «Вакансии», «ступеньки» и «тупики»: структуры занятости, опыт работы и мобильность с низкооплачиваемых позиций; *Ошотзе А. и др.* Культурная тарификация: присвоение и право на пересечение культурных границ; *Росман Г.* Честь среди жуликов: роль доверия в запутанном нечестном обмене.
- № 3.** *Суит П.Л.* Кластеры уязвимостей: неравные влияния Ковида-19 на домашнее насилие; *Као Ян.* Культурные последствия рыночного перехода: эмпирическая проверка роста материализма в Китае 21-го века; *Фан Юнь.* Культура цензуры: вмешательство государства и подневольное творчество в глобальном производстве фильмов; *Ясперс Е. и др.* Делать гендеры: гендер партнера и поведение на рынке труда; *Ким Кван, Аскин Н.* Структуры возможности, основанные на характерных чертах: жанровые инновации в американской индустрии поп-музыки, 1958–2016; *Вайсхаар К. и др.* Дискриминация при найме под давлением диверсификации: гендер, раса и коммодификация разнообразия при смене работы в производстве софта.

### AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2023. Vol. 129)

- № 5.** *Гонсалвеш Т.* Уточняя телесные границы: экспертиза медиков и (транс)гендерная классификация; *Найт Д. Дж.* Тюремные нравы: совершеннолетие в американских тюрьмах; *Вилла Лур З.* Конструирование неравенства: неформальные тренировки, классовые стены и социальная закрытость в Силиконовой долине; *Муанестр М.* Бум контроля: правоприменение во внутренней иммиграции США, 1971–2010; *Пандьян Р.К.* Сокращение глобального неравенства в 21-м веке: пересмотр утверждений о трансформации промышленности.
- № 6.** *Карридо М.* Пространственная организация неравенства; *Барклай К., Конли Д.* Влияние расширенной семьи на успехи в учебе: изучение порядка двоюродных братьев/сестер и размер их групп; *МакГолд Т., Мише Э.* Канализируя борьбу с предвзятостью: структуры поля и стратегии предвзятости в глобальной волне протестов 2008–2016; *Маркис К. и др.* Привлекательность и карьеры: статус, красота и работа в Китае и США; *Уолф Дж. и др.* Перемены в XX в. цены образования при выращивании ребенка подростками; *Мора К.* Иммиграционная политика и расизм по отношению к латиноамериканцам.

### EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2024)

- № 1.** *Лобера И. и др.* Не смотрим ли мы на кризис через увеличительное стекло? Предсказание публичных оценок первой ранней официальной реакции властей на пандемию COVID-19 в восьми странах; *Лоуренс Дж. и др.* Чем было смягчено влияние COVID-19 на депрессию? Лонгитюдное исследование работников по уходу за детьми школьного возраста в Ирландии; *Хёгберг Б. и др.* Межпоколенные последствия незанятости родителей на здоровье младенцев: данные шведского регистра статистики; *Калминь М.* Изменения связи развода родителей с образованием детей по когортам: долгосрочная перспектива институционализационной гипотезы; *Юнгкунц С., Маркс П.* Материальные лишения в детстве и неравная политическая социализация: связь экономических трудностей и голосования в будущем; *Ёстерман М., Бренлунд А.* Незанятость, социализация на рабочем месте и участие в выборах; данные по Швеции; *Манцони А., Гебель М.* Транзит молодых взрослых на рынке труда и межпоколенная поддержка в Германии; *Галос Д.Р.* Социальные СМИ и наем: экспериментальный опрос по поводу дискриминации на основе онлайн-признаков общественного класса; *Айснеккер Ф.С., Адриаанс Ж.* Как сравнивать заработки? Референты оплаты и справедливость доходов; *Аксой О., Дингеманн В.* Влияние религиозной активности на доверие, волонтерство и восприятие готовности к совместному труду: данные двух британских панелей; *Андрей Ф. и др.* Доверительный посредник на одном крипторынке незаконных наркотиков; *Колер У. и др.* Выбор контрольных переменных в прикладной количественной социологии: критический обзор.
- № 2.** *Тоббак И. и др.* Профобразование, общее образование и обучение на месте работы по ходу жизненного цикла; *Калм К. и др.* Меньшинства покидают заселенные меньшинствами округа: значим ли этнический контекст для межпоколенной поселенческой сегрегации? *Бёртъен Д. и др.* Меняет ли сексуальная идентичность межпоколенную обра-

зовательную мобильность? Сравнительный анализ пяти стран ОЭСР; *Комбе Б.* Нежелание женщин получать профобразование, которое, как представляется, требует системных навыков, создает огромное поле выбора обучения; *Фрауке П. и др.* Вмешательство ин-формации в долгосрочные проекты заработков и гендерный разрыв в выборе профес-сий; *Барановска-Ратай А. и др.* Безработные родители и субъективное благополучие под-ростков; *Ковалевска Х., Витали А.* «Штрафы» женщин-кормильцев достатком: различия по (не)занятости мужчин и по стране; *Зин Вон Хань и др.* Когда матери делают все это: гендерно-ролевые нормы, занятость женщин и планы рождаемости в постиндустриаль-ных обществах; *Головина К. и др.* Перемены в возрастных когортах в отношении идеалов фертильности; данные ряда кросс-секционных опросов в Финляндии; *Бегалл К.* Чего хотят мужчины и женщины? Данные факторного опроса о предпочитаемом времени ра-боты в парах после рождения ребенка; *Вальдендорф А.* Слова перемен: увеличение гендерно-инклюзивных терминов в СМИ Германии.

- № 3.** *Карлсон К.Б., Биркелунд Е.Ф.* Истоки достижений: совпадают ли корреляции братьев в профессиональном статусе и доходе? *Яннелли К. и др.* По стопам родителей? Использо-вание данных о родных братьях и сестрах в анализе межпоколенной передачи соци-альной (не)удачливости в Шотландии; *Таркяйнен Л. и др.* Воздействие накапливающее-ся подверженности в детстве социоэкономической ущербности на обучение в школе – основанное на учетных данных исследование микрорайонов, школ и родных сестер и братьев; *Хеглум М.А.* Трансформированные жизненные пути постмодерна? Преем-ственность и перемены в траекториях на рынке труда молодых взрослых в Норвегии; *Рувруа Л. и др.* Неприятие неуверенности: трудовые предпочтения молодежи при пере-ходе к взрослости; *Мюллер К.* Технологические перемены, обучение и внутрифир-менные неравенства заработков в Германии; *Душ Сантуш С. и др.* Порождает ли обуче-ние по ходу жизни? Накапливающиеся преимущества неформального участия в трудовом обучении в Германии и СК; *Хаусманн Ш., Рюттенауэр Т.* Материальная де-привация и референдум по Брекзиту: пространственный многоуровневый анализ взаи-модействия между индивидуальной и региональной депривацией; *Отеро Г. и др.* Разли-чия в доступе к социальному капиталу по ряду обществ; *Бергер Дж.* Социальный капи-тал связан с коопераций и неформальным продавливанием норм и поле: поведенческие данные по Швейцарии; *ван Хутенгем А. и др.* Две грани щедрости в доходах: сравнение правовых предпочтений в доступе к и в уровне социальных льгот; *Кальляйтнер Ф., Либ-цин Л.* Справедливы ли налоги? Как разница восприятия формирует отношения к про-грессивному налогообложению.

### KÖLN ZEITSCHRIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE

(2024, vol. 76)

- № 1.** *Мау Т. и др.* Немцы восточные и западные навсегда? К восприятию различий и конфлик-тов между немцами западными и немцами восточными; *Шухарт К., Шимке Б.* Сигнальное влияние образовательной карьеры на шансы поступления на дуальное обучение: ре-зультаты виньетного исследования; *Глинка Х., Винклер О.* Математические естественно-научные компетенции приезжих подростков с биографией беженца и без нее? Роль социально-экономического и этнолингвистического состава; *Кноблаух Х.* Метод. Книжное обозрение. *Штамм И.* Коричневая хозяйственная элита; *Куше И.* Дигитальная трансфор-мация; *Шульц-Нисвандт Ф.* Преклонный возраст; *Килиан Р.* Психические заболевания.

### BRITISH JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2024)

- № 3.** *Линднер Т. и др.* Каков смысл установок по выплатам пособий иммигрантам? Данные корреляционного классового анализа; *Шор Э., Филкобски И.* Как работает символиче-ская граница: еврейский и арабский фемидизм в израильских газетах на иврите; *Бирке-лунд Е.Ф.* Экономический эффект воспроизводства образовательного поля родителей; *Нильсен М.В. и др.* Успехи в социальных науках: как родительство и публикации влияют на гендерный разрыв в восхождении по лесенке научной карьеры. *Карлсон К.Б.* Семей-ное прошлое на всем протяжении жизни влияет на экономический успех: заметка о том, как совпадают по ходу жизни корреляции братьев; *Маррес Н.* Формулировки или устой-чивая проблема с объяснением; *Сэвидж М.* В защиту социологического описания: вари-ант «сотворить мир». Рецензируются книги: *Клэнси Л.* «Обзор работы семейной фирмы», автор рецензии Д. Смит; *Туомли К. и др.* «Жизнь семей во время Ковида. Международная перспектива», автор рецензии Р. Эдвардс; *Клэнси Л.* «Обзор левых феминизмов: Беседы о личном и политическом», автор рецензии Дж. Литтлер.

## CHINESE JOURNAL OF SOCIOLOGY

(Шанхай, 2024)

- № 2.** Специальный выпуск. Неравенство в Китае. Приглашенные редакторы: Ю Джие, Рей-мо Дж.М. Статьи: *Яо Мэнь, Сики Хань.* Кому достанется железная миска риса? Основная конкурентоспособность и рабочие места в государственном секторе среди работников – выпускников колледжей в городах Китая; *Кай Фэн, Ханнум Э.* Различия путей от подростка к ранней взрослости у сельской молодежи Китая: новый взгляд; *Дзянь Кунь Лю и др.* Причины не равенства доходов в городах Китая: метод зажиточности домохозяйства; *Сяо Вень Хань.* Демографические пути и межпоколенные перемены в образовании женщин: данные по Китаю; *Иньин Милли Ян.* Добрачное сожителство и гендерное разделение домашнего труда в Китае; *Сиян Кон.* Социоэкономический статус и статусные достижения детей во время рыночного перехода Китая; *Цзя Ван, Миньгю Ма.* Нестандартная занятость и поддержка пожилых родителей в городах Китая.

## SOCIOLOGICAL BULLETIN

(Индия, 2024)

- № 2.** *Геллнер Д.* Устойчивость иерархии: парадоксы доминирования в Непале и за его пределами; *Джоши В.* Реструктуризация ценностных основ социальных наук в век неолиберализма; *Джайярам Н.* Между традицией и современностью: социологическое прочтение «Сахид Биби Голам» Бимала Митры; *Ролуахпуя.* Религия, идентичность и племенная субнациональная политика в Индии; *Деви Р., Рай С.* Мы знаем, что такое бог для нее: *Хунар*<sup>1</sup> и респектабельная работа женщин. *Книжное обозрение.* Рецензируются книги: *Идея университета.* Возможности и спорничество; и др.

## SOCIOLOGICAL THEORY

(2024)

- № 2.** **Козеровская лекция.** *Декото К.Л.* Путаница чрезвычайных ситуаций COVID-19; *Мегджи А.* От публичной социологии к социологической публике: значение обратной опеки для социальной теории; *Джеролмак К. и др.* Интерактивный зоопарк: уроки для социологии из занятий И. Гофмана этиологией животных; *Дюран Э.* Незнакомец в зеркале: изучая соматическое острашение.

## JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY

(2024)

- № 2.** *Бьелса Э.* Бодлер Бенжамина: перевод и современный опыт; *Балон Я., Хольмвуд Дж.* Раса, нация и империя; забытая социология Герберта Адольфуса Миллера; *Блуте М.* Габриель Тард и культурная эволюция: последствие забвения нашего Менделя; *Сковгорд-Смит А., Херст А.* Марсель Мосс и магические агенты нашего времени; *Кемпле Т.* Рец. на книгу: *Меле В.* Город и модерн у Георга Зиммеля и Вальтера Бенжамина.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

<sup>1</sup> Программа сетевого обучения женщин в Индии современным профессиям.

## Памяти Леонида Леонидовича Рыбаковского (21.04.1931–10.06.2024)



На 94-м году ушел из жизни известный российский демограф, социолог и экономист, специалист в области демографической и миграционной теории, демографической и миграционной политики, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Леонид Леонидович Рыбаковский.

Леонид Леонидович родился в городе Спасске Приморского края в 1931 г. В 1953 г. окончил Куйбышевский плановый институт по специальности «Экономика социалистической промышленности». В 1954–1973 гг. работал в научных и учебных заведениях Хабаровска и Сахалина, с 1959 г. – в Академии наук СССР, а с 1972 г. – в Институте

социологии АН СССР, с 1992 г. – в Институте социально-политических исследований РАН, а с 2020 г. – в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН. В общей сложности научный стаж проф. Рыбаковского 70 лет.

Л.Л. Рыбаковским был внесен вклад в развитие теории трех стадий миграции. Именно он предложил этнодемографический метод оценки людских потерь в военное время, а также коэффициенты интенсивности миграционных связей между регионами.

Автор более 400 научных трудов, в том числе свыше 30 авторских и коллективных монографий. Наиболее известные стали классическими работами отечественной демографии, среди которых можно выделить: Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока (1969), Региональный анализ миграций (1973), Методологические основы прогнозирования населения (1978), Миграция населения: прогнозы, факторы, политика (1987), Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет (1990), Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне (2001), Прикладная демография (2003), Политический террор 1937–1938 годов (2013), 20 лет депопуляции в России (2014), Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы (2020) и др.

Проф. Рыбаковский подготовил свыше 60 кандидатов и докторов экономических и социологических наук не только для России, но и зарубежных стран.

Леонид Леонидович награждался почетной грамотой в связи с 250-летием АН СССР (1975), почетной грамотой Президиума РАН в связи с 275-летием РАН (2000), почетной грамотой Президиума АН СССР в связи с 50-летием со дня рождения (1981), медалью «За доблестный труд» (1970), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2002), орденом Дружбы (2006), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени (2022).

Многие научные идеи и разработки Л.Л. Рыбаковского были реализованы на практике. Он принимал активное участие в разработке государственных документов, таких как итоговые доклады Коллегии Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2012–2019 гг.; предложения по совершенствованию демографической политики Республики Беларусь в рамках проекта международной технической помощи «Поддержка

реализации национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» в 2016–2017 гг.; методика оценки результативности демографической политики РФ Департамента демографической политики и социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты РФ в 2017–2019 гг.; Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.; Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Указ Президента РФ от 14.09.2012 г. № 1289).

Л.Л. Рыбаковский был членом коллегии Министерства труда и социальной защиты РФ, коллегии Министерства здравоохранения и социального развития РФ, членом координационного совета по социальной стратегии при Председателе Совета Федерации, членом научно-экспертного совета Федеральной миграционной службы.

Во многом благодаря идеям, энергии и усилиям Леонида Леонидовича в 2020 г. был создан Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, в котором он проработал недолго, но успел внести огромный вклад в его становление и развитие. Долгие годы входил в редколлегию журнала «Социологические исследования», а с 2022 г. – в редколлегию журнала «Демографические исследования».

Человеческие качества Леонида Леонидовича были прекрасны. Он всегда поддерживал молодежь, объединял людей, любил шутить и радоваться жизни, собирал и публиковал афоризмы и анекдоты, всегда дарил людям радость и любовь. Многие благодаря Л.Л. Рыбаковскому стали учеными, преподавателями и людьми. Он был многогранным, талантливым, светлым, добрым, веселым человеком. Порой казалось, что мир вращается вокруг него.

Одним словом, Леонид Леонидович – это Человек-эпоха, Человек-институт, Человек-вихрь, Человек-огонь, Человек-праздник!

Дорогой Леонид Леонидович с нами всегда не только в памяти, но и в жизни! Любим и помним!

*Ученики, друзья, коллеги*

*С.В. Рязанцев от имени коллектива ИДИ ФНИСЦ РАН*

## О Л.Л. РЫБАКОВСКОМ

В жизни каждого из нас есть люди, с которыми уже при первой встрече возникает желание общаться, обсуждать сначала взаимно интересующие вопросы, а потом и другие жизненные, а главное – продолжать сотрудничать и обогащаться в процессе этого общения. Так и у меня было уже на первой встрече с Леонидом Леонидовичем. С тех пор прошло немало лет. Может, нас породнило, что мы оба искренне болели за судьбы людей, живших в Сибири и на Дальнем Востоке, тем более это был и наш личный жизненный путь.

Мы много раз встречались на различных научных мероприятиях, но эти и личные контакты многократно возросли, когда он принял приглашение стать членом редколлегии журнала СоцИс и в этом качестве он провел много лет. В одно время даже выходил из ее состава, но потом вернулся, так как пришедшие на его смену специалисты не могли восполнить тех знаний, умелого анализа обсуждаемых материалов и мастерства, которым обладал Рыбаковский. Каждая встреча на редколлегии была одновременно и оценкой обсуждаемого материала, и сообщением о его увлекательных поисках и открытиях в процессе своих исследований. Он обогатил меня многими новыми знаниями по демографической ситуации в стране и мире, своими раздумьями о миграционных процессах, об изменениях в возрастной и социально-профессиональной структуре населения.

Это сочеталось не только с научной основательностью, но и гражданской ответственностью, с желанием отстаивать истину на основе статистических и социологических данных. Помню, что в 1990-е гг. остро обсуждался вопрос (который стал не только научным) о людских потерях в Великую Отечественную войну. В научной и публицистической литературе активно обсуждались провокационные, взятые с потока цифры, озвученные бывшим секретарем ЦК КПСС, а потом ставшим ярким антисоветчиком А. Яковлевым – мол, страна потеряла более 50 млн человек вследствие бездарности и преступного поведения руководства СССР и лично Сталина. Не минула эта полемика и нашего журнала. И помню, как однажды при обсуждении статьи об этой проблеме, Леонид Леонидович сказал, что он берется специально заняться ею и обязательно не только выскажет, но и опубликует свои выводы по этому вопросу. И он сдержал слово. Вскоре появилась его работа «Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне (М.: Каталог, 2001), где на основе статистических и других данных, а не на фантазиях, он представил реальную картину произошедших событий в тот период. Именно эта тема потом увлекла и нашла отражение в одной из последних его монографий «Великая Отечественная: Особенности. Людские потери. Факторы победы» (М.: Экон-Информ, 2020).

Рыбаковский обладал удивительной способностью – мыслить афористично, умело применяя это при научных обсуждениях и в повседневной жизни. И это были не случайные порождения его способа мышления, а органическая часть постоянной работы над своими и чужими текстами. Причем многие из рожденных им афоризмов поражали своей точностью наблюдения, своим проникновением в суть обсуждаемой проблемы, ситуации, явления. Нас он радовал и постоянно издаваемыми брошюрами, в которых собирал эти афоризмы, высказанные и на научных встречах и повседневной жизни.

Я был свидетелем его работы с молодежью, для которой были написаны учебники и учебные пособия, а также с теми, кто стал аспирантами: он работал взыскательно и я бы сказал радостно, хотя нередко подтрунивал над некоторыми из них. Было видно, что ему доставляет удовольствие наставлять, помогать, ориентировать молодых исследователей в избранном ими поле исследований. И он не щадил ни времени, ни личных затрат на эту поистине кропотливую работу.

Леонид Леонидович всегда был полон оптимизма и пытался настраивать на его восприятие всех, кто окружал его, с кем он взаимодействовал. Для него не было безвыходных ситуаций, безнадежных статей, нерешаемых проблем: он всегда находил способы и средства, которые бы помогли и обеспечили благоприятный исход. Эта удивительная способность искать и предлагать пути решения возникших проблем стали основой того, что его идеи и суждения воспринимались не только в научном сообществе, но и практическими работниками – ведь недаром он был членом различных советов и комитетов по разработке многих проектов по демографии и миграции в высоких правительственных органах. Но не только. Он был участником изучения и реализации многих проектов и в регионах (Дальний Восток, Сибирь, Ханты-Мансийский округ, Самара).

И, конечно, надо сказать о личных качествах – доброжелательность и в то же время принципиальность, уважение к другому мнению и суждению, искреннее желание сделать все с максимальной пользой для тех, кто нуждался в его совете или мнении.

*Ж.Т. ТОЩЕНКО,  
член-корреспондент РАН*

Редсовет, редколлегия и редакция журнала «Социологические исследования» присоединяются к сказанным точным и важным словам о проф. Л.Л. Рыбаковском. Он останется в памяти честным, принципиальным, ратующим за научную достоверность и болеющим за судьбу Отечества ученым, который всегда мог обсуждать серьезные и важные вещи с неизменным чувством юмора.

## ПАМЯТИ ДАВИДА ГЕНРИХОВИЧА РОТМАНА (12.11.1944–24.01.2024)



В самом начале високосного года на 80-м году жизни умер известный советский и белорусский ученый, доктор социологических наук, профессор Давид Генрихович Ротман. Фактически вся его сознательная жизнь прошла в стенах Белорусского государственного университета и была посвящена любимой профессии – социологии.

Давид Генрихович давно нашел себя в новой, тогда мало кому известной и для кого-то неперспективной профессии социолога. В далекие для нас сегодняшних 1970-е гг. социология только возрождалась, прежде всего, как прикладная наука. Приходилось до всего доходить своим умом и все делать своими руками. К поступлению в 1967 г. на философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ) у Д.Г. Ротмана за плечами уже была богатая трудовая биография: ученик механика-ремонтника на Минской обувной фабрике «Луч»; отдал долг Отечеству – три года срочной службы в танковом дивизионе в Печах, где, как один

из лучших, был принят в ряды КПСС; слыл хорошим спортсменом (первый спортивный разряд по волейболу).

По жизни Давид Генрихович был человеком общественным и социально активным, ему всегда было «по-хорошему мало». Пять лет студенческой жизни пролетели как один день, до предела насыщенные учебой, общественной работой, неиссякаемой вереницей больших и малых дел. Коммуникабельный, трудолюбивый, всегда обязательный, молодой Давид Ротман становится одним из комсомольских лидеров БГУ, избирается секретарем комитета комсомола родного факультета, входит в состав молодежного штаба университета. Каждое лето – третий трудовой семестр – два года подряд выезжает командиром студенческого стройотряда на всесоюзную ударную комсомольскую стройку – строительство Волжского автомобильного завода в Тольятти, затем в составе сводного университетского стройотряда в Германскую Демократическую Республику. Студенческая дружба осталась на всю жизнь.

Ротман оказался хорошим учеником: не чурался никакой работы, был верен в дружбе, сдержан в амбициях и умерен в карьерных устремлениях. Поэтому столь многого достиг в профессии и по достоинству признан профи самого высокого порядка. Патриарх белорусской социологии – профессор Г.П. Давидюк – первым заметил и оценил его таланты, пригласив его для работы в новую науку – социологию, верность которой Давид Генрихович хранил всю последующую жизнь. Он – первый в БГУ доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник БГУ. С его именем неразрывно связано понятие «оперативные социологические исследования», а созданный им в университете Центр социологических и политических исследований, широко известный в мире, в народе давно называют «Центр Ротмана». На его счету больше всех в нашей стране международных научных проектов и самых престижных грантов, он – руководитель международных исследовательских структур. Многого достигнув в избранной профессии, Давид Генрихович до последнего вздоха радел за родной университет, социологию и делал все возможное и невозможное, чтобы помочь молодым социологам «стать на крыло», «остепениться» и добиться в профессии большего.

Прощай, дорогой друг, нам будет тебя очень не хватать...

А.Н. ДАНИЛОВ,  
чл.-корр. НАН Беларуси

# SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 6

## **THEORY. METHODOLOGY**

- 3 IVANOV D.V. The Third Integrative Wave in Sociology. Part I: the Relevance of a New Agenda  
16 ROMANOVSKY N.V. Changes in Global and Russian Theoretical Sociology

## **SOCIAL REALITIES: THE CHALLENGES OF THE TIMES**

- 29 KIRDINA-CHANDLER S.G. The Formation of a New World Order: Challenges for Russian Social Science  
42 CHERNYSH M.F. Ideology vs Utopia: Old Contradictions and New Conflicts in Modern Societies  
53 MARTIANOV V.S. Disenchanted the Western Mainstream

## **SOCIAL POLICY. SCIAL STRUCTURE**

- 65 POPOV E.V. The Regional Dimension of Digital Skills Research  
76 SAVIN S.D. Crisis and Stabilization Dynamics of Mass Consciousness in Russian Society

## **SOCIOLOGY OF HEALTH AND MEDICINE**

- 88 LEBEDEVA-NESEVRIA N.A., SHARYPOVA S. Yu. The (No)Impact of the COVID-19 Pandemic on Everyday Self-Care: Consolidating the Effects  
99 BELOVA Yu. Yu. Alcoholism, Threat to Identity, and Migration Moods (based on materials of an expedition to the Pskov Region)

## **ANNIVERSARY**

- 110 Gilinsky Ya.I. is 90  
113 GILINSKY Ya.I. Postmodern Deviantology: Problems and Prospects  
121 Osipov G.V. is 95

## **SOCIOLOGICAL JOURNALISM**

- 122 SHCHELKIN A.G. Sociology: Postmodernism and Ontology

## **FIRST STEPS**

- 133 SPIRKINA A.K. Sociological Theories of Everyday Life as a Tool for Researching Silence Practices

## **ACADEMIC EVENTS**

- 144 MAKLASHOVA E.G., POPKOV Yu.V. Ethnosocial Processes in Siberia and the Far East  
147 ISTOMINA O.B. Social Processes in Modern Russian Society  
149 KOLOSOVA E.A. Intelligentsia and the Social Contract  
151 SUKHANOVA M.A. III Herzen Readings  
153 TANATOVA D.K., KHAIRULLINA N.G. Sociological Readings in the RSSU on the Problems in Russia Family



## **REFLECTIONS ON A NEW BOOK**

155 TOSHCHENKO Zh.T. A New Page in the History of Russian Sociology

163 **JOURNALS' GUIDE**

## **IN MEMORIAM**

171 Rybakovsky L.L.

174 Rotman D.G.

175 **CONTENTS**

**NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)**

**IN THE NEXT ISSUES (back cover)**